РОМАН ЛАУРЕАТА ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ



РИЧАРД ПАУЭРС

ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО

Замешательство
Ричард Пауэрс

Аннотация
Ричард Пауэрс. Замешательство

Аннотация

Астробиолог Тео Бирн ищет жизнь в далеком космосе и после смерти жены в одиночку воспитывает своего девятилетнего сына Робина, необычного умного мальчика, который сочиняет стихи и может часами в мельчайших подробностях рисовать животных и растения. А еще его хотят исключить из школы за то, что он избил собственного друга. С каждым месяцем состояние Робина ухудшается, и тогда отец прибегает к новейшему методу лечения – нейронной обратной связи. Робин начинает контролировать себя, взаимодействуя с моделью, которая основана на предварительно записанном образе эмоций его покойной матери, ранее участвовавшей в эксперименте. А тем временем мир вокруг Бирнов и по всей Земле начинает разрушаться.

Ричард Пауэрс
Замешательство

Richard Powers
Bewilderment

Copyright © 2021 by Richard Powers
© Наталия Осояну, перевод, 2022
© Василий Половцев, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Те, кто созерцают красоту земли, находят запасы сил, которых хватит до конца самой жизни.

Рэйчел Карсон

Следственно, надо признать, что подобным же образом небо, Солнце, луна и земля, и моря, и все прочие вещи не одиноки, но их даже больше, чем можно исчислить.

Лукреций. О природе вещей [1]

— Значит, мы можем их никогда не обнаружить?

Осенняя ночь была ясной. Мы установили телескоп на террасе домика, расположенного на краю одного из последних темных пятен в восточной части США. Отыскать такую хорошую, концентрированную темноту непросто, и от нее небо сияет. Мы направили трубу в просвет между деревьями над арендованным жилищем. Робин — мой почти девятилетний, грустный и одинокий ребенок, не способный принять этот мир таким, какой он есть, — оторвал взгляд от окуляра.

---

[1] Сноски: 1

Перевод Ф. Петровского. — *Здесь и далее прим. пер.*

— Совершенно верно. Мы можем никогда их не обнаружить.

Я всегда старался говорить ему правду, если сам ее знал и если это не таило в себе смертельную опасность. В любом случае он чувствовал мою ложь.

— *Но они же повсюду, верно? Твои друзья это доказали.*

— Ну, «доказали» — сильно сказано.

— *Может, они просто очень далеко. В космосе чересчур много пустоты, ну, ты в курсе.*

Он начал размахивать руками, как делал всякий раз, когда его подводили слова. От того, что приближалось время сна, легче не стало. Я положил руку на его непокорную каштановую шевелюру. Цвет волос был такой же, как у нее… как у моей Али.

— *А если мы так и не услышим оттуда ни звука? Что тогда?*

Робин поднял руку. Алисса говорила: когда он сосредоточен, можно услышать, как внутри что-то жужжит. Мой сын прищурился, устремил взгляд на высокие деревья, которые вздымались над домиком, словно стены ущелья. Другой рукой потирал ямочку на подбородке — эта привычка свидетельствовала о том, что он напряженно

думает. Он тер с такой силой, что мне пришлось остановить его.

— Робби. Эй! Приземляйся.

Он вскинул ладонь: все в порядке. Ему просто хотелось еще минуту поиграть в догонялки с вопросом в ночной тьме, пока была такая возможность.

— Получается, мы до сих пор не слышали вообще ничегошеньки?

Я ободряюще кивнул своему ученому, дескать, давай не будем спешить с выводами. С созерцанием звезд на сегодня было покончено. Нам достался поразительно безоблачный вечер в месте, известном своей дождливостью. На горизонте повисла Луна Охотника, пузатая и красная. В кольце древесных крон — таком отчетливом, что хоть руками трогай, — виднелся Млечный Путь, словно неисчислимая россыпь самородков на черном дне ручья. Если замереть, то казалось, что звезды кружатся.

— Мы не слышали ничего конкретного. В этом вся проблема.

Я рассмеялся. В хорошие дни он заставлял меня смеяться, иногда несколько раз. Такой дерзкий. Полный радикального скептицизма. Совсем как я. Совсем как она.

— Нет, — согласился я. — Ничего конкретного.

— *А вот если мы услышим хоть что-то... Это будет ого-го как важно!*

— Да уж, точно.

В другой раз найдется время, чтобы объяснить эту важность. А сейчас пришла пора спать. Он прижался глазом к объективу телескопа, чтобы еще разок взглянуть на сияющее ядро галактики Андромеда.

— *Папа, а давай сегодня поспим снаружи?*

Я забрал его из школы на неделю и привез в лес. Опять начались проблемы с одноклассниками, и нам понадобился тайм-аут. Здесь, в Больших Дымчатых горах, я не мог отказать ему в ночлеге под открытым небом.

Мы вернулись в дом, чтобы подготовиться к ночной экспедиции. На первом этаже была одна большая обшитая панелями комната, пропахшая сосной с легкой примесью бекона. На кухне разило отсыревшими полотенцами и штукатуркой — это были ароматы умеренного дождевого леса. На шкафчиках висели листочки для заметок: «Фильтры для кофе над холодильником», «Используйте другие тарелки, пожалуйста!». На потертом дубовом столе лежала раскрытая зеленая папка с инструкциями: капризы сантехники,

распределительный щит, номера экстренных служб. Каждый выключатель в доме был помечен: «Верхний этаж», «Лестница», «Прихожая», «Кухня».

За высокими, от пола до потолка, окнами утром появится бескрайний простор, где горы встают за горами. По бокам от сложенного из плитняка камина расположилась пара мягких диванов в деревенском стиле, с рисунком на обивке в виде процессии лосей, каноэ и медведей. Мы собрали подушки, как войско собирает дань, выволокли их наружу и разложили на террасе.

— *Закуски возьмем?*

— Плохая идея, дружище. Ursus americanus. Их по два на квадратную милю, и они чуют арахис даже в Северной Каролине.

— *Не может быть!* — Робин вскинул палец. — *Однако я кое-что вспомнил!*

Он снова забежал внутрь и вернулся с небольшой книгой в мягкой обложке: «Млекопитающие Дымчатых гор».

— Ты серьезно, Робби? Здесь же тьма — хоть глаз выколи.

Робин продемонстрировал мне аварийный фонарик — из тех, которые заряжают с помощью ручки. Еще утром, когда мы только приехали,

штуковина его очаровала, и он потребовал объяснить, как работает магия. Теперь сын создавал электроны по поводу и без.

Мы устроились поудобнее в нашем импровизированном лагере. Робин казался счастливым, в чем и заключалась цель этой необычной поездки. Лежа под одеялом на прогибающихся досках террасы, мы вдвоем произнесли вслух старую светскую молитву его матери и заснули в свете четырехсот миллиардов звезд, составляющих нашу галактику.

Я никогда не верил диагнозам, которые врачи ставили Робину. Когда недуг получает три разных наименования на протяжении стольких же десятилетий, когда требуется две подкатегории для учета несовместимых симптомов, когда за одно поколение он превращается из несуществующего в наиболее часто диагностируемое детское расстройство в стране, когда два разных врача хотят назначить три разных лекарства — все это говорит о том, что дела идут не очень.

Мой мальчик не всегда хорошо спал. Он мочился в постель несколько раз за сезон, а потом горбился от стыда. Громкие звуки выбивали его из колеи; он так приглушал телевизор, что я почти ничего не слышал. Он ненавидел, когда

тряпичная обезьянка в прачечной не сидела на своем насесте, торчащем над стиральной машиной. Он потратил карманные деньги до последнего доллара на игру с коллекционными карточками — «Собери их все!» — но хранил добычу нетронутой в особой папке с пластиковыми карманчиками, разложив по возрастанию порядковых номеров.

Он чувствовал, если кто-то пустил ветры на противоположном конце переполненного кинозала. Мог часами изучать «Минералы Невады» или «Королей и королев Англии» — главное, чтобы это были таблицы. Постоянно рисовал, хорошо прорабатывая мелкие детали, которые я упускал из виду. Целый год изображал замысловатые здания и машины. Потом переключился на животных и растения.

Его речи были ошеломляющими и загадочными для всех, кроме меня. Он мог цитировать наизусть целые сцены из фильмов после первого же просмотра. Бесконечно пересказывал воспоминания, с каждым повторением деталей становясь счастливее. Дочитав понравившуюся книгу, немедленно возвращался к первой странице. Мог устроить катаклизм на ровном месте, вспылить без повода. Но радость завладевала им

так же легко.

У нас бывали сложные ночи, и Робин ложился спать со мной: всегда на стороне кровати, самой дальней от окна, за которым таились бесчисленные ужасы. (Его мать тоже неизменно выбирала безопасную сторону.) Он грезил наяву, срывал сроки и отказывался сосредотачиваться на неинтересных вещах. Но никогда не ерзал, не метался и не тараторил без остановки. Если занятие ему нравилось, он часами сидел неподвижно. Скажите, какой дефицит мог все это описать? Какой синдром объяснял его особенности?

Версий было множество, включая недуги, связанные с токсинами, которые миллионами фунтов ежегодно попадали во все виды продовольствия в стране. Второй педиатр стремился подыскать наиболее подходящее для Робина «расстройство из, сами понимаете, какого спектра». Мне хотелось объяснить этому человеку, что все живые существа на этой счастливой планете так или иначе относятся к спектру. В этом его суть. Я чуть было не ляпнул, что жизнь как таковая — спектральное расстройство, бесконечная радуга, где каждый вибрирует на особенной частоте. А потом я возжелал ему врезать. Наверное, для этого тоже есть какой-нибудь термин.

А вот для навязчивого стремления ставить людям диа-гнозы в DSM[2] названия не найти. Странно.

Когда руководство школы на два дня отстранило Робина от занятий и привлекло к делу собственных врачей, я почувствовал себя последним динозавром. Ну о чем мне разговаривать с этими людьми? Синтетическая одежда вызывала у сына ужасную экзему. Одноклассники донимали его за то, что он не принимал участия в их злобных сплетнях. Мать погибла в аварии, когда ему было семь. Любимый пес умер от тоски несколько месяцев спустя. Разве найдется врач, который скажет, что этих причин недостаточно для беспокойного поведения?

Наблюдая, как медицина терпит неудачу в том, что касалось моего ребенка, я сформулировал безумную теорию: хватит исправлять живое. Мой мальчик был карманной вселенной, которую я не надеялся когда-нибудь постичь. Каждый из нас — эксперимент, и мы даже не знаем, какова его цель.

Жена нашла бы с врачами общий язык. «*Никто*

---

[2] Сноски: 2

Диагностическое и статистическое руководство по психическим болезням, разработанное и опубликованное Американской психиатрической ассоциацией.

не идеален, — любила она повторять. — *Но, боже мой, до чего прекрасны наши изъяны!*»

Будучи мальчишкой, Робин очень хотел увидеть Вегас-для-Хиллбилли. Три города, сросшихся в один, и двести мест, где можно заказать блины: разве можно такое не полюбить?

Мы покинули наш арендованный домик и проехали семнадцать миль по извилистой дороге вдоль поразительной реки. На это ушел почти час. Робин смотрел на воду с заднего сиденья, изучая быстрины. Это была его новая любимая игра: бинго дикой природы.

– *Длинноногая птица!* — вскричал мой сын.

— Как называется?

Он пролистал свой определитель. Я начал опасаться, как бы его не укачало в машине.

— *Кажется, цапля…*

Робин снова повернулся к реке, а через полдюжины поворотов опять:

— *Лиса! Лиса! Папа, я видел лису!*

— Серую или рыжую?

— *Серую. Ух, какая!*

— Серая лисица может забраться на дерево, если захочет полакомиться плодами хурмы.

– *Врешь*. — Робин отыскал нужную страницу в «Млекопитающих Дымчатых гор». Книга под-

твердила мою правоту. Он застонал и стукнул меня по плечу. — *Слушай, ну откуда ты все это знаешь?*

Я оставался на шаг впереди, поскольку совал нос в его книги до того, как он просыпался.

— Эй, ну я же биолог. Забыл?

— *Астро… би… олух.*

Он ухмыльнулся, проверяя, насколько ужасную черту перешел. Я разинул рот, в равной степени ошеломленный и обрадованный. У Робина были проблемы с гневом, однако он крайне редко опускался до низостей. А мне всегда казалось, что крупица подлости пошла бы ему во благо.

— Ого, мистер. Лишаю тебя каникул до конца восьмого года жизни на Земле.

Ухмыльнувшись шире, он снова начал разглядывать реку. Мы проехали еще милю по извилистой горной дороге, и Робин положил руку мне на плечо.

— *Папа, я просто пошутил.*

Я ответил, не сводя глаз с дороги:

— Я тоже.

В «Музее диковинок Рипли» пришлось отстоять очередь. Это место его нервировало. Ровесники Робина бегали повсюду, творя импровизированный хаос. От их криков сын морщился. Через

тридцать минут в «Комнате страха» стал упрашивать меня уйти. С аквариумом вышло лучше, хоть понравившийся ему скат и не пожелал позировать для портрета.

Пообедав картошкой фри с луковыми кольцами, мы поднялись в лифте на «Небесную платформу». Робина чуть не вырвало прямо на стеклянный пол. Стиснув зубы и сжав побелевшие кулаки, он заявил, что зрелище просто фантастическое. Вернувшись в машину, Робин как будто вздохнул с облегчением от того, что Гатлинбург остался позади.

Он был задумчив по дороге обратно в хижину.

— *Сомневаюсь, что мама назвала бы это место лучшим на всей планете.*

— Нет. Вероятно, оно даже не вошло бы в ее тройку лидеров.

Он рассмеялся. Мне удавалось рассмешить его, выбирая подходящий момент.

В ту ночь было слишком облачно, чтобы любоваться звездами, но мы снова спали на улице, на наших деревенских подушках с их шествиями лосей и медведей. Через две минуты после того, как Робин выключил фонарик, я прошептал:

— Завтра у тебя день рождения.

Но он уже заснул. Я тихо прочитал молитву его

матери за нас обоих, чтобы успокоить сына, если он проснется в ужасе от того, что забыл.

Он разбудил меня глубокой ночью.

— *Как ты думаешь, сколько во Вселенной звезд?*

Я не рассердился. Пусть мне помешали спать, я все равно был рад, что Робин продолжает смотреть на звезды.

— Перемножь количество песчинок и деревьев на Земле. Сто октиллионов.

Я заставил его произнести слово «ноль» двадцать девять раз. На пятнадцатом его смех перешел в стон.

— Окажись ты древним астрономом, использующим римские цифры, не смог бы записать это число. Даже за всю свою жизнь.

— *У скольких звезд есть планеты?*

А вот это число постоянно менялось.

— Вероятно, у большинства имеется по крайней мере одна. У многих — несколько. Только в Млечном Пути может быть девять миллиардов планет, похожих на Землю, в обитаемых зонах соответствующих звезд. Добавь десятки других галактик в Местной группе…

— *Но тогда, папа…*

Робин был мальчиком, восприимчивым к утра-

там. Разумеется, Великое молчание Вселенной причиняло ему боль. Возмутительная безграничность пустоты заставила его задаться тем же вопросом, что пришел в голову Энрико Ферми во время знаменитого обеда в Лос-Аламосе три четверти века назад. Если Вселенная больше и старше, чем кто-либо способен вообразить, у нас явно имеется проблема.

— Папа… если существует так много мест, где можно жить… почему нигде никого нет?

Утром я притворился, что забыл, какой сегодня день. Сын, которому только что исполнилось девять, видел меня насквозь. Пока я готовил супер-пупер овсянку с полудюжиной добавок, Робин от возбуждения прыгал возле кухонного стола, как будто скакал на «кузнечике». Мы побили мировой рекорд по скорости поедания завтрака.

— Давай откроем подарки.

— Что откроем? А ты мастак делать грандиозные предположения…

— Правильное слово — гипотеза.

Робин знал, что получит на день рождения. Он выпрашивал эту штуку несколько месяцев кряду: цифровой микроскоп, который можно было подключать к моему планшету и рассматривать на

экране увеличенную картинку. Сын провел все утро, изучая пену с поверхности пруда, клетки изнутри собственной щеки и нижнюю сторону кленового листа. Он бы с радостью потратил остаток отпуска на разглядывание образцов и наброски в своем альбоме.

Опасаясь вывести его из равновесия, я достал торт, который купил тайком в магазинчике, построенном у подножия горы еще в пятидесятых годах. Робин сперва просиял, потом спохватился.

— *Папа… торт?*

Он направился прямиком к коробке, которую я не сумел спрятать, и изучил состав, качая головой.

— *Не веганский.*

— Робби, сегодня же твой день рождения. Он бывает… как часто? Всего-то раз в год.

Мой мальчик упрямо не улыбался.

— *Сливочное масло. Молочные продукты. Яйца. Мама бы на такое не пошла.*

— О, я не раз видел собственными глазами, как твоя мама ела торт!

Я мгновенно пожалел о сказанном. Робин сделался похож на робкую белку, которая понятия не имеет, стоит ли ей принять вожделенное угощение или удрать обратно в лес.

— *Когда?*

— Время от времени она допускала исключения из правил.

Робин уставился на торт, морковный и до такой степени безгрешный, что другой ребенок испытал бы к нему отвращение. Мимолетный и крохотный деньрожденный Эдем моего сына оказался наводнен ползучими гадами.

— Ладно, чемпион. Скормим его птицам.

— *Ну… Может, сначала попробуем кусочек?*

И мы попробовали. Каждый раз, когда вкус торта делал Робина счастливым, он ловил себя на этом и снова погружался в раздумья.

— *Какого она была роста?*

Он знал ее рост. Но сегодня ему хотелось услышать цифры.

— Пять футов два дюйма. Ты скоро перерастешь ее. Она любила бегать, помнишь?

Он кивнул, скорее отвечая на собственный мысленный вопрос, чем на мой.

— *Она была мелкой, но вредной.*

Али сама себя так называла, готовясь к очередной битве в Капитолии штата Висконсин. Мне же нравилось называть ее «маленькой Вселенной». Я позаимствовал это выражение из сонета Неруды, который прочитал ей однажды ночью, на

границе осени и зимы. Мне пришлось прибегнуть к словам другого мужчины, чтобы попросить ее выйти за меня замуж.

— *Как ты ее называл?*

Меня всегда пугало, когда он читал мои мысли.

— О, по-разному. Ты же знаешь.

— *Ну, например, как?*

— Али от «Алисса». И Союзницей, потому что у нас с ней был альянс.

— *Мисс Лисси.*

— Такой вариант ей не нравился.

— *Мама. Ты назвал ее мамой!*

— Бывало и такое.

– *Как же это странно…* — Я протянул руку, намереваясь взъерошить его волосы. Он сперва отпрянул, но потом передумал и разрешил. — *Расскажи еще раз, почему меня зовут именно так.*

Мой сын знал, каким образом получил свое имя. Он слышал эту историю чаще, чем того требовал здравый смысл. Но он не спрашивал уже несколько месяцев, и я был не против рассказать еще разок.

— На нашем первом свидании мы с твоей мамой отправились понаблюдать за птицами.

— *Это было еще до Мадисона. До всего.*

— До всего. Твоя мама была великолепна! Она

неустанно подмечала птиц повсюду. Славки, дрозды и мухоловки — все они были для нее старыми друзьями. Ей даже не требовалось их видеть. Она узнавала каждую птицу на слух. А я болтался рядом и не мог отличить одно чудо в коричневых перьях от другого…

— *И ты жалел, что не пригласил ее в кино?*

— Ага. Выходит, ты все-таки слышал об этом раньше.

— *Может быть.*

— В конце концов я заметил удивительное пятнышко — яркое, оранжево-красное. Я решил, что это мое спасение, и закричал: «Ой-ой-ой!»

— *И мама сказала: «Что ты видишь? Что видишь?»*

— Она очень волновалась за меня.

— *Потом ты выругался.*

— Не исключено. Я почувствовал себя таким никчемным. «Ну и дела. Прости. Это всего лишь странствующий дрозд[3]». Я думал, что больше никогда не увижу эту женщину.

---

[3] Сноски: 3

Речь идет о птице, которая по-английски называется *American robin*, а по-русски — странствующий дрозд. Следует отметить, что в тексте оригинала употребляется сокращенное название *robin*, совпадающее с именем персонажа, которое обычно переводится как «зарянка» или «малиновка» (*European robin*). Но исходя из описания в конце этой же главы, автор имел в виду именно странствующего дрозда.

Он ждал кульминации, по какой-то причине желая ее услышать еще раз.

— Но твоя мама посмотрела в свой бинокль так, словно моя находка была самой экзотической формой жизни, которую она когда-либо видела. Не отрывая глаз от окуляра, она сказала: «Дрозд — моя любимая птица».

— *В тот момент ты и влюбился в нее.*

— Именно тогда я понял, что хочу проводить с ней как можно больше времени. Я сказал ей об этом позже, когда лучше ее узнал. Мы начали все время повторять эту фразу. Всякий раз, когда что-то делали вместе — читали газету, чистили зубы, заполняли налоговую декларацию или выносили мусор. Годилась любая чушь, любая рутина. Мы обменивались взглядами, читали мысли друг друга, и один из нас выпаливал: «Дрозд — моя любимая птица!»

Робин встал, сложил наши тарелки, отнес их к раковине и открыл кран.

— Эй! Сегодня же твой день рождения. Моя очередь мыть посуду.

Он снова сел напротив меня, многозначительно глядя прямо в глаза.

— *Могу я спросить тебя кое о чем? Не ври. Честность важна для меня, папа. Был ли дрозд*

на самом деле ее любимой птицей?

Я не знал, что значит быть отцом. В основном я просто повторял то, что Али делала раньше. Каждый день совершал ошибки, награждая его шрамами на всю оставшуюся жизнь. Я мог надеяться лишь на то, что все мои промахи каким-то образом компенсировали друг друга.

— На самом деле? Твоя мама любила всякую птицу, которую замечала.

Ответ взволновал его. Наш любопытный мальчик, такой непохожий на всех остальных. Ребенок, которого мировая история начала тяготить еще до того, как он научился разговаривать. «*Как будто ему шестьдесят, а не шесть*», — сказала Али за несколько месяцев до смерти.

— И все-таки дрозд стал символической птицей для нас обоих. Он делал нашу жизнь особенной. Надо было лишь упомянуть его вслух, и дела шли на лад. У нас и в мыслях не было назвать тебя иначе.

Он оскалился:

— *А ты хоть разок подумал, каково это: быть Дроздом?*

— В каком смысле?

— *В том самом — в школе, в парке, повсюду! Каждый день одно и то же.*

— Робби, погоди-ка. Дети снова издеваются над тобой?

Он закрыл один глаз и отстранился.

— *То, что все третьеклашки ведут себя как настоящие засранцы, считается издевательством?*

Я протянул к нему руки, умоляя о прощении. Алисса часто говорила, что мир разорвет этого ребенка на части.

— Робин — достойное имя. Как для мужчины, так и для женщины. Оно очень славное.

— *Может, на другой планете. Или тысячу лет назад. В общем, спасибочки.*

Он уставился в окуляр микроскопа, как будто забыл о моем присутствии. Его записи становились все более прилежными. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что этот мальчик ведет настоящее исследование. В аттестации учительница во втором классе назвала Робина «неторопливым, однако не всегда аккуратным». Она была права насчет медлительности, ошибалась насчет аккуратности. Со временем он достигнет в этом отношении таких высот, какие не в силах вообразить ни один педагог.

Я вышел на террасу, чтобы подышать древесным ароматом. Лес тянулся во всех направлениях.

Пять минут спустя — наверное, для него прошла вечность — Робин вышел и скользнул мне под руку.

— *Прости, папа. Это хорошее имя. И я не против того, чтобы… ну, ты понимаешь. Сбивать всех с толку.*

— Мы все сбиваем друг друга с толку. Так и бродим туда-сюда, озадаченные.

Он вложил мне в руку лист бумаги.

— *Взгляни-ка. Что скажешь?*

В левой верхней части страницы была нарисована цветными карандашами птичка в профиль. Она смотрела в центр. Он постарался, изображая полоски на горлышке и белые пятна у глаз.

— Ну надо же. Любимая птица твоей матери.

— *Как насчет этой?*

Вторая птица, тоже в профиль, сидела справа вверху и смотрела назад. Я сразу ее опознал: ворон со сложенными крыльями, похожий на человека в смокинге, который расхаживает туда-сюда, заложив руки за спину. Моя фамилия происходит от ирландского слова bran, то есть «ворон».

— Мило. Робин Бирн все придумал сам?

Он забрал лист обратно и окинул его критическим взглядом, уже планируя небольшие исправления.

— А нельзя дома размножить этот лист в виде бумаги, на которой пишут письма от руки? Мне очень, очень нужна такая бумага.

— Что-нибудь придумаем, именинник.

Я взял его с собой на планету Двау, которая размерами напоминала Землю и была такой же теплой. На Двау мы узрели горы, равнины и поверхностные воды, плотную атмосферу с облаками, ветром и дождем. Реки размывали камень, унося его по крупице прямо в беспокойные моря, и русла становились все шире.

Мой сын оживился. Его осенило.

— Папа, тут как на Земле! Ведь правда?

— Самую малость.

— А в чем разница?

Мы стояли на красноватом скалистом берегу. Ответ не пришлось искать долго. Мы окинули взглядом окружающий ландшафт: нигде ничего не росло.

— Она мертвая?

— Не мертвая. Примени свой микроскоп.

Робин опустился на колени и зачерпнул предметным стеклом немного пленки с поверхности литоральной ванны. Существа во множестве видов: спирали и палочки, «футбольные мячики» и нити; с порами, ворсинками и жгутиками. Он

мог бы потратить целую вечность, просто пытаясь зарисовать их всех.

— Хочешь сказать, этот мир просто молодой? Все только начинается?

— Он в три раза старше Земли.

Робин оглядел бесплодный пейзаж.

— Тогда в чем дело?

Мой мальчик считал, что каждый мир имеет обеспеченное Создателем право на большущих существ, которые бродят повсюду.

Я объяснил ему, что Двау почти идеальная планета — у нее было подходящее место в подходящей галактике, с нужной металличностью и низким риском гибели из-за радиации или других смертоносных явлений. Орбита Двау пролегала на правильном расстоянии от правильной звезды. Как и на Земле, здесь имелись подвижные литосферные плиты, вулканы и сильное магнитное поле, что обеспечивало стабильный углеродный цикл и устойчивый диапазон температур. Как и Земля, Двау получала воду благодаря кометам.

Святые сосиски… Сколько же у Земли особенностей?

— Больше, чем заслужила любая отдельно взятая планета.

Он щелкнул пальцами, слишком гибкими и маленькими, чтобы издать звук.

— *Я понял. Все из-за метеоритов!*

Однако Двау, как и Землю, оберегали большие планеты на отдаленных орбитах. Эти гиганты защищали ее от метеоритной бомбардировки.

— *Тогда в чем дело?*

Казалось, Робин вот-вот заплачет.

— В отсутствии крупной луны. Поблизости нет ничего, что могло бы стабилизировать осевое вращение.

Мы поднялись на близкую орбиту, и мир затрепетал. На наших глазах времена года хаотично сменяли друг друга: апрель превращался в декабрь, затем в август и лишь после него — в май.

Наши наблюдения продлились миллионы лет. Мы видели, как микробы натыкались на пределы своих возможностей, словно поплавок, ударяющийся о причал. Каждый раз, когда жизнь пыталась разгуляться как следует, планета выкидывала какой-нибудь фортель, и все опять возвращалось к экстремофилам.

— *Навсегда?*

— Пока солнечная вспышка не сожжет атмосферу.

От выражения на лице Робина я едва не пнул са-

мого себя за то, что сообщил об этом так быстро.

– *Круть*, — проговорил мой мальчик, изображая храбрость. — *Ну, типа того*.

Перед нами до самого горизонта простирался бесплодный пейзаж планеты Двау. Робин покачал головой, не понимая, считать ли увиденное трагедией или триумфом. Он посмотрел на меня. Когда сын заговорил, он задал тот самый первый вопрос, который жизнь задает повсюду во Вселенной.

— *А что еще, папа? И где? Покажи мне другую планету.*

На следующий день мы отправились в лес. Робин был сам не свой от предвкушения.

— *Мне уже девять, папа. Я сяду спереди!*

Закон наконец-то освободил его от обязанности ездить сзади. Он ждал вида с переднего сиденья всю свою жизнь.

— *Ух ты, здорово. Здесь намного интереснее.*

В ущельях клубился туман. Мы проехали через маленький городок, простирающийся всего лишь на два здания в обе стороны от главной улицы: хозяйственный магазин, бакалея, три площадки для барбекю, прокат надувных камер для тюбинга, лавки, торгующие туристическим снаряжением. Затем начались полмиллиона акров

леса, который восстанавливался после вырубки.

Когда-то здесь возвышался горный хребет, способный потягаться с Гималаями, но теперь от него остались сглаженные холмы. Водосборные бассейны окрасились в цвета, соответствующие лиственным деревьям — лимон, янтарь, корица. Оксидендрумы и ликвидамбары испятнали склоны гор багрянцем. Мы миновали поворот дороги и въехали в национальный парк. Потрясенный Робин протяжно ахнул.

Мы оставили машину у начала туристической тропы. Я нес каркасный походный рюкзак с палаткой, спальными мешками и плитой. Худенький Робин тащил припасы: хлеб, бобовый суп, маршмеллоу, а заодно и посуду. Он сутулился от тяжести. Наш путь лежал через горы, к отдаленной площадке для кемпинга: до завтра нам ни с кем не придется ее делить. Площадка располагалась на берегу ручья, который некогда был всем, в чем я нуждался на этой планете.

Южные Аппалачи нацепили экстравагантный осенний наряд. Рододендроны кишели в лощинах и возвышенностях, где от густоты зарослей у Робина разыгралась клаустрофобия. Над подлеском из обезумевшего кустарника высился плотный навес из не менее пышных крон гикори, тсуги и

лириодендронов.

Робин останавливался каждые сто ярдов, чтобы зарисовать клочок мха или беспокойный муравейник. Я не возражал. Он нашел восточную коробчатую черепаху, которая поедала какую-то мягкую массу охристого цвета. Черепаха вызывающе вытянула шею, когда мы наклонились к ней. Удирать она даже не думала. Лишь после того, как Робин присел на корточки рядом, существо попятилось. Робин обвел пальцем рисунок на панцире: непостижимое сообщение, записанное марсианской клинописью.

Мы добрались до идущей через широколиственный лес тропы, проложенной безработными парнишками из Гражданского корпуса охраны окружающей среды в те времена, когда коллективная общественная деятельность еще не считалась чем-то опасным. Я растер на ладони звездообразный лист ликвидамбара — наполовину нефритовый, как в августе, наполовину кирпичный, как положено октябрю, — и дал Робину понюхать. Он удивленно вскрикнул. Поцарапанная скорлупа ореха гикори потрясла его еще сильнее. Я позволил ему пожевать кончик бордового листа оксидендрума, чтобы понять, откуда взялось второе название — «кислое дерево».

Пахло перегноем. На протяжении мили тропа поднималась, как крутая лестница. Мы шли под сенью линяющих лиственных деревьев в сопровождении призрачных теней. Когда обогнули скопище замшелых валунов, мир изменился: вместо влажного широколиственного леса вокруг теперь росли сосны и дубы, а воздух сделался суше. Это был семенной год. Желуди лежали на тропе грудами и на каждом шагу выскакивали из-под ног.

В чашеобразной низине возле тропы из лесной подстилки поднимался самый сложный гриб, какие мне случалось увидеть. Его шляпка кремового цвета была размером крупнее, чем две мои ладони. Она выглядела как круг из присборенной кружевной ленты — этакий замысловатый гофрированный воротник елизаветинской эпохи.

— *Ух ты! Что это?!*

Я понятия не имел.

Дальше по тропе он чуть не наступил на черную с желтым многоножку. Существо свернулось клубком у меня в руке. Я помахал над ним ладонью, предлагая Робину втянуть носом воздух.

— *Святые сосиски!*

— Чем пахнет?

— *Мамой!*

Я рассмеялся.

— Ну, да. Экстракт миндаля. Которым мама иногда пахла, когда занималась выпечкой.

Он поднес мою ладонь к своему носу, как будто совершая вояж в прошлое.

— *С ума сойти.*

— Да уж, точно.

Робину хотелось большего, но я положил многоножку обратно в заросли осоки, и мы продолжили путь. Я не сказал сыну, что подлинным источником восхитительного аромата был цианид, токсичный в больших дозах. Мне следовало это сделать. Честность была для него очень важна.

Тропа вела вниз еще милю, а потом мы вышли на поляну у ручья с каменистым руслом. Скопления белопенных порогов уступили место более глубоким и ровным заводям. Оба берега заросли горным лавром и платанами с облезлыми стволами. Там было красивее, чем в моих воспоминаниях.

Наша палатка представляла собой инженерное чудо: легче литровой бутылки с водой и ненамного больше рулона бумажных полотенец. Робин установил ее самостоятельно. Он собрал тонкие каркасные дуги, согнул их и вставил в отверстия по углам палатки, потом прицепил ткань к жест-

кому экзоскелету, и вуаля: можно ночевать.

— *Нам нужен тент?*

— Зависит от того, сколько в тебе оптимизма.

Робин был настроен весьма оптимистично, как и я сам. Вокруг нас произрастали шесть типов лесов. Семнадцать сотен разновидностей цветковых растений. Больше видов деревьев, чем во всей Европе. Боже мой, да одних саламандр было тридцать видов! Третья планета от Солнца, эта маленькая голубая точка, таила в себе множество чудес, которые мог узреть любой, всего лишь уйдя подальше от доминирующего вида на достаточно долгий срок, чтобы у него прояснилось в голове.

Над нами на ветку горной веймутовой сосны сел ворон размером с крылатую обезьяну из страны Оз.

— Почетный гость на открытии лагеря Бирнов!

Мы зааплодировали, и птица улетела. Потом было решено поплавать, потому что подъем с рюкзаками в день, когда температурный рекорд был побит на пять градусов Фаренгейта, дался нам нелегко.

Над порогами в узкой части русла пролегал пешеходный мост, вырезанный из толстого лириодендрона. Скалы по обе стороны испещряли абстрактные картины из лишайника, мха и во-

дорослей, напоминающие «живопись действия». Ручей был прозрачным до самого каменистого дна. Мы неспешно прогулялись вверх по течению, разыскали плоский валун. Я собрался с духом и потихоньку опустился в поток. Сын наблюдал и, явно сомневаясь, решил сперва посмотреть, что произойдет.

Вода ударила меня в грудь, толкнула к груде камней. С берега дно выглядело ровным, а на самом деле представляло собой миниатюрную затопленную версию горного хребта. Я погрузился в водоворот. Нога скользнула по камню, который быстротечная река за минувшие столетия отполировала до блеска. Потом я вспомнил, как надо себя вести. Сел и перестал сопротивляться холоду.

От первого ледяного прикосновения реки Робин вскрикнул. Но боль продлилась всего лишь полминуты, после чего крики превратились в смех.

— Опустись в воду, — посоветовал я. — Ползи. Разбуди свою внутреннюю амфибию.

Робби шлепнулся в неистовую быстрину.

Я раньше не позволял ему делать что-то настолько опасное. Он боролся с течением, стоя на четвереньках. Как только сын уловил нужный

ритм движений, мы направились к местечку посреди речного русла. Там устроились в тесной каменной чаше, схватившись за край громокипящего джакузи. Этакий серфинг шиворот-навыворот: полулежа, удерживая равновесие за счет постоянного контроля над сотней мышц. Пленка воды на камнях; рябь на ее поверхности, отчетливая в лучах солнца; рев потока над пенящейся быстриной, в которой мы лежали, — потока, который одновременно тек и странным образом стоял на месте, — все это заворожило Робина.

Теперь ручей казался почти теплым, согретый силой воды и нашим собственным адреналином. Струи извивались, как нечто дикое. Ниже по течению быстрины исчезали под оранжевым пологом деревьев, что тянулись друг к другу с противоположных берегов. Будущее текло из-за наших спин прямиком в прошлое, пестрое от пятен солнечного света.

Робин посмотрел на свои погруженные в воду руки и ноги. Он боролся с водой, которая неустанно двигалась и все искажала.

— Похоже на планету, где гравитация постоянно меняется.

Подплыли покрытые черными полосками рыбки длиной с мой мизинец и стали целовать наши

конечности. Спустя минуту я понял: они питаются чешуйками шелушащейся кожи. Зрелище завоевало все внимание Робина без остатка. Он превратился в главный экспонат собственного аквариума.

Мы пустились вверх по течению на четвереньках, ощупывая дно руками в поисках опоры. Робин перемещался боком от одного каскада к другому, изображая ракообразное. Я забрался в новую тесную ванну из камней, вдохнул насыщенный влагой воздух, полный отрицательно заряженных ионов, порожденных столкновением двух стихий. Переменчивые ощущения приводили меня в восторг: беспокойный воздух, кусачее течение, падающая, необузданная вода; наш последний совместный заплыв в конце года. Ощутив себя еще одной волной, стремящейся по каменистому руслу, я на миг приподнялся и снова рухнул.

Через сотню ярдов от меня Алисса прыгнула в реку ногами вперед, одетая в гидрокостюм, который облегал ее, как вторая кожа. Я обосновался ниже по течению, чтобы ее поймать, и все равно она верещала, оказавшись во власти потока. Моя маленькая Вселенная приближалась ко мне, подпрыгивая на волнах, делаясь все больше с каждой

секундой, но стоило напрячь мышцы и приготовиться ее схватить, как она прошла сквозь меня.

Робби разжал руки, и быстрины потащили его вниз по течению. Я потянулся к сыну, он схватился за меня. Вцепился мертвой хваткой, посмотрел мне в глаза.

— *Эй. Что стряслось?*

Я выдержал его пристальный взгляд.

— Это ты трясешься. А со мной все в порядке. Ну, почти.

– *Папа!* — Он взмахнул свободной рукой, указывая на все, что нас окружало. — *Почему тебе грустно? Только посмотри, где мы! Разве в мире есть второе такое место?*

Нет. Второго такого не существует.

Он сел прямо в каскад, продолжая держаться за меня. Раздумья заняли не больше полминуты.

— *Погоди-ка. Ты был здесь с мамой? Вы тут провели медовый месяц?*

Да, это была его суперсила. Я удивленно покачал головой.

— Как ты догадался, Шерлок?

Он нахмурился и поднялся из воды. Пошатываясь, окинул реку новым взглядом.

— *Это все объясняет.*

Вернувшись в наш лагерь, я почувствовал,

как во мне пробуждается интерес к событиям за пределами Больших Дымчатых гор. По всему миру происходили чрезвычайно важные вещи, о которых я ничего не знал. Известия от коллег накапливались в моем виртуальном почтовом ящике. Астробиологи с пяти континентов устроили свару из-за недавних публикаций. Ледники откололись от Антарктиды. Главы государств продолжали испытывать на прочность доверие общества. Повсеместно вспыхивали маленькие войны.

Я как мог сторонился информационных потоков, пока мы с Робином собирали сосновые ветки для костра. Мы повесили наши рюкзаки на проволоке, натянутой между двумя платанами, где даже откормленные медведи не могли до них добраться. Когда пламя разгорелось, нам осталось лишь приготовить бобы и поджарить маршмеллоу.

Робин уставился в огонь и пробубнил монотонным голосом, словно робот, что могло бы встревожить его педиатра:

– *Как тут хорошо.* — Минуту спустя: — *Чувствую, что мое место здесь.*

Мы наблюдали за искрами, бездельничали, и у нас неплохо получалось. За горным массивом на

западе виднелся последний пурпурный краешек заката. Покрытые лесом склоны весь день вдыхали, а теперь начали снова выдыхать. Вокруг костра замелькали тени. Робин вертел головой при каждом звуке. В его широко распахнутых глазах отражалось нечто среднее между благоговением и страхом.

– *Слишком темно, чтобы рисовать,* — прошептал он.

— Да, — сказал я, хотя мой сын, вероятно, справился бы и в темноте.

— *Когда-то Гатлинбург выглядел вот так?*

Этот вопрос поразил меня.

— Там были деревья повыше. Намного старше. Этим, в основном, меньше ста лет.

— *За сто лет лес может многого добиться.*

— Это точно.

Он прищурился, мысленно отправляя всевозможные места — Гатлинбург, Пиджен-Фордж, Чикаго, Мадисон — в те времена, когда там царствовала дикая природа. Я делал то же самое в худшие ночи после смерти Алиссы. Но когда увидел, как эти фантазии овладели моим ребенком — тем, ради кого я продолжал жить, — они показались мне нездоровыми. Любой порядочный родитель на моем месте не позволил бы ему

думать о таком.

Мне не пришлось отвлекать Робина. Хотя он вновь заговорил тихим, автоматическим голосом, в его глазах, устремленных на пламя, что-то вспыхнуло.

— *Мама читала Честеру стихи по вечерам?*

Поди знай, как ему удавалось перескакивать с одной мысли на другую. Я давным-давно забросил попытки за ним угнаться.

— Да, было дело.

Любимый ритуал Алиссы задолго до моего появления в ее жизни. После двух бокалов красного вина она устраивала сеанс декламации любимых строф для взятого из приюта самого простодушного из псов, помеси бигля и бордер-колли.

— *Стихи. Честеру.*

— Я тоже слушал.

– *Знаю*, — сказал он. Моя роль явно была незначительной.

Угли плюнули искрами, затем снова превратились в красновато-серые слитки. На мгновение я испугался, что Робин попросит меня прочитать наизусть ее любимое стихотворение. Но он сказал другое.

— *Мы должны взять нового Честера.*

Смерть пса чуть не погубила Робби. Вся скорбь

по Алиссе, которую он подавлял, чтобы защитить меня, вырвалась из него, когда старый измученный зверь сдался. Приступы ярости следовали один за другим, и я позволил врачам некоторое время пичкать его лекарствами. Все, о чем он мог думать — это завести еще одну собаку. Долгое время я сопротивлялся. Почему-то эта идея меня травмировала.

— Даже не знаю, Робби. — Я ткнул палкой в золу. — Сомневаюсь, что мы найдем второго такого, как Честер.

— *Хороших собак много, папа. Они повсюду.*

— Это большая ответственность. Кормить, выгуливать, убирать. Читать стихи каждый вечер. Знаешь, большинство собак не очень-то жалуют поэзию.

— *Я стал очень ответственным, папа. Таким ответственным, как никогда раньше.*

— Давай подумаем об этом завтра, хорошо?

Чтобы продемонстрировать свою ответственность, он залил огонь несколькими галлонами воды. Мы заползли в двухместную палатку и легли лицом вверх, бок о бок, без тента — нас отделяла от Вселенной лишь тонкая сетка. Верхушки деревьев колыхались в свете Луны Охотника. Робби с задумчивым видом наблюдал, как они

движутся.

— Представь себе, если бы мы могли прикрепить над ними огромную доску для спиритических сеансов… Они бы посылали нам сообщения, а мы их читали!

В лесу вспорхнула птица — еще одно загадочное сообщение, которое никто не в силах расшифровать. *Пороть беднягу Уилла! Пороть беднягу Уилла!* Я хотел было сказать, как эта птица называется, но не стоило утруждаться. Существо все представлялось и представлялось, не умолкая. *Пороть беднягу Уилла! Пороть беднягу Уилла! Пороть беднягу Уилла! Пороть беднягу Уилла!*

Робин схватил меня за руку.

— *Ничего себе, как раскричался!* [4]

Птица все продолжала надрываться в прохладной тьме. Мы начали считать вместе, вполголоса, но сдались, когда дошли до ста, а крикун так и не выдохся. Козодой все еще упорствовал, когда у Робина начали слипаться глаза. Я легонько пихнул его локтем.

— Эй, мистер! Мы забыли. Пусть все разумные

---

[4] Сноски: 4

Восточно-американский, или жалобный, козодой (Antrostomus vociferus) в английском языке имеет ономатопоическое (звукоподражательное, основанное на крике самой птицы) название, у которого нет русских аналогов: whip-poor-will, что в буквальном смысле означает «Пороть беднягу Уилла».

существа…

— *…будут избавлены от ненужных страданий. Кстати, откуда это взялось? Я имею в виду, до мамы.*

Я объяснил. Это была концепция из буддизма: четыре безмерных настроя.

— Есть четыре хороших качества, которые стоит пестовать в себе. Быть добрым ко всему живому. Оставаться невозмутимым и стойким. Радоваться за любое существо, если оно счастливо. И помнить, что любое страдание — оно также и твое.

— *Мама была буддисткой?*

Я засмеялся, и он схватил меня за руку через два спальных мешка.

— Твоя мама была сама себе религия. Каждое слово — на вес золота. Когда она говорила, все слушали. Даже я.

Он издал какой-то невнятный звук и обнял себя за плечи. Что-то крупное прошло по склону над нашей палаткой, ломая ветки. Что-то мелкое копошилось в слое опавшей листвы. Летучие мыши нанесли наше обиталище на свои карты в частотах, превосходящих возможности человеческих ушей. Но моего сына ничего не встревожило. Когда Робин был счастлив, он владел всеми че-

тырьмя безмерными настроями.

— Однажды твоя мама мне сказала, что независимо от того, с каким количеством гадостей ей пришлось столкнуться в течение дня, стоит произнести эти слова перед сном — и следующим утром она будет готова к чему угодно.

– *Есть один вопрос,* — сказал он. — *Расскажи мне еще раз, чем ты занимаешься?*

— Ох, Робби. Уже поздно.

— Я серьезно. Если меня в школе об этом спрашивают, что я должен говорить?

Потому-то его и отстранили от учебы месяц назад. Сын какого-то банкира спросил, чем я занимаюсь. Робин ответил: «Папа ищет жизнь в космосе». Что и сподвигло другого мальчика, директорского отпрыска, заявить следующее: «Почему папаша Дрозда Бирна похож на кусок туалетной бумаги? Потому что кружится возле Урана в поисках клингонов»[5]. Робин сорвался и, похоже, грозился убить обоих. В наши дни такое считается основанием для отстранения и немедленной отправки к психиатру. Мы отделались

---

[5] Сноски: 5

Непереводимая игра слов, основанная на созвучии английского Uranus и «анус», а также на буквальном переводе слова «клингон» (вымышленная раса из научно-фантастического сериала «Звездный путь») как «цепляться» (cling on).

легким испугом.

— Это сложно.

Он взмахнул рукой в сторону леса, который высился над нами.

— *Мы никуда не спешим.*

— Я пишу программы, которые пытаются собрать все факты, которые нам известны о составных частях любой планеты — о ее скалах, вулканах и океанах, обо всей физике и химии, — соединить их в единое целое и определить, какие газы должны присутствовать в ее атмосфере.

— *А для чего это нужно?*

— Дело в том, что атмосфера — часть процессов, связанных с жизнью. Ее состав может подсказать, есть ли таковая на планете.

— *Как на Земле?*

— Да. Мои программы уже позволили предсказать, какой была атмосфера Земли в разные исторические периоды.

— *Нельзя предсказать прошлое, папа.*

— Можно, если не знаешь, каким оно было.

— *И как же определить, какие газы есть в атмосфере планеты, если до нее сотня световых лет, и никто даже не может ее увидеть?*

Я выдохнул, изменяя состав атмосферы в нашей палатке. День выдался долгий; то, что он

хотел узнать, подразумевало десять лет учебы и столько же курсовых работ. И все-таки именно детский вопрос был началом всего сущего.

— Ладно. Помнишь, что такое атомы?

— *Ага. Такие малюсенькие штучки.*

— А электроны?

— *Еще меньше.*

— Электроны в атоме могут занимать строго определенные энергетические уровни. Они как будто стоят на ступеньках лестницы. Переходя со ступеньки на ступеньку, электроны поглощают или выделяют энергию на определенных частотах. Эти частоты зависят от того, частью какого атома они являются.

– *Обалдеть*. — Он ухмыльнулся, разглядывая деревья над палаткой.

— Что, вот прям сразу ты обалдел? Погоди, слушай дальше. Когда мы рассматриваем спектр звезды, в нем обнаруживаются маленькие темные линии, которые соответствуют ступенькам упомянутой лестницы. Этот метод называется «спектроскопия» — он позволяет определить, какие атомы есть в составе звезды.

— *Маленькие темные линии. От электронов, которые находятся на расстоянии в миллионы миль. Кто это придумал?*

— Мы, люди, очень умные существа.

Робин ничего не сказал в ответ. Я решил, что он снова заснул — хорошее завершение прекрасного дня. Даже козодой согласился и замолчал. Тишина наполнилась жужжанием насекомых, похожим на звук работающей где-то далеко ленточной пилы, и рокотом реки.

Должно быть, я тоже отключился, потому что в какой-то момент оказалось, что Честер сидит, положив морду мне на ногу, и скулит, пока Алисса читает нам о душе, в которой возродится былое целомудрие.

— Папа. Папа! Я понял.

Я вынырнул из глубин сна.

— Что понял, малыш?

Он разволновался и пропустил мимо ушей ласковое обращение.

— Почему мы их не слышим.

Я все еще наполовину спал и не понимал, о чем он говорит.

— Напомни, как называются пожиратели камней?

Он все еще пытался решить парадокс Ферми — понять, отчего наша Вселенная, невзирая на время существования и протяженность, кажется пустой. Задачка не покидала его разум с нашей

первой ночи в хижине, когда мы рассматривали Млечный Путь через телескоп и задавались вопросом «Где все?»

— Литотрофы.

Робин хлопнул себя по лбу.

— Литотрофы! Точно. Итак, предположим, есть скалистая планета, полная литотрофов, живущих внутри камней. Видишь, в чем проблема?

— Еще нет.

— Папа, ну же! Может быть, они обитают в жидком метане или вроде того. Они очень медлительные, едва шевелятся. Их дни — наши столетия. А если сообщения занимают столько времени, что мы просто не в силах их опознать как сообщения? Я хочу сказать, вдруг инопланетянам требуется пятьдесят наших лет, чтобы послать два слога…

Где-то далеко снова завелся наш козодой. В моих воспоминаниях вечный страдалец Честер продолжал сражаться с Йейтсом.

— Отличная идея, Робби.

— А еще может быть такое, что существует водный мир. Там обитают суперумные, суперрезвые птицерыбы, которые транслируют сигналы во всех направлениях, пытаясь привлечь наше

внимание.

— Но их передачи слишком быстрые, чтобы мы могли хоть что-то разобрать.

— *Точно! Надо попробовать слушать на разных скоростях.*

— Мама любит тебя, Робби. Помнишь об этом?

Это была кодовая фраза, и он подчинился ей. Но все равно никак не мог угомониться.

— *По крайней мере, расскажи участникам SETI, хорошо?*

— Обязательно.

Его следующие слова снова разбудили меня спустя минуту, три секунды, полчаса — кто знает, сколько времени прошло?

— *Помнишь, как она говорила: «Насколько ты богат, малыш?»*

— Помню.

Он поднял руки к залитому лунным светом пейзажу вокруг нас. Верхушки деревьев на ветру. Рев реки поблизости. Электроны, прыгающие по лестнице своих атомов в этой неповторимой атмосфере. Во тьме Робби постарался сохранить торжественное лицо.

— *Вот настолько. Это все мое!*

Когда Робин наконец позволил мне уснуть, ничего не вышло. В лесном лагере, с бобовым супом

и альбомом для рисования, нам было хорошо. Но где-то ждала цивилизация, предвещая, что я окажусь по уши в работе, а Робин вернется в ненавистную школу, к детям, которых он пугал, сам того не желая. В Мадисоне от нашего рая не останется даже пеньков.

Все, что касалось отцовства, приводило меня в ужас задолго до того дня, когда Алисса ворвалась в мой кабинет в Стерлинг-холле и крикнула: «Вот ты и попался, профессор! У нас будет гость!» Я обнял ее под аплодисменты удивленных коллег. Это был последний раз, когда мне с несомненным успехом удалось справиться с отцовскими обязанностями.

Я скорее заговорил бы на суахили, чем оказался достойным родителем. Открывающиеся перспективы вызывали у Алиссы смесь ужаса и восторга. Так или иначе, совокупная мудрость родственников, друзей, врачей, медсестер и сайтов с советами в Интернете придала нам достаточно смелости, чтобы на все забить и двигаться вперед интуитивно. Десятки тысяч невежественных поколений достаточно хорошо разобрались в тонкостях воспитания потомства, чтобы наш вид не сошел со сцены. Я решил, что мы будем не худшими родителями. Так сложилось, что у нас

с Алиссой не было времени соперничать на этом поприще. С того момента, как Робина вытащили из инкубатора, жизнь превратилась в нескончаемую череду учебных тревог.

Как выяснилось — я об этом даже не догадывался, — у детей есть встроенная защита от дурака. Кто бы мог подумать, что четырехлетний карапуз способен опрокинуть на себя гриль, полный горячих углей, и отделаться единственным волдырем в форме розовой устрицы пониже спины?

С другой стороны, разнообразие неприятностей не переставало меня удивлять. Однажды я прочитал шестилетнему Робину «Плюшевого кролика», и лишь в восьмилетнем возрасте он признался, что после этого его много месяцев преследовали ночные кошмары. Он два года боялся мне рассказать: в этом весь Робби. Одному богу известно, в чем мог бы мне признаться одиннадцатилетний сын по поводу того, что я делал сейчас. Но он пережил смерть матери. Я полагал, что мои благие намерения его не погубят.

Той ночью я лежал в палатке и размышлял о том, как Робби провел два дня: тревожась из-за тишины галактики, которая должна была кишеть цивилизациями. Неужели хоть кто-то мог бы защитить такого ребенка от его собственного

воображения, не говоря уже о плотоядных третьеклассниках, готовых кидаться какашками? Будь с нами Алисса, мы бы продержались благодаря ее безграничной способности прощать и решимости, как у бульдозера. Без нее я блуждал в трех соснах.

Я пошевелился в своем спальном мешке, стараясь не разбудить Робина. Хор беспозвоночных то нарастал, то затихал. Две пестрые неясыти переговаривались: «Кто тебя накормит? Кто всех вас накормит?»[6] Кто еще способен накормить этого мальчика, кроме меня самого? Невозможно себе представить, что Робин однажды закалится и сумеет без посторонней помощи выжить на этой планете, устроенной по принципу финансовой пирамиды. Возможно, я и не хотел, чтобы он менялся. Мне нравилось, что он такой, неземной. Мне нравилось иметь сына настолько простодушного, что это сбивало с толку нахалов-одноклассников. Мне нравилось быть отцом ребенка, чьим любимым животным три года подряд оставался морской слизень. Голожаберных моллюсков всерьез недооценивают.

---

[6] Сноски: 6

Буквальный перевод английской ономатопоической фразы «Who cooks for you? Who cooks for you-all?», воспроизводящей крик пестрой неясыти.

Да уж, о чем еще волноваться астробиологу по ночам. Я ощутил дыхание деревьев, услышал реку, где мы с Алиссой плавали вместе; во тьме вода продолжала полировать валуны. Из спального мешка рядом со мной донесся голос Робина.

– *Хватит!* — умолял он во сне. — *Прошу, хватит! Пожалуйста!*

Одно из решений парадокса Ферми было настолько странным, что я не осмелился рассказать о нем Робину. Ему бы месяцами снились плохие сны. Рядом со мной на надувной походной подушке лежал один квадриллион нейронных связей: окажись каждый синапс звездой, их хватило бы на две с половиной тысячи Млечных Путей. Перегреться нетрудно.

Итак, вот о чем я ему не рассказал. Предположим, жизнь легко зарождается с нуля. Предположим, она возникала в каждой трещине космического тротуара за миллиарды лет до Земли. В конце концов, когда наша планета стабилизировалась, жизнь появилась и здесь, для чего потребовались те же ресурсы, что и повсюду во Вселенной.

Предположим, за минувшие эпохи возникли миллионы цивилизаций, многие из которых просуществовали достаточно долго, чтобы выйти

в космос. Такие путешественники находили друг друга, объединялись и делились знаниями, развитие их технологий с каждым новым контактом ускорялось. Они построили огромные сферы для сбора энергии, охватывающие звезды целиком, и управляли роями компьютеров размером с планетные системы. Пользовались мощью квазаров и гамма-всплесков. Заселили галактики, как мы когда-то континенты. Научились менять ткань реальности.

И когда этот консорциум овладел всеми законами пространства-времени, достигнув желаемого, его настигла печаль. Абсолютный Интеллект поддался ностальгии: он вспомнил о походах в лес, об умении ориентироваться в дикой природе — обо всем, что осталось в навсегда утраченном прошлом. Чтобы утешиться, он создал игрушки: бесчисленные изолированные планеты, где жизнь могла бы вновь развиться из первозданных условий.

Предположим, в одном из этих террариумов эволюция создала существ, у которых синапсов в две тысячи пятьсот раз больше, чем звезд в галактике. Даже с такими мозгами эти существа лишь через тысячелетия обнаружили бы, что они навсегда заперты в искусственно созданном

заповеднике, глядят на виртуальный небосвод, обречены остаться детьми, остаться одинокими.

Каталог решений парадокса Ферми называет эту версию «Гипотезой зоопарка». Зоопарки вызывали у Робина тошноту. Ему было невыносимо смотреть на разумных существ, лишенных свободы.

Собственные родители воспитали меня в лютеранской вере, но я отказался от религии в шестнадцать лет. Всю свою жизнь считал, что, когда человек умирает, вся красота, все озарения и надежды — но также вся боль и ужас, — все, что хранится в квадриллионе синапсов, превращается в пыль. Однако той ночью в горах, в нашей двухместной палатке, я не мог не обратиться с просьбой к человеку, который знал Робина лучше всех на свете.

— Алисса…

Моя жена на протяжении одиннадцати с половиной лет.

— Али. Скажи мне, что делать. Нам хорошо вместе, в лесу. Но я боюсь везти его домой.

В три часа ночи хлынул дождь, и я выскочил наружу, чтобы прицепить тент. Воцарившееся безумие сперва повергло Робина в ужас. Но, бегая под ливнем, он начал каркать, как ворона. Он все

еще смеялся, когда мы вернулись в палатку — два глупых, промокших до нитки оптимиста.

— Наверное, мне следовало настоять на тенте.

— *Оно того стоило, папа. Я бы снова его убрал!*

— Что вы говорите… Я и не думал, что в тебе живет маленькая амфибия.

Мы сварили овсянку на переносной плите и поздним утром свернули лагерь. Тропа, когда по ней шли в противоположную сторону, выглядела иначе. Мы опять поднялись на холм, потом начали спускаться. Робин удивлялся, сколько всего продолжает расти поздней осенью. Я показал ему гамамелис, цветущий в январе. Рассказал о ледничниках, которые всю зиму катаются по льду и питаются мхом.

Мы вернулись к началу тропы слишком быстро. Когда сквозь деревья промелькнула дорога, я расстроился. Машины, асфальт, табличка с перечнем правил; после ночи в лесу от парковки повеяло смертью. Я старательно скрывал от Робина свои чувства. Наверное, он и сам пытался меня оберегать.

По пути в свой арендованный коттедж мы попали в пробку. Я остановился позади «Субару Аутбэк» с мощными горными велосипедами на багажнике. Вереница машин растянулась впе-

реди, исчезая из виду: полмили обездвиженных внедорожников с людьми, изголодавшимися по крупицам дикой природы, что еще остались в восточной части страны.

Я покосился на своего пассажира.

— Знаешь, что это такое? Медвежья пробка!

Я уже говорил Робби, что мы можем повстречать барибала, поскольку в этих краях обитала самая многочисленная популяция на континенте.

— Давай вылезай. Прогуляйся и проверь, что там. Только держись поближе к дороге.

Он уставился на меня.

— *Ты серьезно?*

— Конечно! Я тебя не брошу. Остановлюсь и подберу, когда мы поравняемся.

Он не двигался.

— Ну давай же, Робби. Там будет много людей. Медведи не причинят тебе вреда.

Сын чуть не испепелил меня взглядом: он тревожился не из-за четвероногих. Так или иначе, Робин вышел из машины и, спотыкаясь, побрел вдоль стоящих автомобилей. Эта маленькая победа должна была меня взбодрить.

Ряд машин тихонько полз вперед. Водители начали сигналить. Кто-то пытался развернуться на

узкой горной дороге. Автомобили беспорядочно съезжали на обочину, рядом с потоком суетились пассажиры. Люди расспрашивали друг друга: медведь? где? мать и трое малышей! Вон там. Нет, там. Девушка-рейнджер пыталась заставить всех двигаться дальше. Очередь ее игнорировала.

Через несколько минут я добрался до собравшейся на обочине толпы. Одни указывали в сторону леса, другие смотрели в бинокли. Кто-то установил камеру на штатив и навел на цель объектив-гаубицу. Многие отгородились от природы мобильными телефонами. Люди чем-то напоминали скопище зевак у офисного здания, наблюдающих за человеком на карнизе десятого этажа.

Потом я заметил семейство из четырех медведей, трусившее в подлесок. Мать бросила взгляд через плечо на собравшихся людей. Я увидел Робина в толпе — тот смотрел себе под ноги, а не на барибалов. Потом повернулся, увидел меня и побежал к машине. Очередь все еще стояла намертво. Я опустил стекло.

— Вернись туда и посмотри, Робби.

Он обогнул машину, сел на свое место и захлопнул дверь.

— Ты их видел?

— *Видел. Очень круто.*

Ответ прозвучал воинственно. Он смотрел вперед, на «Аутбэк», за которым мы по-прежнему ехали. Я ощутил, что надвигается какая-то буря.

— Робби. Что произошло? Что не так?

Мой сын отвернулся к окну и крикнул:

— *Ты их сам-то видел?*

Он уставился на свои руки, лежащие на коленях. Мне хватило ума не торопить события. Спектакль окончился, движение наконец-то возобновилось. Через полмили Робби снова заговорил.

— *Должно быть, они нас ненавидят. Что бы ты чувствовал, если бы из тебя сделали гвоздь программы в шоу уродов?*

Прошло еще несколько минут, на протяжении которых он изучал извилистую реку.

— *Цапля.*

Это была просто констатация факта.

Я вытерпел еще две мили.

— Знаешь, а они очень умные. Ursus americanus. Некоторые ученые считают их почти такими же умными, как гоминиды.

— *Умнее.*

— Почему ты так думаешь?

Мы покинули территорию парка и теперь

ехали обратно через плотно застроенную рекреационную зону. Робин взмахнул руками, как будто указывая на доказательство своих слов.

— *Они не нагородили вот это все!*

Мы проехали мимо магазинчика, где торговали сливочной помадкой, киоска с гамбургерами, проката надувных камер для тюбинга, лавки со всякой дребеденью и автодрома. Возле информационного центра свернули налево, и дорога к нашему домику опять повела в гору.

— Это все от одиночества, Робби.

Он посмотрел на меня так, как будто я отказался от членства в клане разумных существ.

— О чем ты говоришь? Им не было одиноко! Они испытывали отвращение!

— *Не кричи, ладно? Я говорю не о медведях.*

По крайней мере головоломка заставила его притормозить.

— *Люди одиноки, потому что мы просто уроды. Мы украли у них все, папа.*

Предзнаменования были повсюду: от напряженных пальцев и трясущихся губ до пурпурной волны, что поднималась по шее. Еще несколько минут, и от умиротворения последних дней не останется и следа. У меня не хватило бы выдержки на двухчасовой приступ мучительной

истерики. Многолетний опыт подсказывал, что наилучший выход из ситуации — отвлекающий маневр.

— Робби, послушай. Предположим, что «Антенная решетка Аллена» проведет завтра пресс-конференцию, на которой будет объявлено о неоспоримых доказательствах существования разумных инопланетян.

— *Папа…*

— Это был бы самый волнующий день в истории Земли. Одно объявление изменило бы все!

Он перестал дергаться, хотя по-прежнему испытывал отвращение. Любопытство все-таки побеждало — с Робином так получалось в девяти случаях из десяти.

— *Ну?*

— Итак… предположим, они провели пресс-конференцию и заявили, что обнаружили в Больших Дымчатых горах инопланетных разведчиков, которые…

– *Да ну тебя!* — перебил он, вскинув руки.

И все-таки мне удалось перевести стрелку. Я по глазам видел, как Робин осмысливает предложенную идею. Он скривился, одновременно обидевшись и повеселев. Вереница существ с мобильниками, растянувшаяся вдоль обочины,

опять превратилась в людей — созданий, относящихся к тому же виду, что и сам Робби. Он уловил суть: мы, homo sapiens, исстрадались по компании. Мы так отчаянно нуждались в контакте с инопланетянами, что малейшего намека на нечто разумное и дикое хватало для создания пробок длиной в несколько миль.

— Никто не хочет быть один, Робби.

Сострадание сошлось в битве с жаждой справедливости… и проиграло.

— Раньше они были повсюду, папа. До того, как мы приперлись. Мы все у них отняли! Мы заслужили свое одиночество.

В ту ночь мы отправились на Фалашу, планету настолько темную, что обнаружить ее удалось лишь благодаря везению. Эта сирота без солнца блуждала в открытом космосе. Когда-то у нее была своя звезда, но в эпоху бурной юности планету вышвырнуло за пределы родной системы.

— Когда я учился в школе, про такое даже не упоминали, — сказал я сыну. — Теперь мы думаем, что планет-изгоев может быть даже больше, чем звезд.

Мы наблюдали, как Фалаша дрейфует в межзвездной пустоте, в вечной ночи и при температуре на несколько градусов выше абсолютного

нуля.

— *Зачем мы пришли сюда, папа? Это самое мертвое место во Вселенной.*

— Ученые считали так же, когда мне было столько лет, сколько сейчас тебе.

Время идет, и мы перестаем верить в то, что считали аксиомой. Первый урок Вселенной таков: нельзя делать умозаключения на основании единственной посылки. Разве что других нет. Значит, их надо отыскать.

Я обратил его внимание на густую парниковую атмосферу и горячее ядро. Продемонстрировал, как приливное трение от крупной луны искривляло и сжимало планету, еще больше ее нагревая. Мы приземлились на поверхности Фалаши.

– *Круть!* — сказал мой взволнованный сын.

— Температура выше точки замерзания воды.

— *Посреди открытого космоса! Но тут нет солнца. Нет растений. Фотосинтеза. Ничегошеньки нет.*

— Жизнь всеядна, — напомнил я ему. — Свет — просто одна из разновидностей пищи.

Мы отправились на дно океанов Фалаши, к срединным хребтам. Направили лучи фонарей в самые глубокие разломы, и Робби ахнул. Повсюду была жизнь: белые крабы и моллюски,

фиолетовые трубчатые черви и порхающие, складчатые существа, похожие на ткань. Все питалось теплом и химией, сочащимися из «черных курильщиков».

Робину все было мало. Он наблюдал, как микробы, черви и ракообразные учились новым трюкам, поедали сородичей и распространяли питательные вещества по морскому дну, в окружающих водах. Проходили целые эпохи, века, даже геологические эоны. Океаны Фалаши наполнились новыми формами жизни: всевозможными жуткими тварями, которые плавали, удирали друг от друга и соревновались в хитрости.

— Пожалуй, хватит, — сказал я.

Но он хотел посмотреть еще. Подводные вулканы извергались, потом остывали. Течения менялись. Небольшие потрясения и локальные катастрофы благоприятствовали тем, кто вел себя скрытно. Неподвижные ракушки превратились в свободных пловцов, а пловцы развили дар предвидения. Искатели приключений колонизировали новые места.

Робин был очарован.

— *Что произойдет еще через миллиард лет?*

— Как-нибудь вернемся и посмотрим.

Мы оторвались от поверхности черной, как смоль, планеты. Она съежилась под нами и в мгновение ока снова стала невидимой.

— *Как же мы вообще обнаружили это место?!*

Да уж, странная история. Цивилизация медлительных, слабых, голых и несуразных существ на гораздо более удачливой планете пережила несколько вымираний, продержалась достаточно долго и узнала, что гравитация искривляет свет повсюду во Вселенной. Без всякой уважительной причины и за безумные деньги мы создали прибор, способный с расстояния в десятки световых лет увидеть малейший изгиб звездного света, создаваемый этим маленьким космическим телом.

– *Да ну тебя*, — сказал мой сын. — *Выдумываешь.*

Такие уж мы, земляне. Не угомонимся, пока всей Вселенной не докажем, что наши выдумки — самая настоящая правда.

Выехали на рассвете. С восходом солнца Робби чувствовал себя лучше всего. Он унаследовал это качество от своей матери, которая могла еще до завтрака разобраться с десятком катастроф некоммерческого характера. В то утро он бы даже к изгнанию отнесся как к приключению.

Когда мы уехали в отпуск, ситуация в стране

была нестабильной, из-за нескольких дней почти без связи я начал беспокоиться о том, что нас ждет. Терпел, пока мы не покинули Теннесси, и лишь потом включил новости. Через два заголовка пожалел о своем решении. Ураган Трент, чья скорость ветра достигала около ста миль в час, отправил в море значительную часть Саут-Форка, что на Лонг-Айленде. Флоты США и Китая играли в ядерные кошки-мышки у острова Хайнань. Восемнадцатипалубный круизный лайнер «Краса морей» взорвался у Сент-Джонса, Антигуа; десятки пассажиров погибли, еще сотни получили ранения. Ответственность за случившееся взяли на себя несколько группировок. В Филадельфии распаленные бесконечными войнами в соцсетях ополченцы Истинной Америки напали на митинг ЧУЭ, и три человека погибли.

Я попытался переключиться на другую волну, но Робби мне не позволил.

— *Мы должны все знать, папа. Это хорошая гражданская позиция.*

Возможно, он был прав. Возможно, хороший отец поступил бы на моем месте так же. Но не исключено, что, позволив ему слушать новости дальше, я совершил колоссальную стратегическую ошибку.

После того, как пожары уничтожили три тысячи домов по всей долине Сан-Фернандо, президент обвинил в случившемся деревья. Его указ предусматривал вырубку двухсот тысяч акров национального леса. При этом даже не все акры находились в Калифорнии.

– *Охренеть!* — воскликнул мой сын. Я не стал утруждать себя выговором за сквернословие. — *Он что, может так поступить?*

Диктор новостей ответил за меня: во имя национальной безопасности президент мог сделать практически что угодно.

— *Президент — навозный жук.*

— Не говори так, дружище.

— *Но я прав.*

— Робин, послушай меня. Ты не можешь так говорить.

— *Почему?*

— Потому что тебя посадят в тюрьму. Помнишь, мы говорили об этом в прошлом месяце?

Робби откинулся на спинку сиденья, явно усомнившись в своей хорошей гражданской позиции.

— *Ну, он все равно такой. Сам-знаешь-какой. Он все портит.*

— Знаю. Но мы не можем говорить об этом

вслух. И вообще. Ты поступаешь очень несправедливо.

Он озадаченно посмотрел на меня и через две секунды расплылся в улыбке до ушей.

— Точно! Навозные жуки — удивительные существа.

— А ты в курсе, что они ориентируются по мысленным картам Млечного Пути?

Робби уставился на меня, разинув рот от удивления. Этот факт казался слишком странным для выдумки. Он вытащил свой карманный блокнот и сделал пометку: проверить, когда вернемся домой.

Мы ехали через холмы Кентукки, которые становились все меньше, мимо Музея сотворения мира и «Встречи с ковчегом», пересекали округа, от которых было мало пользы для какой-либо науки. В поездке слушали «Цветы для Элджернона». Я прочитал эту книгу в одиннадцать лет. Она была одной из первых в моей библиотеке научной фантастики на две тысячи томов. Я купил ее в букинистическом магазине — дешевый покетбук с изображением жуткого лица, наполовину мышиного, наполовину человеческого. Платить за книгу из своего кармана было все равно что взламывать код взрослой жизни. Открыв «Цветы

для Элджернона», я проник на другую Землю. Маленькие, легкие, портативные параллельные Вселенные оказались единственным в этой жизни, что я когда-либо коллекционировал.

Однако на научную стезю меня направил не «Элджернон», а «морские обезьяны» — артемии, разновидность рачков, — которых привезли в удивительном состоянии криптобиоза. К возрасту Робби я уже свел в таблицу свои первые наблюдения о скорости их появления на свет. Но «Элджернон» пробудил во мне зачатки научного воображения и желание экспериментировать с чем-то масштабным — например, с собственной жизнью. Я не перечитывал эту историю давным-давно, и двенадцатичасовая поездка казалась идеальным поводом, чтобы вернуться к ней вместе с Робби.

Сюжет его увлек. Он все время заставлял меня делать паузы и что-нибудь спрашивал.

— Он меняется, папа. Слышишь, как он употребляет слова, которые становятся все длиннее?

Чуть позже:

— Это правда? В смысле, такое может однажды случиться взаправду?

Я сказал ему, что все может случиться взаправду — где-нибудь, когда-нибудь. И, возможно,

совершил ошибку.

К тому времени, когда мы добрались до длинной череды животноводческих ферм южной Индианы, Робби увлекся окончательно, а его комментарии свелись к радостным или насмешливым возгласам. Мы проехали несколько миль не прерываясь. Он наклонился вперед и положил руку на приборную панель, забывая даже выглядывать в окно. Новые синапсы возникали в его мозгу с той же быстротой, что и у Чарли Гордона, чей IQ взмыл до небезопасных высот. Робби поморщился, когда сослуживцы отвергли Чарли. Моральная нечистоплотность ученых-экспериментаторов Немюра и Штрауса причинила сыну такую боль, что мне пришлось напомнить ему о необходимости дышать.

Когда Элджернон умер, он заставил меня остановить запись.

— *Это правда?*

Он не мог смириться с таким поворотом.

— *Мышонок умер?..*

На его лице отразилось желание вообще отказаться от этой истории. Но «Элджернон» уже покончил с большей частью невинности, которой Робин все еще обладал. Сбитый с толку разум выбирал из двух вариантов: перейти из света в

темноту или из темноты на свет.[7]

— Понимаешь, что это значит? Что будет дальше?

Но Робин не мог предвидеть последствий для Чарли. Они его и не тревожили. Я опять включил воспроизведение. Минуту спустя он заставил меня снова сделать паузу.

– *Но мышонок, папа. Мы-мы-мышонок!* — Он демонстративно заныл, как малыш, но это было не совсем притворство.

Мы остановились на ночь в мотеле недалеко от Шампейн-Урбаны, штат Иллинойс. Робин не собирался спать, пока история не закончится. Он лежал на своей кровати, переживая окончательную деградацию Чарли Гордона со стоицизмом Сфинкса. Когда все завершилось, он кивнул и жестом велел выключить свет. Я спросил, что он думает, но Робби просто пожал плечами. Только в темноте у него вырвался вопрос.

— *Мама когда-нибудь читала эту историю?*

Я растерялся.

— Не знаю. Наверное, да. Скорее всего. Это свое-

---

[7] Сноски: 7

Отсылка к книге VII «Государства» Платона. Следует отметить, что соответствующий фрагмент (в котором говорится о «нарушениях зрения» и замешательстве души, застрявшей между светом и тьмой) является эпиграфом к роману Дэниела Киза «Цветы для Элджернона».

го рода классика. Почему ты спросил?

– *Сам-то как думаешь?* — сказал Робин резче, чем, возможно, намеревался. Когда он заговорил снова, в его голосе звучало раскаяние. Мой мальчик то ли вышел на свет, то ли покинул его. Я не понимал, что происходит. — *Ну ты же понимаешь. Мышонок, папа. Мышонок…*

Мы добрались до Мадисона чуть позже полудня в тот день, когда я обещал вернуть Робина в школу. Я получил автоматическое сообщение о том, что он отсутствовал без объяснения причин, с просьбой уведомить, знал ли я об этом («Пожалуйста, ответьте ДА или НЕТ»). Надо было привезти его прямо в класс. Но до конца занятий оставалась всего пара часов, и я чувствовал то же, что чувствовал всегда, когда приходилось передавать сына людям, которые его не понимали. Я хотел, чтобы он еще немного побыл со мной.

Я взял его с собой в кампус. Мне было страшно возвращаться туда после долгого отсутствия. Мне выдали письма, и я связался с ассистенткой-аспиранткой Цзиньцзин, которая вела занятия в мое отсутствие. Цзиньцзин суетилась вокруг Робина, как будто он был ее родным младшим братом из Шэньчжэня. Она повела его посмотреть витрину с метеоритами и фотографиями с «Кассини».

Я же добровольно отправился в пасть к Карлу Страйкеру, моему коллеге и соавтору по статье о выявлении биосигнатур в атмосфере экзопланет, обнаруженных с помощью телескопа. Я задерживал сдачу своей части текста.

— Массачусетский технологический собирается нас обскакать, — сообщил Страйкер.

А как иначе. Массачусетский технологический институт, Принстон или Европейская ассоциация астробиологии вечно оставляли нас в дураках. Просто заниматься наукой недостаточно. Куда ни кинь взгляд, повсюду соревнования: за профессиональный рост, за долю в убывающем грантовом пуле и за лотерейный билет в Стокгольм. По правде говоря, мы со Страйкером и не рассчитывали сорвать джекпот на Шведском Тотализаторе. Но продолжение финансирования — приятная штука. И я поставил его под угрозу, не сумев уточнить модель данных для статьи.

— Опять все из-за мальчика? — спросил Страйкер.

Я чуть не огрызнулся: «У него есть имя, придурок». Потом сказал, что да, все из-за мальчика, и беззвучно взмолился о небольшой поблажке. Страйкер мало что мог сделать. Пятнадцать лет назад экзопланетная золотая жила сделала

грантовые агентства такими же щедрыми к астробиологам, как дворы эпохи Возрождения — к любому искателю приключений с каравеллой. Но теперь земля тряслась под ногами, и приближались финансовые бури.

— Правки нужны к понедельнику, Тео. Я серьезно.

Я пообещал, что справлюсь к понедельнику. Покинул кабинет Страйкера, размышляя о том, как сложилась бы моя карьера в этой молодой научной области, если бы я никогда не женился. Возможно, удачнее. Но ни одна удача в целом мире не могла сравниться с Алиссой и Робином.

В моей жизни был собственный катархей, еще в детстве, когда я жил в Манси. Кромешный ад. Детали, к счастью, уже забылись. Я повзрослел быстро. Внутри моей матери скрывались примерно шесть разных личностей, и половина могла причинить реальный вред мне и двум моим старшим сестрам. К тому времени, когда отец начал медленное самоубийство при помощи обезболивающих, я успел расстаться с мальчишеским дискантом и обзавестись хобби, требующим значительного напряжения сил: сидел безвылазно в комнате и паниковал.

Когда мне было тринадцать, папа заставил

нас с сестрами вымыть уши и занять места на скамье позади него в зале суда. Его должны были приговорить за растрату. Вероятно, уловка сработала: он получил всего восемь месяцев. Однако мы потеряли дом, и отец всю оставшуюся жизнь не зарабатывал больше минимального жалованья. Я держался благодаря мозгам в чане, сферам Дайсона, арканологам, чудовищным космическим сражениям, афрофутуризму, ретропалпу и пси-машинам. Я выстроил себе параллельную Вселенную, где было все, от альфа-излучения до Точки Омега, и еще там разворачивались бесконечно разнообразные сценарии, которые делали нелепым мое истинное обиталище, безыскусный камешек в галактическом захолустье. Пока я верил, что общепризнанная реальность — лишь крошечный атолл в безбрежном океане, ничто не могло меня ранить.

К двенадцатому классу я уже был начинающим алкашом. Два лучших друга и напарника из преисподней прозвали меня Бешеным Псом. Просто удивительно, что я не угодил в тюрягу до выпускного. Так или иначе, если бы не стипендия компании по производству электронных орга́нов, где одна-две субличности моей матери занимали пост секретарши, я бы ни за что не поступил

в колледж. И отправился туда исключительно потому, что это занятие представлялось более интересным, чем работа, которой я занимался во время каникул, — чистка отстойников под руководством компании, чей лозунг гласил «Лучше слить, чем забить».

Я переехал на юг штата, в главное государственное образовательное учреждение. Там наугад выбрал обзорный курс по биологии из каталога с обязательными учебными дисциплинами. Его преподавала бактериолог Катя Макмиллан. Высокая, как аист, с фигурой цилиндрической формы — этакая Толстуха Этель Маггс на пенсии. По понедельникам, средам и пятницам она стояла на дне амфитеатра, где сидели четыреста перевозбужденных первокурсников. Неделю за неделей она усердно демонстрировала, что жизнь на Земле умеет такое, о чем никто из нас даже не догадывался.

Одни существа в середине жизненного цикла переделывали свои тела во что-то неузнаваемое. Другие видели инфракрасное излучение, ощущали магнитные поля. Еще были такие, кто менял пол, опросив соплеменников поблизости, и одиночные клетки, действующие сообща на основе кворума, который они каким-то образом ощуща-

ли. С каждой лекцией я все отчетливее понимал, что по сравнению с рассказами доктора Макмиллан «Эстаундинг сториз» — просто детский сад.

На двенадцатой неделе, почти в конце семестра, она добралась до своих любимейших созданий. Мы узнали, что научная революция в самом разгаре, а доктор Макмиллан сражается на баррикадах. Исследователи нашли жизнь там, где ее не должно было быть. Живые существа как-то умудрялись не погибать при температуре выше точки кипения и ниже замерзания. Они обосновались в таких местах, где — как когда-то твердили учителя самой доктора Макмиллан — среда была слишком соленой, слишком кислой или слишком радиоактивной для выживания. Жизнь добралась до границы безвоздушного пространства. Жизнь проникла глубоко в твердые камни.

Я сидел в последнем ряду и думал: вот же она, моя стая. Наконец-то.

Доктор Макмиллан взяла меня в летнюю полевую экспедицию, целью которой было изучение квазиинопланетных форм жизни, обитающих в карстовой яме на дне озера Гурон, которую кто-то случайно обнаружил. Эти существа были из числа самых причудливых и творчески на-

строенных созданий на нашей планете: когда у них заканчивалась вкусненькая сера, они совершенно в духе Джекилла и Хайда переключались с аноксигенного фотосинтеза на оксигенный. Страдающие биполяркой экстремофилы доктора Макмиллан посредством своей безумной биохимии подсказали, как на Земле возникла жизнь и как враждебная планета стала для нее более благоприятным местом. Для того, кто не боялся непогоды, это была попросту работа мечты.

Велеречивое рекомендательное письмо доктора Макмиллан — «В значительной степени точное, — сказала она, — хотя по большей части прогностическое!» — обеспечило мне место ассистента-аспиранта в Вашингтонском университете. Лучше всего я умел наблюдать, окаменев, за разными тварями — чем страннее, тем увлекательнее, — а потому навряд ли смог бы найти более благоприятное место, чем Сиэтл. Университетская программа по микробиологии была сильная, а спецы по экстремофилам приняли меня почти как родного.

Я присоединился к многопрофильной команде, которая разрабатывала модель того, как насыщенная кислородом талая вода в зоне между ледниками и морями стала обиталищем для

живых организмов в ту эпоху, когда Земля напоминала гигантский шар изо льда и снега. Согласно нашим расчетам, именно это куцее обжитое пространство спустя мучительно долгое время помогло планете из снежного кома превратиться в буйный сад.

Я постигал науку, а где-то далеко происходили безумно интересные вещи. Разлетевшиеся по всей Солнечной системе аппараты присылали данные. Оказалось, планеты намного разнообразнее, чем принято было считать. У спутников Юпитера и Сатурна под странно гладкой корой плескались океаны. Бастион земного эгоцентризма пошатнулся. Мы, как выяснилось, строили гипотезы на основе единственного образца данных. Возможно, жизнь не нуждается в поверхностных водах. Возможно, для нее и поверхность не обязательна.

Я стал свидетелем одной из величайших революций в области человеческого мышления. Еще несколько лет назад большинство астрономов были убеждены, что не доживут до открытия хотя бы одной планеты за пределами Солнечной системы. Когда я был на полпути к окончанию аспирантуры, восемь-девять известных планет превратились в десятки, а затем в сотни. Понача-

лу обнаруживали в основном газовые гиганты. Потом запустили «Кеплер», и миры хлынули потоком — включая и те, что были ненамного крупнее Земли.

С каждым семестром мы узнавали что-то новое о Вселенной. Наблюдая за мельчайшими изменениями света, подмечая уменьшение яркости в несколько делений на шкале из миллиона, люди вычисляли невидимые тела, которые затемняли далекие звезды, проходя между ними и Землей. Незначительные сдвиги в траектории массивных солнц — ускорение или замедление менее чем на метр в секунду — выдавали размер и массу незримых планет, вовлеченных в гравитационное взаимодействие. Точность измерений была поразительная. Все равно что с помощью линейки определить величину в сто раз меньшую, чем расширение этой же самой линейки от тепла человеческой руки.

Но мы все равно это сделали. Мы, земляне.

Новые места обитания обнаруживались повсюду, и не было им конца. Горячие Юпитеры и мини-Нептуны, алмазные планеты и никелевые, газовые карлики и ледяные гиганты. Суперземли в зонах обитаемости звезд спектральных классов K и M выглядели столь же подходящими для

зарождения жизни, как и наш собственный дом. «Зона обитаемости» стала необычайно широкой концепцией. Формы жизни, которые мы обнаружили в самых негостеприимных регионах Земли, могли бы без труда поселиться на многих планетах, найденных в каждом уголке космоса.

Как-то утром я проснулся и посмотрел сверху вниз на свое тело, лежащее в постели. Я увидел себя со стороны, изучил, как моя первая наставница, доктор Макмиллан, могла бы изучить новый вид архей. Взвесил себя — свое происхождение, склад ума, совокупность недостатков и талантов — и понял, что хотел бы сделать до того, как мое участие в гигантском эксперименте под названием «жизнь» подойдет к концу. Я хотел бы посетить Энцелад, Европу и Проксиму Центавра b, пусть даже с помощью спектроскопии. Научиться читать их историю и биографию, зашифрованные в атмосфере. И прочесать эти далекие воздушные океаны в поисках малейших признаков хоть чего-то живого.

В один прекрасный день, когда моя докторская была почти дописана, я вернулся в университет после недели полевых исследований и оказался в компьютерном классе рядом с рассвирепевшей, но дружелюбной девушкой, которая никак не

могла справиться с одним из немногих капризов университетской файловой системы. Я знал, как решить проблему. Девушка наконец-то повернулась ко мне, чтобы попросить о помощи. С ее губ слетели первые искренние слова — «*Вы не знаете, к-к-к-к…*» — и обернулись таким тяжким приступом заикания, что она сама растерялась.

Девушка произнесла слово, а затем и фразу. Я совершил то маленькое цифровое волшебство, какое было мне по силам. Она поблагодарила меня за то, что я спас ее от провала на экзамене по законодательству о защите животных. К третьей фразе заикание прекратилось.

— *Если вам когда-нибудь понадобится совет на тему жестокого обращения с животными, дайте знать.*

Все в ней казалось знакомым, как будто я оказался на изведанной территории. Она часто поджимала губы, гримаса получалась слегка удивленная и чуть-чуть задумчивая. Ее каштановую шевелюру разделял пробор посередине. Макушка доходила мне до плеча. Она постоянно вела себя как спортсмен на низком старте; не жизнь, а сплошной вызов. Она была сама себе предназначение, вещь в себе. «Маленькая Вселенная». Казалось, мой любимый поэт Неруда

влюбился в нее одновременно со мной.

На ней были походные ботинки «Миль-Спек» и зеленый жилет: вид такой, словно она только что приехала из Шира. Я попытался познакомиться, как умел.

— Знаете, а я провел неделю в горах Сан-Хуан.

Она заинтересовалась. Я набрался наглости и спросил, не хочет ли она поглядеть на наш научный лагерь. Ее губы изогнулись особым образом — получилась то ли кривая улыбка, то ли ухмылка. В уголках карих глаз проступили морщинки от смеха.

— *Я могу несколько дней обходиться без душа.*

Заикания и след простыл.

Потребовалось несколько месяцев, чтобы поверить в свою удачу. Я встретил себе подобного: человека, который любил ходить в походы больше, чем большинство людей любят спать. Меня поразило, что женщину вроде нее возбуждает латинская терминология. Самая причудливая радость заключалась в том, что она смеялась над моими шутками, даже когда я сам не понимал, что шучу.

Мы не слились в единое целое, однако были друг другу полезны. Я пробуждал в ней стойкость и утолял любопытство. Она обучала меня

оптимизму и разжигала аппетиты, пусть и вегетарианские. Вот в чем суть: бросьте кости — и повстречайте того, с кем случится мощная химия. А если бы некто пришел на десять минут позже или сел на три компьютера дальше, сигнал из глубокого космоса так и остался бы незамеченным.

Алисса защитила диссертацию по праву, когда я еще воевал со своей. И мы по-прежнему были вместе. Нашли приличную работу в одном и том же невероятном городе. Поселок чокнутых, Сырный край: из Вашингтонского университета в Висконсинский. Место, о существовании которого мы раньше не догадывались, вскоре стало для нас домом. Мы полюбили Мадисон, и спорили лишь о том, какая его часть лучше — восточная или западная. Нашли место недалеко от озера Монона, на расстоянии недлинной пешей прогулки от кампуса. Дом был хороший — типовой среднезападный, немного безвкусный, староватый, окруженный соснами. Его много раз ремонтировали, но световые люки все равно протекали. Для двоих был в самый раз. Троим стало тесновато. А когда позже нас вновь осталось двое, дом наполнился гулкой пустотой, словно пещера.

Али трудилась, как динамо-машина: раз в две недели составляла тщательно продуманные

стратегические планы для одной из ведущих неправительственных организаций по защите прав животных в стране, а в свободные минуты занималась дипломатией посредством электронной переписки и сочиняла пресс-релизы. За четыре года она поднялась по карьерной лестнице, из прославленного специалиста по привлечению спонсоров превратившись в координатора всего Среднего Запада. Законодатели штатов от Бисмарка до Колумбуса одновременно боялись и обожали ее. Алисса неторопливо шла своим путем, сыпля красочными ругательствами и сардонически усмехаясь. Мерзости животноводческих ферм пробуждали в ней стальную волю. Ей случалось полностью терять веру в себя, но лишь изредка, а в промежутках между кризисами она сохраняла решимость от рассвета до заката. Вечера мы тратили на красное вино и стихи для Честера.

В Висконсине я впервые почувствовал себя по-настоящему дома. Я нашел соратника. Страйкер занимался теми разделами молекулярной астрофизики, которые находились за пределами моих познаний. Мой вклад подразумевал науку о живой природе. Вместе мы изучали спектры далеких атмосфер, пытаясь определить, каким образом

линии поглощения могут помочь найти нечто биологическое. Мы усовершенствовали свои модели биосигнатур и опробовали их на практике: взяли данные со спутников и отрегулировали масштаб таким образом, словно наблюдали за Землей с помощью четырехметрового телескопа из далекого космоса. Научились разбираться в мелькании данных. Поток информации позволил нам определить состав планеты, вычислить ее климатические циклы, взглянуть на яркие континенты и вихри океанских течений. Суровая Сахара и плодородная Амазонская низменность, зеркальные ледяные шапки и переменчивые леса умеренных широт — все это превращалось в полоски шириной в считаные пиксели. Я был очень взволнован: мне удалось взглянуть на Землю через замочную скважину и увидеть ее такой, какой она предстала бы перед инопланетными астробиологами с расстояния в триллион миль.

У нас были успехи, и немалые. Затем в Вашингтоне испортилась погода, и финансирование сократили. Огромные телескопы, в которых мы нуждались, — телескопы, которые предоставили бы реальные данные для проверки наших моделей, — все никак не получалось сдать в эксплуатацию. Но мне все еще платили за подго-

товку к тому, как узнать, одни мы во Вселенной или окружены чокнутыми соседями.

У нас с Али было больше проектов, чем часов в сутках. Потом жизнь изменилась, и все из-за полуторапроцентной вероятности того, что излюбленное противозачаточное средство может не сработать. Неожиданный поворот ошеломил нас обоих. Как будто оборвалась долгая полоса везения и момент оказался худшим из возможных — по доброй воле мы бы ни за что его не выбрали. Мы и так тратили все силы каждый на свою карьеру. У нас не было ни знаний, ни средств, чтобы вырастить ребенка.

Прошло десять лет, и каждое утро, проснувшись, я думаю об этом. Я знаю правду. Если бы мы с Али могли что-то решать, то главное счастье моей жизни — то, что поддержало меня, когда удача повернулась ко мне задом, — никогда бы не появилось на свет даже в самой дерзкой из моих моделей.

Первая ночь дома далась Робину с трудом. Отдых в горах погубил все привычные ритуалы, а ведь термодинамика давным-давно доказала, что собрать вещь заново куда сложнее, чем разобрать. Он метался по дому, напряженный и сбитый с толку. После ужина я почувствовал,

что он регрессирует: восемь лет, семь, шесть… Я приготовился: сейчас будет ноль, и бабахнет.

— *Можно проверить ферму?*

— Разрешаю поиграть один час.

— *Да! А «Три в ряд»?*

— Никаких «Три в ряд». Я еще не расплатился за то, что ты отчебучил в прошлый раз.

— *Это вышло случайно, папа. Я не знал, что твоя карточка прикреплена к профилю. Я думал, что получаю камешки бесплатно.*

Робби действительно расстроился. Объяснение не соответствовало истине, но сожаление о случившейся пару месяцев назад катастрофе было неподдельным и как будто придало веса словам. Он играл сорок минут, объявляя вслух о своих трофеях по мере получения. Я проверял домашние работы студентов и трудился над правками для Страйкера.

Сын какое-то время кликал по картинкам, собирая урожай с упорством маньяка, а потом повернулся ко мне.

— *Папа?*

Он ссутулился, был готов о чем-то умолять. Ну вот, приехали… То самое, что не давало ему покоя после возвращения домой.

— *А давай посмотрим на маму?..*

В последние недели он просил меня об этом все чаще, что казалось все более нездоровым желанием. Мы смотрели некоторые видео с ней слишком много раз, и наблюдение за Али в рабочей обстановке не всегда действовало на Робина благотворно. И все-таки запрет повлек бы за собой последствия еще хуже. Он должен был изучить свою мать и хотел, чтобы я в этом поучаствовал.

Я разрешил Робину поискать видео в Сети. Два нажатия клавиши — и имя «Алисса» появилось на вершине списка предыдущих поисковых запросов. У меня сохранилось меньше пятнадцати минут видеозаписей с участием моей собственной матери. В наши дни движущиеся, говорящие мертвецы повсюду, доступны в любое время — мы носим их в кармане. Редко выдается неделя, когда мы — будущие мертвецы — не помещаем в переполненные архивы хоть несколько минут нашего драгоценного времени, отсекая его от своей души. Такое не предсказывали даже безумнейшие фантастические рассказы времен моей юности. Попробуйте вообразить себе планету, где прошлое никогда не исчезает, но повторяется снова и снова, вечно. На такой планете и хотел жить мой девятилетний ребенок.

— Ну-ка, проверим. Нужно что-то толковое. — Я взял мышку и прокрутил страницу в поисках ролика, который не причинил бы нам боли.

Али шепнула мне на ухо: «*Господи, что ты затеял? Не позволяй ему это смотреть!*»

Попытка взять верх не удалась. Робин развернулся на вертящемся кресле и выхватил мышку.

— *Эти не надо, папа! Мадисон. Вот.*

Чтобы магия сработала, призрак должен был обитать поблизости. Робин хотел увидеть, как его мать отстаивает свои принципы в Капитолии штата, в часе ходьбы от нашего бунгало с двумя спальнями. Он помнил те дни: послеобеденные часы, когда Алисса репетировала в столовой, вновь и вновь редактировала речь, успокаивала нервы; потом надевала кулон с совой, серьги с волками и один из трех «боевых нарядов» — черный костюм, коричневый или темно-синий блейзер с обтягивающей юбкой до колен и блузкой кремового цвета; одевшись, запрыгивала на велосипед с туфлями в сумке и отправлялась на битву в ассамблею штата.

— *Этот, папа.*

Он указал на ролик, где Алисса выступала в поддержку законопроекта, запрещающего соревнования по убийству животных.

— Это на потом, Робби. Может, когда тебе исполнится десять. Как насчет одного из этих?

Али выступает против чего-то под названием «Метание опоссумов». Али защищает свиней от жестокого обращения во время ежегодных Дней первопроходцев. Тоже тяжелая тема, но попроще по сравнению с той, которую он хотел.

– *Папа!* — Его настойчивость удивила нас обоих. Я сидел неподвижно, уверенный, что он сорвется и превратит вечер в сплошную истерику. — *Я больше не маленький ребенок. Мы посмотрели тот, что про ферму. И я выдержал.*

Ничего подобного. Показывать ему ролик про ферму было грандиозной ошибкой. После того, как Робин услышал рассказ Али о цыплятах, которых выращивали на наклонной проволочной сетке в такой тесноте, что они заклевывали друг друга до смерти, он несколько недель просыпался среди ночи с криком.

Наши санки на двоих выехали на край обрыва. Я тяжело вздохнул.

— Давай выберем другой, дружище. Они же все про маму, верно?

— *Папа…*

Теперь его голос звучал печально, как у старика. Он указал на дату съемки: за два месяца до

смерти Алиссы. Я наконец-то узрел уравнение Робина целиком. Призраку надлежало обитать как можно ближе не только в пространстве, но и во времени.

Я кликнул по ссылке, и мы увидели Али во всем блеске. Это всякий раз меня изумляло. У камеры моего телефона есть особый режим, при котором объект в перекрестии прицела остается четким и насыщенным, а все прочее окрашивается в оттенки серого. Женщина, которая позволила мне взять себя в жены, действовала схожим образом. Она наполняла электричеством любую комнату, даже битком набитую политиканами.

Во время финальных выступлений вся нервозность, которая мучила Али на репетициях, исчезала без следа. У микрофона жена держалась с безупречной невозмутимостью, демонстрируя ироничное недоумение по поводу выходок человечества. Если бы существовало радио, транслирующее широкой публике идеи Платона, она могла бы там работать диктором. Излагая статистику или повествуя о конкретных случаях, она не прибегала к оскорблениям. Сочувствовала всем сторонам, шла на компромисс, но никогда не поступалась истиной. Все, что она говорила, казалось чертовски разумным. Ни один из девя-

носта девяти членов ассамблеи не поверил бы, что эта женщина в детстве страдала от сильнейшего заикания и грызла губы до крови.

Али в последний раз выступала на камеру, а ее сын наблюдал с нашей стороны экрана, приоткрыв рот. Детали так заворожили Робина, что он не задал ни одного вопроса. Али рассказала о том, как собственными глазами видела знаменитое охотничье состязание на севере штата, недалеко от озера Верхнее: одно из двадцати, проведенных в том году. Робин выпрямился и разгладил воротник; однажды я сказал, что этот жест придает ему очень взрослый вид. Для ребенка, у которого были проблемы с самоконтролем, он отлично справлялся.

Алисса описала, как выглядела судейская платформа на четвертый и последний день соревнования: там стояли весы промышленного типа, дожидаясь грузов, которые привезут участники. Подъезжали пикапы, заполненные тушами, их перетаскивали на чаши. Победителем становился тот, кто за четыре дня набрал больше фунтов добычи. В числе призов было оружие, оптические прицелы и приманки — то есть в следующем году условия конкурса обещали стать еще более несправедливыми.

Она перечислила факты. Количество участников. Вес заявки, которая принесла охотнику победу. Общее число животных, ежегодно убиваемых на соревнованиях по всему штату. Воздействие потерь на разрушенные экосистемы. После этого взвешенного, красноречивого выступления моя жена два часа рыдала в постели, и я никак не мог ее утешить.

Мне хотелось отдубасить себя за то, что я вообразил, будто Робби с таким справится. Но мой мальчик хотел увидеть свою мать, и, по правде говоря, держался достойно. Девять лет — возраст великого перелома. Может, человечество как таковое было девятилетним ребенком: еще не взрослым, уже не малышом; внешне спокойным, но вечно пребывающим на грани нервного срыва.

Речь Алиссы подошла к концу. Она мастерски подвела итог. Всегда приберегала самые важные аргументы напоследок. Она объяснила, каким образом этот законопроект восстановит славные традиции и почет охоты. Сказала, что с точки зрения веса девяносто восемь процентов оставшихся на Земле животных — либо Homo sapiens, либо пища, выращиваемая в промышленных масштабах. Только два процента были дикими.

Неужели так трудно дать горстке выживших диких тварей короткую передышку?

От ее заключительных слов я вновь похолодел. Мне вспомнилось, как она сочиняла их, как в течение нескольких недель работала над речью. «*Обитающие в этом штате существа — не наша собственность. Их нам доверили. Те люди, которые поселились здесь первыми, знали: все животные — наши родственники. Предки и потомки следят за тем, что мы делаем. Давайте поступим так, чтобы они гордились нами*».

Ролик закончился. Я отменил автовоспроизведение следующего. К счастью, Робин не возражал. Он прижал к губам три пальца. Этот жест сделал его похожим на Аттикуса Финча, только ростом в четыре фута.

— *Папа, законопроект приняли?*

— Пока нет, дружище. Но что-то подобное примут, рано или поздно. Взгляни на количество просмотров. Люди по-прежнему слушают ее.

Я взъерошил его волосы. У Робби были буйные кудри. Он только мне позволял их стричь. Это не очень-то способствовало его социализации.

— Почему бы тебе не приготовиться ко сну? Мы засидимся допоздна.

Эта кодовая фраза означала, что мы будем вме-

сте читать двадцать минут после того, как он ляжет в постель в восемь тридцать.

— *Можно мне сначала выпить сока?*

— Сдается мне, сок — не лучший вариант перед сном.

Лучше обойтись без катастрофы в два часа ночи. Клеенчатая простыня на кровати унижала Робби, и я ее снял.

— *Откуда ты знаешь? Может, так оно и есть. Может, сок — это как раз то, что нужно перед сном. Надо провести эксперимент, применив двойной слепой метод.*

М-да, не стоило ему об этом рассказывать.

— Нетушки. Мы просто подделаем данные. Ну, вперед!

Когда я вошел в комнату Робина, он был задумчив. Лежал под одеялом в пижаме — клетчатых штанишках и майке с эмблемой каякинга, — которую запретил отдавать на благотворительность. Рукава были на два дюйма короче положенного, а пояс сжимал живот так сильно, что над ним виднелся валик жира. Когда Али купила пижаму, та была великовата. Судя по тому, как Робби ее берег, он собирался носить ее и в свой медовый месяц.

Я собирался читать «Химическую эволюцию

атмосферы и океанов», а он — «Маньяка Маги». Я сел рядом с ним на кровати. Однако Робин чересчур погрузился в размышления, чтобы читать. Он положил руку мне на плечо — Али всегда так делала.

— *Почему она сказала, что предки следят за нами?*

— И потомки. Это просто такое выражение. Например, можно сказать, что будущее вынесет нам вердикт.

— *Правда?*

— Что правда?

— *Будущее действительно вынесет нам вердикт?*

Мне пришлось поразмыслить над ответом.

— Ну, полагаю, в этом смысл будущего.

— *А они и правда на нас смотрят?*

— Наши предки? Робби, это фигура речи.

— *Когда она это сказала, я представил их всех вместе на одной из твоих экзопланет. Траппист… номер забыл. И у них был огромный телескоп. И они наблюдали за нами и смотрели, все ли у нас в порядке.*

— Отличная метафора.

— *Но все не так.*

— Ну… да, ты прав. Все не так.

Робин кивнул, открыл «Маньяка» и притворился, что читает. Я сделал то же самое с «Химической эволюцией». Но я знал, он выжидает подходящего момента, чтобы задать следующий вопрос. Так получилось, что терпения ему хватило на две минуты.

— *А… как насчет Бога, папа?*

Я надул губы, как рыба в аквариуме Гатлинбурга.

— Знаешь, когда люди говорят «Бог»… Ну, я не уверен, что понимаю, как они… Я имею в виду, существование Бога нельзя доказать или опровергнуть. Но судя по тому, что известно мне, эволюция — самое главное чудо из всех, какие случились в этом мире.

Я повернулся к сыну лицом. Он пожал плечами.

— *Понимаешь, в чем дело… Мы же сидим на камне, который летает в космосе, верно? Существуют миллиарды планет, таких же славных, как Земля, населенных существами, которых мы даже не можем вообразить. Так с какой стати Бог должен быть похожим на нас?*

Я снова вытаращил глаза.

— Почему же ты меня о нем спросил?

— *Хотел убедиться, что ты не заблуждаешь-*

ся.

Ох, господи, я расхохотался. Ну что мы за пара. Уникальная. Обыкновенная. Я и мой сын. Я щекотал Робина, пока тот не взмолился о пощаде, что случилось примерно через три секунды.

Потом мы посерьезнели и стали читать. Шуршали страницы; мы без труда путешествовали, где хотели. Затем Робин спросил, не отрывая глаз от книги:

— *Так что, по-твоему, случилось с мамой?*

На одно ужасное мгновение я подумал, что он имеет в виду ночь аварии. Перебрал множество вариантов вранья, прежде чем сообразил, что речь о чем-то более простом.

— Я не знаю, Робби. Она вернулась во Вселенную. Стала чем-то другим. Все хорошее, что было в ней, перешло к нам. Теперь мы сохраняем ее в живых, когда вспоминаем о ней.

Он чуть склонил голову набок. Лицо моего сына сделалось отрешенным, как будто он удалился от меня.

— *Мне кажется, она теперь саламандра.*

Я повернулся к нему.

— Постой…что? Почему ты так решил?

Я знал почему: в Дымчатых горах обитали тридцать видов саламандр.

— Ну, помнишь, ты рассказывал, как Эйнштейн доказал, что мы не можем ничего создать или уничтожить?

— Это верно. Но он говорил о материи и энергии. Они постоянно переходят из одного состояния в другое.

– Так и я об этом! — Робин выкрикнул эти слова с таким пылом, что мне пришлось его утихомирить. *— Мама была энергией, верно?*

Мое лицо отказалось мне повиноваться.

— Да. Если мама и была чем-то, то энергией.

— А теперь она перешла в другое состояние.

Вновь обретя самообладание, я спросил:

— Почему саламандра?

— Легко. Потому что она быстрая и любит воду. И ты сам говорил, что саламандры — сами по себе, они отдельный вид.

Амфибия. Мелкая, но вредная. Дышащая кожей.

– Есть саламандры, которые живут пятьдесят лет. Ты знал об этом? — В голосе Робби зазвучало отчаяние. Я попытался обнять сына, но он оттолкнул меня. *— Наверное, это просто фигура речи. Наверное, она стала ничем и никем.*

Я замер, услышав эти слова. Посреди фразы внутри Робина переключился какой-то жуткий

тумблер — и я понятия не имел, какой.

– *Два процента, папа?* — Он зарычал, как загнанный в угол барсук. — *Только два процента животных — дикие? Остальное — заводские коровы, заводские куры и мы?*

— Пожалуйста, не кричи на меня, Робби.

— *Это правда? Да?!*

Я взял наши брошенные книги и положил их на тумбочку.

— Если твоя мать сказала об этом законодательному собранию штата — да, правда.

Лицо Робби сморщилось, как будто его ударили. Хлынули слезы, рот открылся в беззвучном крике, который миг спустя перешел в рыдания. Я протянул к сыну руки, но он покачал головой. Что-то внутри него возненавидело меня за то, что я позволил этому быть правдой. Он отполз в угол кровати, прижался к спинке и склонил голову набок, отказываясь верить в услышанное.

А потом так же внезапно сдался. Снова лег, спиной ко мне, одним ухом прижавшись к матрасу. Робби лежал и слушал гул поражения. На ощупь принялся искать меня, протянув руку назад. Когда нашел, то пробормотал в одеяло:

— *Новую планету, папа. Пожалуйста.*

Поверхность планеты Пелагос превосходила

земную во много раз и была полностью покрыта водой — единым океаном, по сравнению с которым Тихий показался бы одним из Великих озер. Лишь цепочка крошечных вулканических островов, отдаленных друг от друга, пронизывала эту необъятность. Они были похожи на знаки препинания, разбросанные по сотням пустых страниц огромной книги.

Бескрайний океан в одних местах был мелким, в других имел глубину в несколько километров. Жизнь распространилась в нем от влажных до заледеневших широт. Сонмы существ превратили дно в подводные леса. Гигантские живые аэростаты мигрировали от полюса к полюсу, не останавливаясь; когда они засыпали, то половина мозга всегда бодрствовала. Разумные водоросли длиной в сотни метров общались посредством цветовых волн, которые путешествовали по всей длине стебля. Кольчатые черви развивали сельское хозяйство, ракообразные строили города с высотками. Клады рыб придумали общинные ритуалы, неотличимые от религии. Но никто из обитателей Пелагоса не мог использовать огонь, плавить руду или создавать что-либо, превосходящее простейшие инструменты. Поэтому жизнь на планете неустанно эволюционировала, и

новые, разнообразные формы были еще причудливее существующих.

Эпохи сменяли друг друга, и жизнь процветала подле островов, как будто каждый из них был отдельной планетой. Все они оказались слишком маленькими, чтобы появились крупные хищники. Каждый клочок земли представлял собой герметичный террариум с таким количеством видов, что хватило бы для маленькой Земли.

Десятки разумных видов, рассеянных по всему Пелагосу. Миллионы языков и сотни пиджинов. Города размером в лучшем случае с деревушку. Каждые несколько миль мы натыкались на говорящее существо невиданного цвета и формы. Кажется, на этой планете самым ценным качеством, касающимся адаптации, было смирение.

Мы вдвоем проплыли вдоль мелководных рифов, направляясь в глубокие подводные леса. Прошлись по берегам островов, населенных сложными сообществами и связанных огромными торговыми сетями. Чтобы завершить какую-нибудь сделку, караванам приходилось странствовать на протяжении многих лет, а то и поколений.

— Никаких телескопов, папа. Никаких ракетных кораблей. Никаких компьютеров. Никаких

радиоприемников.

— Зато они изумительные.

Если вдуматься, весьма милое местечко.

— *А сколько есть планет, похожих на эту?*

— Может, ни одной. Может, они повсюду.

— *Значит, мы никогда ни о ком из них не услышим.*

Я продолжал сочинять детали для нашего общего творения, а потом понял, что в этом нет необходимости. Я наклонился. Дыхание Робина стало легким, медленным. Поток его сознания расширился и превратился в дельту шириной в несколько миль. Я соскользнул с кровати и беззвучно добрался до двери. Однако щелчок выключателя заставил его резко сесть во внезапной темноте. Он вскрикнул. Я опять включил свет.

— *Мы забыли мамину молитву. И они все умирают.*

Мы произнесли ее вместе:

— Пусть все разумные существа будут избавлены от ненужных страданий.

Увы, но мальчик, которому потребовалось еще два часа, чтобы ощутить себя в достаточной безопасности и снова уснуть, больше не был уверен, что от этой молитвы есть толк.

У астрономии и детства много общего. И то и другое — путешествия на огромные расстояния. Они связаны с поиском фактов, недоступных пониманию. Они неистово сочиняют теории и позволяют возможностям неограниченно множиться. Они каждые несколько недель испытывают унижения. Они действуют вслепую. Они озадачены временем. Они всегда в начале пути.

Десять лет благодаря своей работе я чувствовал себя ребенком. Сидел за компьютером в своем кабинете, просматривал данные с телескопов и играл с формулами, которые могли бы эти данные описать. Бродил по необъятным чертогам в поисках разумных существ — вдруг кто-нибудь выйдет навстречу, чтобы поиграть? Лежал в постели с канареечно-желтым блокнотом и черным рапидографом, воссоздавая путешествие к Лебедю А, через Большое Магелланово Облако, вокруг Головастика — когда-то я уже побывал в тех местах, читая дешевые фантастические романы. На этот раз никто из аборигенов не говорил по-английски, не практиковал телепатию, не парил в ледяном вакууме, слившись с каким-нибудь симбионтом, и не соединялся в коллективный разум для осуществления неких масштабных замыслов. Они усваивали питательные вещества,

дышали — и все. Но по младенческим меркам моей науки это было настоящее чудо.

Я создавал миры тысячами. Моделировал их поверхности, ядра и атмосферы, кишащие жизнью. Изучил соотношение контрольных газов, которые могут накапливаться в зависимости от того, как эволюционируют обитатели планеты. Внес изменения в каждую модель, чтобы она соответствовала правдоподобным метаболическим сценариям, а затем часами следил за изменением параметров, которые высчитывал суперкомпьютер. Я слушал мелодии Геи, которые становились все более замысловатыми. Результатом стал каталог экосистем и соответствующих им биосигнатур. Когда космический телескоп, которого ждали все мои модели, наконец-то запустят, у нас уже будет досье со спектральными отпечатками пальцев. С их помощью мы разыщем всех мыслимых преступников, которые осмелились жить и эволюционировать.

Некоторые коллеги думали, что я зря трачу время. Какой смысл моделировать так много миров, многие из которых, возможно, даже не существуют? Какой смысл изучать цели, если современные приборы не сумеют их обнаружить? На это я всегда отвечал: а какой, по-вашему, толк

от детства? Я не сомневался, что «Искатель планет земного типа», который мы с сотнями коллег лоббировали, появится до конца десятилетия — и наполнит мои модели реальными данными. И тогда семена принесут невообразимый урожай.

Бытие допускало, как правило, три варианта: никакой жизни, одна разновидность или бесконечное многообразие. С одной разновидностью мы имели дело постоянно, на каждом этапе истории. Мы знали про одну форму жизни, которая однажды возникла в одном мире, в одной жидкой среде, используя одну форму накопления энергии и один генетический код. Но мои миры не были обязаны походить на Землю. Их версии жизни не требовали поверхностных вод, зон обитаемости или даже углерода в качестве базового элемента. Я попытался освободиться от предвзятости, ничего не предполагать заранее, пробудить в себе детское восприятие — как будто наш единственный образец доказывал, что во Вселенной существует безграничное разнообразие живого.

Я создал горячие планеты с тяжелой и влажной атмосферой, где живое обитало в струях аэрозольных гейзеров. Я укрыл планеты-изгои толстыми слоями парниковых газов и наполнил существами, которые выжили, синтезировав аммиак из

водорода и азота. Я погрузил обитающие в скалах эндолиты в глубокие расселины и наделил их метаболизмом, для которого основой был угарный газ. Я создал миры из жидкого метана, где биопленки питались сероводородом, что лился дождем с ядовитых небес.

И все мои смоделированные атмосферы ждали того дня, когда долго вынашиваемые и долго откладываемые космические телескопы взлетят и заработают, распахнув ворота нашей уникальной Земли с ее уникальной жизнью. Этот день стал бы для человечества сродни тому мгновению, когда окулист вручил моей самоуверенной жене первую пару очков, которыми надо было обзавестись давным-давно, и она громко закричала от радости, потому что увидела своего ребенка с другого конца комнаты.

После короткой и тяжелой ночи мы проспали утренний подъем. Я отвез Робина в школу только в десять: мы оба заслужили выговор. На входе запищал металлоискатель, среагировав на металлическую фурнитуру моих брюк карго. Пришлось зайти в какой-то кабинет и расписаться в журнале опозданий. Когда Робин наконец-то вошел в свой класс, он чувствовал себя униженным, и его встретили ухмылками.

Из школы я помчался в университет, где припарковался в неположенном месте, чтобы сэкономить время, и в итоге получил серьезный штраф. У меня было сорок минут, чтобы подготовиться к лекции по абиогенезу — происхождению жизни — в рамках курса астробиологии для студентов. Я преподавал этот предмет два года, но чувствовал себя неучем из-за десятков недавних открытий.

В аудитории я обрел уверенность в собственных знаниях и испытал ту особую теплоту, которая рождается, когда делишься с кем-то идеями. Когда коллеги ворчат по поводу преподавания, я всегда теряюсь. В нем есть что-то общее с фотосинтезом: и то и другое представляет собой сотворение пищи из воздуха и света. Когда занимаешься преподаванием, немного иначе относишься к жизни. Лучшие занятия со студентами радовали меня не меньше, чем возможность понежиться на солнышке, послушать блюграсс или искупаться в горном ручье.

В течение восьмидесяти минут я пытался донести до пестрой компании двадцатиоднолетних парней и девушек с широким спектром интеллектуальных способностей, насколько абсурдно предполагать, что все возникает из ничего. Стече-

ние обстоятельств, благоприятных для появления самовоспроизводящихся молекул, казалось астрономически маловероятным. Однако тот факт, что протоклетки возникли почти сразу после охлаждения расплавленной катархейской Земли, наводил на мысль, что жизнь была неизбежным побочным продуктом заурядной химии.

— Итак, вселенная либо беременна, либо бесплодна. Если бы я мог сказать вам, какое утверждение справедливо, ваше отношение к учебе изменилось бы?

Это вызвало вежливый одобрительный смешок у немногих счастливчиков, которые слушали меня внимательно. А вот остальные ничего не поняли. Они не успевали за мной. Надо быть немного странным человеком, чтобы понимать особенность космической симфонии: она сама себе и музыкант, и слушатель.

— Здесь, на Земле, в течение двух миллиардов лет существовали археи и бактерии — ничего, кроме архей и бактерий. Затем произошло нечто столь же таинственное, как зарождение жизни. Однажды, два миллиарда лет назад, один микроб не сожрал другой, а принял его внутрь своей мембраны, и они кое-чем занялись.

Я посмотрел на свои заметки, и ход времени

нарушился. Моя будущая жена через двадцать минут после нашей первой близости лежала, уткнувшись носом мне в ребро.

– *Мне нравится твой запах*, — сказала она.

— Ты меня не любишь, — ответил я. — Тебе просто нравится мой микробиом.

Когда она засмеялась, я подумал: хочу задержаться в этом мгновении. До самой смерти или около того. Я рассказал ей, что бактериальных клеток у нас в десять раз больше, чем собственных, и что для поддержания жизнедеятельности организма требуется в сто раз больше бактериальной ДНК, чем человеческой.

Она влюбленно прищурила глаза.

— Получается, человек — это в каком-то смысле строительные леса? А бактерии — здание?

Потом Али рассмеялась, и одни строительные леса забрались на другие.

— Без этого необычного сотрудничества не было бы ни сложных клеток, ни многоклеточных существ — короче, некому было бы вставать с постели по утрам. Для того, чтобы произошло дружественное поглощение, понадобилась целая вечность, точнее два миллиарда лет. Но вот что странно: это оказался не единичный случай.

На этом моя лекция закончилась. В кармане за-

жужжал телефон — пришло сообщение с одного из немногих номеров, не включенных в дневной список блокировки. Школа Робина. Мой мальчик, плоть моя и кровь, ударил друга по лицу и сломал ему скулу. Бывшего друга увезла неотложка, ему накладывали швы, а Робина задержали в кабинете директора до моего приезда.

Я отпустил студентов на десять минут раньше положенного. В прочих тонкостях происхождения жизни пусть разбираются самостоятельно.

Мне не позволили увидеться с сыном, пока я не понес собственное наказание. Стены кабинета доктора Липман были увешаны дипломами. Ее стол был невелик, но она использовала пространство с потрясающей эффективностью. Во время наших предыдущих встреч она оба раза пробовала сопереживать и зеркалить позы. На этот раз доктор Липман больше смахивала на таблицу Excel. Она была моложе меня и одевалась чересчур хорошо. Психолого-педагогический жаргон ее завораживал. Она заботилась о моем сыне особым, излишне профессиональным образом. Была реформатором и посвятила себя проблемным детям. Для нее я был упертым ученым, который отказывался от общепринятых протоколов и тем самым вредил ребенку с особыми потреб-

ностями.

Она изложила факты. Робин обедал с Джейденом Эстли, своим единственным настоящим приятелем. Они сидели напротив друг друга за длинным столом. Внезапно Робин закричал так громко, что его услышали все, невзирая на традиционный для обеденного перерыва гвалт. Все свидетели единогласно твердили, что он повторял: «Скажи мне! Скажи, долбаный придурок!». Как только дежурный по столовой подошел к ним, чтобы разобраться, Робин окончательно съехал с катушек, схватил металлический термос и с силой швырнул в лицо Джейдену. Просто чудо, что пострадала только скула.

— Но что случилось? Что заставило его выйти из себя?

Джилл Липман уставилась на меня, словно я спросил, как зародилась жизнь на Земле.

— Мальчики не говорят.

Было ясно, на кого она возлагала вину.

— Нам нужно обсудить, почему это произошло сразу после того, как вы забрали его из школы на неделю.

— Я забрал его из школы, чтобы дать ему возможность угомониться. Я сомневаюсь, что мой сын разбил лицо своему единственному другу

из-за недели, проведенной в Больших Дымчатых горах.

— Он пропустил неделю занятий. Пять дней по каждому учебному предмету. Мальчику нужны стабильность, сосредоточенность и социальная интеграция. Он этого не понимает, и потому все время находится в стрессе.

Робин пропустил еще один урок, когда доктор Липман отстранила его от занятий. Но я слушал и не возражал.

— Ваш сын нуждается в ориентирах и незыблемой опоре. Но после незапланированного отпуска он дважды опаздывал в школу.

— Я родитель-одиночка. Вещи, которые выходят за рамки моего контроля…

— Я не осуждаю ваши методы воспитания. — Ну конечно, она осуждала. — Дети заслуживают безопасную, надежную и неизменную среду обучения. Вместо этого мы столкнулись с жестоким нападением на другого ребенка.

Сломанная скула. Обезболивающее, пакет со льдом — и с Джейденом все будет в порядке. В семь лет я сломал скулу на турнике для лазания, еще в те времена, когда в школах были такие турники.

От гнева я лишился дара речи. Эта глубоко уко-

ренившаяся черта характера часто спасала меня. До странности маленькие губы доктора Липман шевельнулись, и послышались еще более странные слова.

— У вас необычный ребенок. Когда такое случилось в прошлый раз…

— В прошлый раз *такого* не случилось.

— У нас уже возникали проблемы, но вы решили проигнорировать рекомендации более чем одного врача. Теперь альтернативы изменились. Либо вы поможете своему сыну, обеспечив ему необходимое лечение, либо мы привлечем государственные органы.

Директор школы угрожала провести расследование в отношении меня, если я не подсажу своего сына-третьеклассника на психоактивные препараты.

— Нужно достичь положительных результатов к декабрю.

Когда я снова заговорил, мой голос звучал на удивление ровно.

— Могу ли я поговорить с сыном?

Доктор Липман вывела меня из своего кабинета через административный корпус. Персонал не сводил с меня глаз, словно я был преступником на прогулке по тюремному двору: человеком,

который заставлял своего ребенка мучиться, вместо того чтобы подчиниться врачам.

Робина содержали в «Комнате спокойствия»: помещении для нарушителей рядом с кабинетом завуча. Я увидел его через панель из небьющегося стекла. Он сидел на слишком большом деревянном стуле, сгорбившись и делая руками то, что делал всякий раз, когда оказывался в положении проигравшего: засунул большие пальцы между указательным и средним и сжал кулаки так, что все побагровело.

Дверь открылась, Робин поднял голову. Он увидел меня, и его боль удвоилась. Первые слова, слетевшие с его губ, были такими, каких никогда не произносил ни один мальчик в этой школе.

— *Папа, это я виноват.*

Я сел рядом и похлопал его по худому плечу.

— Что случилось, Робби?

— *Мой гнев вышел из-под контроля. Я пытался пробудить в себе хорошее, как ты и говорил. Но мои руки меня не послушались.*

Робин так и не рассказал, как именно Джейден Эстли сумел вывести его из себя. Я позвонил родителям мальчика, в глубине души ожидая известия, что они подают на меня в суд. Однако голоса в трубке звучали на удивление сочув-

ственно. Их сын сообщил больше, чем мой, но они не собирались ничего мне объяснять. Все причастные к происшествию люди защищали меня. В тот момент я не понимал от чего.

Я удивил Робина тем, что не стал форсировать события, а он меня — тем, что в ту ночь не намочил постель. Потом наступила суббота. Я все еще не закончил правки для Страйкера. Мы с Робином совершили долгую прогулку по Олбрич-Гарденс. На обед я приготовил омлет с тофу, точно отмерив черную соль и пищевые дрожжи — все как он любил. Мы поиграли в его любимую настольную игру про автомобильные гонки в Европе. Я притворился, что работаю, пока Робби возился со своим микроскопом и просматривал папки с коллекционными карточками. Мы спокойно читали вместе полчаса, прежде чем он попросил рассказать о новой планете.

У меня было две тысячи покетбуков, разбросанных по всему дому, и тридцать лет читательского опыта — есть чем вдохновляться. Когда там начался золотой век научной фантастики? Для меня это случилось в девять лет.

Я придумал для Робина планету, где доминирующий разумный вид мог слиться в конгломерат, наделенный всеми способностями составляю-

щих частей.

Поток вопросов остановил мое повествование.

— Ты серьезно? Как такое вообще может произойти?

— Это другая планета, только и всего.

— Нет, я о другом — когда они соединяются, у них один мозг или много?

— Один мозг, который способен мыслить на разных уровнях.

— Это что-то вроде телепатии?

— Это не просто телепатия. Это суперорганизм.

— А этот громадный организм может проникать в разумы маленьких? Они нужны ему все, чтобы собраться? А вдруг кто-то не захочет присоединиться? Или они на самом деле просто его части и не могут отказать?

Робин встревожился из-за того, где пролегала грань между дружественным слиянием и враждебным поглощением. Я попытался сделать так, чтобы в смеси обуревающих его чувств возобладал восторг, а не ужас.

— Они поступают таким образом по собственной воле, когда приходят трудные времена и одиночкам сложно выживать. А после того, как жизнь налаживается, опять распадаются на самостоятельные фрагменты.

Он наклонился вперед, все еще во власти подозрений.

— *Постой-ка! Они же вылитые слизевики!*

Я показывал ему слизевиков в университетской лаборатории: эти независимые, одиночные клетки могли объединяться в сообщество, которое вело себя особым образом и обладало зачатками интеллекта.

— *Ты скопировал земной вид!*

Он несколько раз шутливо ударил меня по плечу, потом плюхнулся на подушку. Я рискнул убрать ему челку с глаз — он это любил, когда был маленьким.

— Робби, ты все еще расстроен. Я же вижу.

Он резко сел.

— *С чего ты взял?*

Я указал на его кулаки: побагровевшие большие пальцы опять оказались в плену. Робби уставился на свои руки, пораженный вероломством собственных конечностей. Он потряс ими, высвободил большие пальцы. Потом его голова снова упала на подушку.

– *Папа, что с ней случилось?* — На этот раз тон был серьезный. — *Той ночью, в машине.*

Я тоже посмотрел на свои руки: они пытались заключить меня в объятия.

— Робин… Джейден что-то сказал о маме?

К счастью, в пределах досягаемости Робина не было тяжелых предметов, однако он сумел меня отшвырнуть одной лишь силой своего крика.

– *Просто скажи мне! Скажи!* — Он заметался на кровати. — *Мне уже исполнилось девять. Я… хочу знать!!!*

Я схватил Робби за запястье, тот вздрогнул от боли.

— Прекрати немедленно. — Я говорил со всей спокойной властностью, на которую был способен. — Сперва тебе надо успокоиться. А потом ты объяснишь мне, что такого сказал Джейден.

Он высвободил запястье и прижал руку к груди.

— *Зачем ты это сделал?*

Я ждал, пока угомонится взбесившийся пульс. Робби потирал запястье, сверля меня ненавидящим взглядом. Затем разрыдался. Я обнимал его, когда удавалось. Он шевелил побагровевшими губами, но не мог произнести ни слова. Я дал понять, что готов ждать хоть целую вечность.

Он выставил открытую ладонь, перевел дыхание.

— *Я рассказывал ему про ролик с выступлением мамы. А он заявил, что его родители говорили,*

будто авария на самом деле была не просто аварией. Джейден сказал, они думают, что мама хотела…

Я прижал палец к его губам, как будто мог загнать эту мысль обратно.

— Это был несчастный случай, Робби. Никто ничего другого не думает.

— Я ему так и сказал! Но он не унимался. Как будто знал правду. Вот почему я сбрендил.

— Знаешь… я бы и сам ему врезал по физиономии.

Обрывок какого-то слова вырвался из его рта, затерявшись между рыданием и смехом.

– Круто. — Он вслепую похлопал меня по плечу. *— Тогда нас бы обоих взяли за жабры.*

— Ты не рыба, Робби. Возьми салфетку и вытри лицо.

Он прижал руки к лицу с такой силой, что расплющил его, словно сделанное из необожженной глины. Шквал прошел. Мой маленький Робби умылся слезами, но все еще страдал от бессилия.

— Так что же имели в виду родители Джейдена?

Эти двое знали, что их сын мучает моего, пересказывая сплетни, которые услышал от них же, но не предупредили меня во время разговора по

телефону. Ну что за люди, а…

Трусливые и сбитые с толку. Мы же все такие.

— *Мне девять лет, папа. Я могу с этим справиться.*

Мне было сорок пять, и я не мог.

— Робби, есть свидетели. Все говорят одно и то же. Что-то пробежало перед ее машиной.

— *Что именно? Человек?*

— Животное.

Робин нахмурился, сбитый с толку. Он выглядел как персонаж мультфильма.

— Ты помнишь, что было темно и холодно?

Он кивнул, как будто увидел в футе от своего лица крошечную модель того события, сконструированную мной.

— *Двенадцатое января. Девять вечера.*

— Что-то пробежало перед машиной. Должно быть, она дернула руль. Машину занесло, и она оказалась на встречной полосе.

Он не сводил глаз с крошечной симуляции. Затем задал вопрос, к которому я должен был быть готов. Это было так очевидно.

— *Что за животное?*

Я запаниковал.

— Неизвестно.

— *Может быть, куница или какой-то исчезаю-*

щий вид? Вдруг это была росомаха.

— Я не знаю, дружище. Никто не знает.

Он что-то просчитывал в уме. Видел, как приближалась вторая машина. Видел пешеходов. Нас двоих — мы в это время ждали ее возвращения домой. Я продержался десять секунд. Меня тошнило от вранья, и стыд от признания не мог быть хуже.

— Робби, это мог быть опоссум. В смысле, это действительно был опоссум.

— *Но ты сказал…*

Я хотел услышать другое: «Опоссум — единственное сумчатое животное в Северной Америке, папа». Или что-то из того, чему его учила Али: как тяжело приходилось опоссумам зимой, как страдали от обморожения их безволосые уши и хвосты. Но Робин молча нахмурился, думая о самом презираемом крупном животном на Земле.

Потом ошеломленно повернулся ко мне.

— *Ты солгал мне, папа. Ты сказал, что никто не знает.*

— Робби, это было всего на минуту…

Но нет: я уже не мог исправить содеянное.

Он склонил голову и потряс ею, словно прочищая уши от воды. Произнес ровным, тихим голосом:

— *Все лгут.*

Я не понимал, прощает ли он меня или осуждает все человечество.

Давно настала пора ложиться спать. Но мы все сидели вдвоем на его кровати — последние из экипажа космического корабля поколений, который исчерпал свои возможности задолго до того, как добрался до нового дома.

— *Значит, она решила не сбивать его, хотя…*

— Она ничего не решила. У нее не было времени. Это был рефлекс.

Робин поразмыслил. Он как будто успокоился, хотя в глубине души явно продолжал изучать переменчивые границы между поступками, совершенными рефлекторно, и теми, которые опирались на осознанный выбор.

— *Значит, родители Джейдена — придурки? Мама не пыталась навредить себе?*

Я не ощутил желания сделать ему выговор за грубое слово.

— Некоторые люди очень любят обсуждать то, о чем ничегошеньки не знают.

Он достал свой блокнот и что-то быстро записал, прячась от меня. Захлопнул, убрал в ящик прикроватной тумбочки. Его лицо просветлело. Может, он радовался, что завтра снова подружит-

ся со своим приятелем.

Я встал и поцеловал его в лоб. Он не воспротивился, потому что опять смотрел на свои руки и вспоминал, как они его предали.

— Папа, как ты думаешь, что это значит?

Он поднял одну руку, согнув ладонь чашечкой, и покрутил ею туда-сюда, как будто изображая крошечную планету, которая вращалась вокруг своей оси.

— Сам объясни.

— Это значит, что мир кружится — все идет своим чередом, — и я это принимаю.

Я повторил жест, и он кивнул. Я сказал своему сыну, что рад, что он такой, какой есть. Снова покрутил рукой в воздухе: «Спокойной ночи». Потом выключил свет и оставил его засыпать под уютным одеялом, сотканным из моего вранья. У меня всегда особенно хорошо получалось недоговаривать. И я чудовищно солгал ему той ночью, не рассказав про еще одну пассажирку той машины — его нерожденную младшую сестру.

В воскресенье он проснулся очень взволнованным. Еще до рассвета вскарабкался на меня и начал трясти, чтобы разбудить.

— Папа, у меня отличная идея. Ты только послушай.

Я, все еще полусонный, повернулся к нему.

— Робби, умоляю! Шесть утра!

Он умчался прочь и забаррикадировался в своем логове. Потребовалось сорок минут и обещание приготовить блинчики с черникой, чтобы уговорить его выйти.

Я подождал, пока от углеводов он не сделается сонным.

— Итак, я готов выслушать твою замечательную идею.

Он взвесил все за и против насчет того, простить ли меня. Выставил вперед подбородок.

— Я говорю тебе это только потому, что мне нужна твоя помощь.

— Понятно.

— Я собираюсь нарисовать все исчезающие виды в Америке. Следующей весной продам рисунки на фермерском рынке. Соберем деньги и отдадим одной из организаций, с которыми работала мама.

Я знал, что ему по силам нарисовать только часть исчезающих видов. Но сразу понял, что идея и впрямь отличная. Мы прибрались после завтрака и отправились в публичную библиотеку Пинни.

Библиотека очень нравилась Робину. Он любил откладывать книги по Интернету, и, когда

мы приходили, отмеченный его именем заказ уже ждал выдачи. Он любил книжные шкафы, которые благожелательно предлагали свои сокровища, своим местоположением напоминая карту изведанного мира. Вся система казалась чем-то вроде «шведского стола»: бери, пока не наешься. Еще ему нравились отметки о выдаче на руки под обложкой каждой книги: перечень незнакомцев, которые интересовались до Робина той же темой. Библиотека была лучшим квестом из всех, какие только можно вообразить: собирай трофей за трофеем, повышай уровень в свое удовольствие.

Обычно Робби шел через свое Эльдорадо по одному и тому же маршруту: графические романы, меч и магия, сборники головоломок и задач на логику, беллетристика. В тот день ему понадобились самоучители по рисованию. Книжные полки ничем не уступали витринам кондитерской.

— Ого… Почему ты никогда не рассказывал мне об этом?

Мы нашли книгу о том, как рисовать растения, и книгу о том, как рисовать простых животных. Потом отправились в отдел «Природа», где сосредоточились на поиске литературы об

исчезающих видах. Вскоре Робби уже пытался выбрать что-то из стопки книг, доходившей ему почти до талии.

— *Я превысил свой лимит, папа.*

У него зазвенел голос от сильнейшего возбуждения.

— Запишем часть книг на тебя, часть — на меня.

Робби сел в проходе, принялся выбирать. Открыв один из больших томов, он застонал.

— Что там?

— *Служба охраны рыбных ресурсов и дикой природы Соединенных Штатов,* — зачитал он машинным голосом, — *относит более двух тысяч североамериканских видов к категориям «Уязвимые» и «Вымирающие».*

— Спокойно, дружище. Движемся шаг за шагом. По одному рисунку зараз.

Он опрокинул башню из книг, уронил голову на руки.

— Эй, Робби. — Я чуть не сказал: «Повзрослей». Но это было последнее, чего бы я ему пожелал. — Как бы поступила твоя мама?

Это заставило его снова выпрямить спину.

— Давай заберем эти книги и купим кое-какие принадлежности.

Продавщица в магазине для художников влюбилась в Робина. Она сама недавно отучилась на факультете искусств. Она повела моего сына по магазину. Он угодил в рай. Они изучали пастель, цветные карандаши и маленькие тюбики яркого акрила.

— Что ты хочешь нарисовать? — Она выслушала рассказ Робина о его плане. — Это так прекрасно. Ты потрясающий мальчик.

Девушка не верила, что проект продержится хоть сутки.

Робби очень понравились акварельные брашпены. Он попробовал ими рисовать и приятно удивил продавщицу.

— Хороший набор для начинающих. Сорок восемь цветов. Наверное, тебе хватит.

— *А почему вон тот намного дороже?*

— Он для профи.

Он схватил набор для начинающих, пряча от меня глаза. Я вмешался и повысил его в статусе. С точки зрения инвестиций вложение было очень выгодным. Мы также купили рапидографы, пачку дешевой бумаги для упражнений и несколько листов хорошей — для готовых работ. Продавщица пожелала моему сыну удачи, и он обнял ее у выхода. Робин обычно не обнимал незнакомцев.

Он рисовал весь день. Мой вспыльчивый, неуправляемый сын часами стоял, опершись коленями на сиденье деревянного складного стула, копируя примеры из самоучителей по рисованию, почти уткнувшись носом в бумагу. Иногда он разочарованно фыркал, как мультяшный бык в одной из его любимых детских книжек с картинками. Сминал неудачные образцы, но скорее напоказ, чем с подлинным раздражением. Однажды швырнул карандаш в стену, а потом сам себя отругал.

Я уговаривал его сделать перерыв, поиграть в пинг-понг или прогуляться по окрестностям. Он отказался сходить с пути.

— *С какого создания мне начать, папа?*

«Создание» — любимое словечко его матери. Она так называла даже моих экстремофилов. Я сказал Робину, что внимание публики проще всего завоевать с помощью харизматичной мегафауны.

— *Нет. Мне нужны те, кто в худшем положении. Те, кто больше всех нуждается в помощи.*

— Не торопись, Робби. До первого фермерского рынка еще несколько месяцев.

— *Амфибии в беде. Я начну с какой-нибудь амфибии.*

После долгих мучений он остановился на Lithobates sevosus, темной гоферовой лягушке. Это странное, скрытное существо растопыривало перепончатые пальцы перед мордочкой, чтобы защитить глаза от какой-нибудь угрозы. От испуга лягушка раздувалась, из желез на ее спине сочилось горькое молоко. Разработка заболоченных территорий сократила зону ее обитания до трех небольших прудов в штате Миссисипи.

Робин с сомнением разглядывал свой рисунок.

— *Как думаешь, людям понравится?*

Его творение было затейливым по форме и цвету. На фотографии лягушки я видел лишь серо-черные бугорки, а Робин — неистовые завихрения, для которых потребовалась половина радужного великолепия его сундука с художественными принадлежностями. Разница между серым оригиналом и сюрреалистической копией не беспокоила сына. Призрак моей жены тоже ничуть не встревожился.

Закончив, Робби поднес картину к окну в гостиной, к свету, чтобы я мог рассмотреть. Перспектива была искаженной, текстура шкуры аляповатой, контуры примитивными, а цвета потусторонними. И все-таки это был шедевр — портрет бородавчатого создания, чью кончину

оплакивали бы немногие.

— *Как думаешь, кто-нибудь купит? Ради благой цели.*

— Здорово получилось, Робби.

— *Может быть, где-то есть планета, где обитают самые красивые во Вселенной амфибии…*

Затем Робин перестал сурово хмуриться: работа была готова. Он спрятал ее в папку, где хранил другие свои рисунки, и вернулся к самоучителям. Он не был так счастлив с той ночи, когда мы разбили лагерь под звездами.

В понедельник утром Робин вылез из постели, оделся, съел миску горячей каши и почистил зубы — все как обычно. Но за пять минут до того, как должен был прийти автобус, он заявил:

— *Сегодня никакой школы, папа.*

— О чем ты? Конечно, будет школа. Собирайся быстрее!

– *Я о том, что в школу не пойду.* — Робин махнул в сторону обеденного стола. Вчера я позволил ему не сворачивать художественную студию. — *Слишком много работы.*

— Не глупи. Рисовать будешь после обеда и вечером. Ты опоздаешь на автобус.

— *Сегодня никакого автобуса, папа. Я занят.*

Я поспешно воззвал к здравому смыслу.

— Робби, послушай… У меня уже проблемы в твоей школе. Доктор Липман сказала, что в этом году я слишком часто забирал тебя с занятий.

— А как насчет тех дней, когда она сама меня выгоняла?

— Я обсуждал это с ней. Она угрожала мне плохими вещами, если мы не будем действовать сообща.

— Например?

— Эй. Не выделывайся. Без шуток. Поговорим об этом сегодня вечером.

— Я никуда не пойду, папа.

После смерти Али я лишь однажды угрожал применить силу — и он в тот раз прокусил мне запястье до крови. Я посмотрел на часы. Про автобус можно было забыть. Я положил руку ему на плечо. Он оттолкнул ее.

— Они назначили тебе испытательный срок из-за того, что случилось с Джейденом. Мы под колпаком. Если возникнут новые проблемы, доктор Липман… Нельзя давать им повод для беспокойства прямо сейчас.

— Папа. Послушай. Я умоляю тебя. Мама говорит, что все умирает. Ты ей веришь?

— Робин. Ну же. Пойдем. Я отвезу тебя в школу.

Впрочем, я уже понимал, что меня перехит-

рили.

— *Если мама права, в школе нет никакого смысла. Все умрет еще до того, как я пойду в десятый класс.*

Интересно, стоит ли мне ввязываться в битву, чтобы пасть смертью храбрых?..

— *Так ты веришь ей или нет? Это все, о чем я спрашиваю.*

Верил ли я в постулаты Али? Факты не вызывали сомнений. Все, о чем она говорила, было общеизвестно мировому ученому сообществу. Но *верил* ли я в ее слова? Понимал ли я, что массовое вымирание реально?

— Ты идешь в школу. У нас нет выбора.

— *Ты сказал, что выбор есть всегда. Ты мог бы обучать меня на дому.*

Я тер глаза, пока не посыпались искры. Я мысленно вновь заговорил с покойницей. Али напомнила: «*Выслушай. Посочувствуй. Но мы не ведем переговоры с террористами!*»

— Я верю в тебя, Робби. В то, что ты делаешь. Но нельзя сменить школу в середине года. Если ты все еще будешь так сильно переживать по этому поводу весной, мы найдем решение.

— *Вот почему все вымрут. Потому что каждый хочет решить эту проблему потом.*

Я сел за стол; передо мной были разложены его наброски. Он сказал правду.

— Ладно… Сегодня — рисуй. Всех созданий, попавших в беду. Так хорошо, как только сумеешь.

Должно быть, Робби почувствовал мое разочарование, потому что маленькая победа заставила его помрачнеть. Он посмотрел на меня, как будто желая попросить, чтобы я передумал.

— Папа… а если это не поможет?

В моем списке контактов не нашлось няни, которая смогла бы присматривать за ним целый день без предварительного предупреждения. К счастью, у меня не было занятий, и я мог работать из дома. Я отменял и переносил встречи, когда без четверти девять пришло автоматическое сообщение. «Ваш ребенок отсутствует без уважительной причины. Знаете ли вы об этом (пожалуйста, ответьте ДА или НЕТ)?» Я нажал ДА, затем позвонил в школу и сообщил сотруднику с грубым и недоверчивым голосом, что забыл предупредить о запланированном визите Робина к врачу.

Я занялся сортировкой электронной почты, потом доделал просроченные правки для Страйкера: диметилсульфид и диоксид серы в наших моделях атмосферного дисбаланса. Жизнь, основанная на сере вместо углерода; я спрашивал

себя, как выглядел бы в таком мире обед, пока готовил чечевицу по любимому рецепту Робина, добавив много золотистого лука и чуть-чуть томатной пасты. Во второй половине дня Робби постучал в дверь кабинета и задал несколько вопросов о своих рисунках, на которые годились любые ответы. Он страдал от одиночества. Я решил, что к утру он будет готов вернуться в школу.

Мы снова встретились за ужином. Робин хотел запеканку из баклажанов по фирменному рецепту Али. Он настоял на том, что сам выложит слои из кружочков. Блюдо получилось не слишком удачным, однако сын ел с аппетитом человека, который трудился весь день. После ужина я попросил устроить выставку. Большинство рисунков он уничтожил в гневе, осталось лишь несколько. Он прикрепил свои шедевры к голой стене в столовой кусочками многоразового скотча. Запретил мне входить, пока не подготовился. Белоклювый королевский дятел, рыжий волк, шмель Франклина, гигантский анолис и кочка, поросшая пустынным желтоголовником. Что-то было нарисовано искусно, что-то не очень. Но все они оказались живыми, яркими и как будто кричали: «Спасите нас!».

— Птица, млекопитающее, насекомое, рептилия и растение. Вдобавок к вчерашней амфибии.

Я до сих пор не понимаю, как девятилетнему ребенку хватило терпения, чтобы их нарисовать. В него словно вселился какой-то другой творец.

— Робин, они потрясающие.

— Дятел и анолис, возможно, уже вымерли. Сколько можно попросить за них? Я хочу собрать как можно больше.

— Можно попросить, чтобы люди дали, сколько захотят. — Обычно так продают подержанные машины, но в его случае трюк будет преследовать благую цель. Робин снял рисунки со стены и спрятал в папку. — Осторожнее! Не помни.

— Мне еще так много надо нарисовать, папа.

На следующее утро, после завтрака, он объявил, что останется дома и будет рисовать.

— Ни за что. А ну-ка собирайся. Мы же договорились.

— Когда? О чем? Ты сказал, что веришь в меня!

В один миг из девяти ему стало шестнадцать. Не имея возможности поступить правильно, он уставился на меня с исступлением, граничащим с ненавистью. Сжал губы, плюнул мне под ноги. Затем развернулся, побежал обратно по коридору в свою спальню и захлопнул дверь. Через

двадцать секунд его леденящий душу вопль перешел в грохот падающей мебели. Я толкнул дверь, за которой оказалась навалена куча хлама. Робин перевернул книжный шкаф пятифутовой высоты, и книги, игрушки, модели космических кораблей, трофеи из художественных кружков рассыпались по полу. Когда я вошел в комнату, мой сын снова закричал и швырнул старую укулеле Али в окно, разбив и стекло, и инструмент.

Потом он с воем бросился на меня. Мы сражались. Он попытался расцарапать мне лицо. Я схватил его за руку и слишком сильно вывернул. Робин закричал и, рыдая, упал на пол. Мне захотелось умереть. Тыльная сторона его ладони — нежное крыло бабочки, которую я наполовину раздавил. У нас с Али был договор, единственный раз, когда я ей поклялся. «*Тео? Что бы ни случилось, мы не поднимем руку на этого ребенка*». Я оглядел комнату, готовый отдаться на милость своей жены. Но ее нигде не было.

На планете Гемин мы очутились в ловушке по разные стороны ужасного меридиана. Солнце этого мира было маленьким, холодным и красным. Орбита пролегала так близко к звезде, что та аннулировала осевое вращение планеты. Одна ее сторона навсегда осталась погруженной в

обжигающий свет. На другой воцарилась ночь, ледяная и вечная.

Жизнь зародилась в полосе сумерек между постоянными полуднем и полуночью. В этом промежутке между горением и замерзанием метались ветра, текли быстрые воды. Существа эволюционировали, используя энергетические циклы: перемещались в сторону утра, чтобы согреть тьму, и в сторону вечера, чтобы охладить беспредельное сияние.

Жизнь потихоньку завоевывала новые пространства по обе стороны от продуваемой ветром полосы: запускала щупальца в каньоны и русла рек, ползла от умеренного климата к экстремальным температурам. Живой мир на Гемине разделился на два царства, ледяное и огненное; каждое приспособилось к своей половине планеты, страдающей биполярным расстройством. Для смелых паломников, которые удалились от пограничной зоны дальше всех, пути назад не было — она стала для них смертельно опасной.

Разум здесь возник дважды. Каждый вид решал собственные климатические проблемы, непостижимые для другого. Умы дневной стороны не понимали суть ночи, умы ночной не могли разобраться в сути дня. Лишь в одном они могли бы

согласиться: «за гранью» нет места для жизни.

Мы отправились на Гемин вместе, но прибыли поодиночке. Я очутился в продуваемом ветрами канале на дневной половине. Обыскал всю обитаемую зону, но не смог найти Робина. От местных жителей не было толку. Я думал, аборигены в краю бесконечного дня будут жизнерадостными оптимистами. Однако их небо постоянно сияло, заслоняя всякий намек на Вселенную. Они жили здесь-и-сейчас, а потом появился я. Сам факт моего существования вызывал у них ступор. Их науки и искусства застряли в младенчестве. Они даже не изобрели телескоп.

На Гемине времена года были равнозначны местам. Пройдя несколько миль в сторону пограничного пояса, я перенесся из августа в январь. Робин был где-то на стороне вечной ночи. Какой народ, рожденный смертоносным холодом, повстречается ему в том краю? Хитрые и изобретательные копатели теплых шахт, возделыватели подземных грибов. Жестокие варвары, бесчувственные убийцы, готовые драться за каждую бесценную калорию.

Робин тоже искал меня. Приближаясь к зоне умеренного климата, я увидел издалека, как он мчится с другой стороны. Я бросился навстречу,

однако сын поднял руки и остановил меня. Стоя на краю тьмы, я понял: Робин узрел истинное ночное небо. Он смотрел на звезды таким взглядом, как никто на Земле. Он видел перемены и течение времени, циклы и разнообразие. Видел математику и истории — такие же бесчисленные, изысканные и разнообразные, как очертания созвездий на черном фоне небосвода.

Робин крикнул мне с той стороны, из тьмы:

— Папа... Папа! Ты себе не представляешь, что я вижу.

Но я был в западне света, я не мог перейти черту.

Мою жену многие любили. Али тоже любила многих, для нее это было самой естественной вещью в мире. У нее были партнеры до меня, и с большинством она осталась в хороших отношениях, включая женщину, которая разбила ей сердце. Флирт был частью ее работы. Я сам видел, как она своим обаянием завоевывала привязанность законотворцев в огромных залах и спонсоров на приемах — все они как будто становились ее дорогими друзьями.

Руководство неправительственной организацией, охватывающей десять штатов Среднего Запада, требовало от Али постоянных разъез-

дов. Первые два года нашего брака это убивало меня. Она звонила из какого-нибудь мотеля на федеральной автостраде, чтобы сообщить: «*Мы посидели в отличном итальянском ресторанчике в центре города*». Я ворчливо спрашивал, что еще за «мы», и она отвечала: «*О, я разве тебе не сказала? Встретила Майкла Максвелла — это мой бывший из аспирантских времен*». А потом я восемь часов, до утра, размышлял о том, о чем мне не хотелось думать.

Ее зона деятельности величиной в десять штатов подразумевала настоящий гарем из преданных мужчин и женщин с равными шансами. Я знал о некоторых дружеских отношениях, но на поминках кое-что стало для меня сюрпризом. Однажды я спросил, испытывала ли она когда-нибудь соблазн сбиться с пути, и у Али от изумления отвисла челюсть. «*Господи, нет. Это против моей природы! Если бы я рискнула так поступить, меня бы разорвало на части*».

В конце концов я отыскал точку равновесия между ревностью и благоговением. Много хороших, славных людей желали сблизиться с моей женой. А моя жена, похоже, желала меня одного. Природа, как часто демонстрировала мне Али, весьма изобретательна в том, что касается доста-

точной меры людского счастья.

Вот почему я не удивился, когда однажды в субботу она поздно вернулась с фермерского рынка, сияя оттого, что кто-то уделил ей внимание.

— Я столкнулась с Марти Карриером у прилавка «Яблочной леди». Выпили кофе вместе. Он предложил нам поучаствовать в его эксперименте!

Мартин Карриер был одним из выдающихся ученых Висконсина: профессор нейробиологии, сотрудник Национальной академии наук, участник исследовательской программы Института Хьюза — я мечтал добиться чего-то в этом духе, но уже никогда не добьюсь. Он был одним из немногих людей в Мадисоне, с кем Али могла наблюдать за птицами и у кого могла чему-то научиться. С этой целью они отправлялись вдвоем на прогулки в любое время года, что сводило меня с ума.

— Да ладно? Уверен, ему просто хочется, чтобы его подопытной стала *ты*.

Али ухмыльнулась и приняла боксерскую стойку: начала вращать кулаками перед лицом, подпрыгивая и раскачиваясь. Она всегда держала свои маленькие кулачки слишком близко друг к другу, когда делала вид, что вот-вот нанесет быстрый удар. Мне это нравилось.

— Ладно тебе, задира. Ну давай попробуем. Марти занимается невероятными вещами.

Лаборатория Карриера изучала нечто под названием ДекНеф — декодированный нейрофидбек. Похоже на старую добрую биологическую обратную связь, но с визуализацией нейронной активности в режиме реального времени, при участии искусственного интеллекта. Первая группа испытуемых — «образцы» — входили в определенные эмоциональные состояния, отвечая на внешние стимулы, а исследователи сканировали соответствующие области их мозга с помощью функциональной МРТ. Затем исследователи сканировали те же самые области мозга второй группы испытуемых — «стажеров» — в режиме реального времени. Искусственный интеллект отслеживал нейронную активность и посылал слуховые и визуальные сигналы, подгоняя мозг стажера под предварительно записанный шаблон нейронного состояния образца. Таким образом стажеры обучались приблизительному воспроизведению паттернов активности в мозге образцов — и, что примечательно, сообщали о схожих эмоциях.

Эта методика была разработана в 2011 году и на раннем этапе показала впечатляющие ре-

зультаты. Команды исследователей в Бостоне и Японии обучали стажеров быстрее решать визуальные головоломки: их просто натаскивали по отсканированным паттернам зрительной коры образцов, которые разобрались с головоломками методом проб и ошибок. Другие экспериментаторы записывали данные о зрительных зонах в мозге образцов, подвергшихся воздействию красного цвета. Стажеры, которых натаскивали с помощью обратной связи, воспроизводили ту же нейронную активность и перед их мысленным взором появлялся тот же цвет.

С тех пор исследования перешли от визуального обучения к эмоциональному воздействию. На помощь страдающим от ПТСР выделялись большие гранты. ДекНеф и обратная связь через коннективность рекламировались в качестве методов лечения всевозможных психических расстройств. Мартин Карриер трудился над клиническим применением своего детища. Но у него имелись и более экзотические побочные увлечения.

— Почему бы и нет? — сказал я жене.

И мы вписались добровольцами в эксперимент ее приятеля.

В приемной лаборатории Карриера мы с Али

посмеивались над анкетой для участников эксперимента. Мы претендовали на место во второй волне субъектов-образцов, но сперва надо было пройти отбор. Вопросы оказались с подвохом. «Как часто вы думаете о прошлом? Вы предпочли бы оказаться на переполненном пляже или в пустом музее?» Моя жена покачала головой в ответ на такую бестактность и прикоснулась кончиками пальцев к губам, изогнувшимся в улыбке. Я прочитал мысли Али, как будто мы были соединены проводами: пусть исследователи копаются внутри ее головы, сколько душе угодно; главное — чтобы не нарыли что-нибудь чреватое тюрьмой.

Я давным-давно отказался от попыток понять свою истинную сущность. В моих бессолнечных глубинах обитала прорва монстров, но большинство не были смертельно опасными. Я страстно желал увидеть ответы моей жены, но лаборант не позволил нам сравнивать анкеты.

«Вы употребляете табак?» Нет, завязал несколько лет назад. Я не упомянул, что все мои карандаши хранят отметины от зубов.

«Сколько алкоголя вы выпиваете в неделю?» Я — нисколько, а вот жена призналась в ежевечерних сеансах с декламацией стихов псу.

«Есть ли у вас аллергия?» Нет, если не считать непереносимость коктейльных вечеринок.

«Вы когда-нибудь испытывали депрессию?» Я не знал, как ответить на этот вопрос.

«Вы играете на музыкальном инструменте?» Наука — вот и вся моя музыка. Я написал, что при необходимости постараюсь отыскать на пианино ноту «до» первой октавы.

Два постдока отвели нас в комнату функциональной МРТ. Эти люди швырялись деньгами в свое удовольствие, не чета любой известной мне команде астробиологов. Али думала то же самое, сравнивая со своей нищей НПО. Я понадеялся, что зависть не испортит наши результаты.

Я первым отважился подойти к сканеру. Али сидела с Мартином Карриером в аппаратной, за мониторами. Мне это показалось подозрительным, однако награды за исследования достались именно ему. Внутри трубы МРТ со мной общались через наушник; мне было велено расслабиться, закрыть глаза и сосредоточиться на дыхании. Калибровка началась с внешних стимулов: прозвучал отрывок из Лунной сонаты, потом — из чего-то сурового, современного. Мне сказали открыть глаза. Экран над моим лицом по очереди продемонстрировал изображения синей птицы

на ветке; счастливого малыша; великолепной праздничной трапезы; открытого перелома предплечья крупным планом, с костью, торчащей сквозь кожу. После этого мне надлежало опять закрыть глаза еще на минуту и снова сосредоточиться на дыхании.

Затем настал черед эксперимента как такового. Али и я должны были получить выбранное случайным образом чувство, одно из восьми основных эмоциональных состояний согласно типологии Плутчика: ужас, изумление, горе, отвращение, ярость, бдительность, экстаз или восхищение. Нам дали четыре минуты, чтобы войти в означенное психическое состояние. Пока мы были поглощены этой задачей, компьютер составлял трехмерную карту участка нашей лимбической системы.

Мне досталось «восхищение». Я закрыл глаза и погрузился в смутные мысли об Эйнштейне, докторе Кинге и Сидни Картоне. В аппаратной моя жена наблюдала за приливами и отливами моих эмоций. Подумав о ней, я невольно вспомнил вечер, который мы пережили вместе в середине зимы четыре года назад.

Али только что назначили координатором всего Среднего Запада, а парень, сменивший ее на

посту руководителя штата, оказался совершенно никудышным. В Мэриленде, на трехдневном съезде членов организации, проводимом раз в два года, она часами сидела на телефоне, помогая преемнику разбираться с очередным кризисом. Тогда же она сильно простудилась. Из-за метелей обратный рейс задержался на полдня. В девять вечера я, с маленьким Робби на буксире, встретил ее в аэропорту. Пока ее не было, у сына развилась ушная инфекция. Он выл до полуночи, и лишь потом Али уронила больную и усталую голову на подушку.

Телефон разбудил ее в половине второго: незадачливый новый руководитель был сам не свой от тревоги. Полиция на севере штата, в Райнлендере, обнаружила грузовик с дюжиной собак в клетках, простоявший несколько часов при минусовой температуре на парковке «Уолмарта». Полицейские отследили путь грузовика до огромного питомника-плодилки и закрыли его. Сотни собак хлынули в единственный переполненный приют округа Онейда. Местные жители обратились в неправительственную организацию Али, хотя проблема такого рода лежала далеко за пределами возможностей этой правозащитной структуры.

Ее преемник хотел знать, на кого свалить катастрофу. Али сказала: «*О чем ты говоришь? Езжай туда и помоги им выпутаться*». Мужчина ответил, что ему за такое не платят. Они проговорили двадцать минут, и моя жена, от изнеможения похожая на зомби, была безупречно рациональна. Мужчина упорствовал. Так и вышло, что на рассвете Алисса собрала рюкзак и села в машину, чтобы проехать три с половиной часа по обледенелым дорогам штата в одиночку. Я все время спрашивал: «Ты уверена?» Она, разумеется, заслуживала несколько иной поддержки…

Она вернулась сорок восемь часов спустя, после того как развезла двести собак в приюты по всему верхнему Висконсину. Вышла из машины, выглядя как статистка из «Централ кастинг», отобранная для роли умирающей от чахотки французской крестьянки девятнадцатого века. Направилась прямо к плачущему Робину и целый час утешала его. Затем написала речь, которую должна была произнести в Де-Мойне на следующий день. После полуночи посмотрела на меня, комично скосив глаза, объявила, что «измоталась вусмерть», и проспала пять часов, прежде чем встать и поехать в Айову.

Способность Алиссы вызывать восхищение бы-

ла ее неотъемлемым качеством, явлением того же порядка, что и мой высокий рост. Однако слово «восхищение» и близко не описывало чувство, которое я испытывал в ее адрес. Оно напоминало математическое доказательство. Я благоговел перед своей женой. В нашем мире она занимала положенное место, даже не задумываясь о том, что оно собой представляет. Я надеялся, что она поймет, сидя за мониторами в аппаратной, чем охвачен мой мозг.

Первая часть эксперимента завершилась, я вышел из транса. Для калибровки программы техники опять показали мне картинки и попросили сосчитать в обратном порядке от десяти до одного. Затем снова бросили кости и дали мне вторую целевую эмоцию: горе.

Как только это слово прозвучало в наушниках, мой пульс участился. По правде говоря, я глубоко суеверен — только это чувство обитает не в моем разуме, который наука преобразила, а в конечностях. Я хорошо разбираюсь в древних эмоциях, а горе наверняка старше сознания как такового. Мое тело слишком чутко реагирует на худшие выдумки. Те несколько минут, на протяжении которых я любовался своей женой, вывернулись наизнанку. Я вернулся в ту необыкновенную

ночь, но теперь она превратилась в сплошной катаклизм. Ушная инфекция Робина перешла в сепсис и привела к летальному исходу. Преступники-разведенцы схватили мою жену и пытали ее. От бессонницы и переутомления она съехала с обледенелой дороги и несколько часов пролежала в канаве.

В чем суть горя? В том, что твой мир утрачивает то, чем ты восхищаешься. Я думал об иррациональной чепухе, но она ощущалась так, словно на какой-то другой планете произошла на самом деле.

Когда я присоединился к Али и Карриеру в аппаратной, она вскочила и обняла меня.

— О, мой бедный малыш!

Мы поменялись местами. Я сел рядом с Карриером, Али забралась в трубу МРТ. Пока два техника проводили калибровку с картинками и музыкой, я поделился с Карриером сомнениями.

— Мне кажется, ваша методология не слишком хорошо поддается контролю. Не случится ли так, что результаты будут разниться в зависимости…

— …от того, насколько хорошо образец освоил метод Станиславского? — Лицо у профессора было веселое, но тон — снисходительный. Я его еле-еле выносил, и не только потому, что он так

нравился Али.

— Вот именно. Не каждый способен испытывать эмоции по команде.

— Нам это не нужно. Мы рассматриваем конкретные области лимбической системы. Некоторые реакции образцов будут более верными, чем другие. Некоторые люди действительно испытают эмоции, в то время как другие будут только думать о них. Но ИИ может извлекать общие закономерности нейронной активности из результатов сотен опытов и создавать комплексную трехмерную карту, включающую общие характерные черты. Мы проверяем, достаточно ли различимы усредненные паттерны восьми основных эмоций, чтобы их могли распознать стажеры, которых учат воспроизводить эти эмоции.

— И? Как это выглядит?

Карриер наклонил голову и стал похож на одну из птиц, за которыми они с моей женой наблюдали.

— Опираясь на чистый случай и восемь вариантов, испытуемый правильно определяет целевую эмоцию в одном случае из восьми. Но после нескольких сеансов нейрофидбека стажеры могут верно назвать целевую эмоцию чуть

более чем в половине случаев.

— Господи. Эмоциональная телепатия.

Карриер поднял брови.

— Можно и так сказать.

Я все еще был настроен скептически. Но если бы я был членом комитета по грантам, то выделил бы ему финансирование. Идея заслуживала изучения, каковы бы ни были ее результаты. Машина эмпатии: ее как будто позаимствовали из фантастического романа, одного из моей коллекции на две тысячи томов.

Находясь внутри сканера, в соседнем помещении, моя жена казалась еще миниатюрнее. Ей досталась «бдительность». Я бы даже не назвал бдительность эмоцией, не говоря уже об одной из восьми базовых. Но бдительность была для Алиссы тем же, чем литургия для средневековой монахини, поэтому я не удивился, когда через три минуты ее погружения в эту эмоцию Карриер наклонился к монитору.

— Ого. Какая мощь.

— Это мягко сказано.

Впрочем, он наверняка понимал, насколько все серьезно. Мы наблюдали, как меняется нейронная активность в мозгу Али: как будто кто-то рисовал картину пальцами. Возможно, она пе-

реживала ту же ночь, что и я. Но сгодились бы и десятки других. Я смотрел на экран и кое-чему учился. Али пела все основные мелодии жизни в полный голос, но «Бдительность» была ее государственным гимном. Ее бытие как таковое представляло собой вариации на одну тему: делай все, что в твоих силах, причем делай прямо сейчас, потому что там, куда ты в итоге попадешь, заняться будет нечем.

Узоры плясали в мозгу Али. Техник велел ей глубоко дышать и расслабиться.

– *Расслабиться?* — донесся ее голос из трубы. — *Да я только разогреваюсь!*

Затем они дали ей новую эмоцию — экстаз.

— Погодите, — сказал я Карриеру. — Мне вы дали горе, а ей — экстаз?

Профессор ухмыльнулся. Я ощутил его неоспоримое обаяние.

— Проверим наш генератор случайных чисел.

Бдительность и экстаз находятся рядом друг с другом на колесе эмоций Плутчика. Бдительность по направлению обода колеса переходит в ожидание и интерес. Экстаз — в радость и безмятежность. Между радостью и ожиданием втиснут клинышек оптимизма. Целыми днями отделяя перспективные дела от безнадежных,

Али рано или поздно срывалась. Помню, как-то раз она плакала из-за снятого тайком видео с откормочной площадки в Айове. Однажды швырнула отчет ООН об уничтожении среды обитания через всю комнату и крикнула, что человечеству пора катиться в ад. И все-таки каждую клеточку тела моей жены пропитывал оптимизм. Ее душа стремилась к экстазу, как железные опилки стремятся по местам в магнитном поле.

Я сидел в аппаратной рядом с мужчиной, который, несомненно, желал мою Али, и смотрел, как в ее мозге вырисовывается паттерн блаженства. Карриер не сводил глаз с узора, который делался все сложнее.

— Она безупречна!

Я понятия не имел, на что он смотрит, но видел, насколько этот поток информации отличался от ее паттернов, полученных несколько минут назад.

Я знал свою жену лучше кого бы то ни было. Но понятия не имел, какие воспоминания Али использовала для достижения поставленной цели. Относились ли они ко мне? А может, средоточием радости был ее сын? Или что-то другое вызвало у нее сильнейшее наслаждение? Я так страстно желал узнать, что́ послужило источником раз-

вернувшихся на мониторе цветных узоров, что оказался во власти девятой основной эмоции, которой нет на колесе Плутчика.

Карриер изучал диэнцефалон Али. Профессор участвовал в долгом, поразительном исследовании, которое продолжится до тех пор, пока общество верит в науку. Но даже если кому-то из его собратьев в конце концов удастся отпереть запертую комнату и войти в голову другого человека, мы все равно никогда не узнаем, каково это — жить там, внутри. Куда бы ни лежал наш путь, каждый смотрит на мир со своей, уникальной точки зрения.

Два техника помогли Али выбраться из трубы функциональной МРТ. Она раскраснелась от удовольствия, как в тот день, когда медсестры вручили ей новорожденного. Моя жена присоединилась к нам в аппаратной, немного пошатываясь. Карриер присвистнул.

— А ты знаешь толк в экстремальном вождении.

Али подошла и обняла меня за шею, как будто только мое тело могло удержать ее маленькое суденышко на плаву в открытом море. Мы добрались домой, все еще держась друг за друга, и расплатились с няней. Накормили нашего

мальчика и попытались отвлечь его любимым лего «Звездные войны». Робин чувствовал: что-то случилось, и стал назойливым. Я воззвал к его разуму.

— Нам с твоей матерью нужно кое о чем позаботиться. Ты поиграй спокойненько, а потом мы пойдем смотреть на парусники.

Это сработало на достаточно долгий срок, чтобы мы с Али забаррикадировались в спальне. Она наполовину раздела меня, прежде чем я смог прошептать первые яростные слова.

— О чем ты думала там, в МРТ? Я хочу знать!

Она игнорировала все звуки, кроме моего пульса. Ее ухо было на уровне моей груди, а руки — внизу, повсюду.

— О, мой бедный малыш. В той мерзкой машине ты выглядел так, словно вот-вот заплачешь!

Затем Али возвысилась надо мной, прямая, настороженная и огромная. На пике наслаждения она тихонько вскрикнула, словно какое-то ночное существо. Я протянул руку, чтобы успокоить ее, и крик повторился. Через несколько секунд в дверь постучали.

— С вами все хорошо?

Моя жена, бдительная и экстатичная, не рассмеялась ценой немалых усилий.

— С нами все хорошо, милый! Лучше не бывает.

Ноябрьским утром в среду я шел через кампус к зданию Карриера. Идти было далеко, однако я не предупредил заранее о своем визите. Не стоило оставлять бумажный след. Мартин, похоже, удивился, увидев меня. Ближайшей его эмоцией на колесе Плутчика, вероятно, было опасение.

— Тео. Хм. Как дела? — Ему почти удалось изобразить интерес. Многолетнее изучение человеческих эмоций не прошло даром. — Мне так стыдно из-за того, что я пропустил поминальную службу Алиссы.

Я вяло пожал плечами. Два года прошло; древняя история.

— Честно? Я не знаю, кто там был, а кто нет. Я вообще почти ничего не помню.

— Чем могу помочь?

— У меня деликатный вопрос.

Он кивнул и повел меня по коридору к выходу из здания. Мы обосновались в кафетерии Медицинской школы, взяв по горячему напитку, хотя оба не хотели пить.

— Неловкая ситуация. Я знаю, что вы не клиницист, но мне больше некуда идти. Робин в беде. Начальная школа угрожает мне Департаментом социальных служб, если я не накачаю его нар-

котиками.

За время короткой паузы он вспомнил, о каком Робине идет речь.

— Ему поставили какой-нибудь диагноз?

— Пока два голоса за синдром Аспергера, один за ОКР и еще один — за СДВГ.

Профессор улыбнулся, горько и сочувственно.

— Вот поэтому я и бросил клиническую психиатрию.

— Половину третьеклассников в стране можно втиснуть в одну из этих категорий.

— В этом-то и проблема. — Он оглядел кафетерий, ища коллег, которые могли бы нас подслушать. — На что они хотят его подсадить?

— Я не уверен, что его директора это волнует, — главное, чтобы крупные фармацевтические компании получили свою долю.

— Знаете, у большинства стандартных лекарств дозировки совсем небольшие.

— Но ведь ему девять лет! — Я взял себя в руки и успокоился. — Его мозг все еще развивается.

Мартин вскинул руки.

— Он слишком юный для психоактивных веществ. Я бы не хотел экспериментировать на своем девятилетнем ребенке.

Профессор был умным человеком. Я понимал,

почему он нравился моей жене. Он ждал, пока я расскажу все.

— Он бросил термос в лицо другу, — признался я в конце концов.

— Хм. Однажды я сломал приятелю нос. Но он это заслужил.

— Риталин мог бы что-то исправить?

— Мой отец предпочитал другой метод лечения — ремень. Это превратило меня в образцового взрослого, коего вы видите перед собой.

Я засмеялся, мне стало лучше. И как ему удалось такое провернуть?

— Просто чудо, что нам обоим удалось дожить до своих лет.

Друг моей жены, прищурившись, заглянул в прошлое, пытаясь вспомнить ее сына.

— Как бы вы оценили силу его гнева?

— Я не знаю, как ответить на такой вопрос.

— Ну, он же врезал тому мальчишке.

— Нельзя сказать, что все случилось только по его вине.

И вообще не бывает такого, чтобы вся вина лежала на одном человеке.

Просто *руки его не послушались*.

— Боитесь, что он причинит кому-нибудь вред? А вас он когда-нибудь атаковал?

— Нет. Никогда. Разумеется, нет.

Он знал, что я лгу.

— Я не врач. И даже врачи не смогут дать вам достоверное заключение без официальной консультации. Сами понимаете.

— Ни один врач не сможет поставить диагноз моему сыну лучше, чем я. Мне просто нужно какое-нибудь немедикаментозное лечение, которое успокоит его и сбросит директора школы с моей шеи.

Карриер встрепенулся, как в тот раз, когда смотрел на результаты сканирования мозга моей жены. Откинулся на пластиковую спинку стула.

— Если вы ищете немедикаментозную терапию, мы могли бы включить его в одно из наших исследований. Мы проверяем эффективность ДекНефа в качестве инструмента поведенческого вмешательства. Испытуемый в возрасте вашего сына мог бы стать ценным источником данных. Он даже заработает немного денег на карманные расходы.

И я скажу доктору Липман, что мой сын зачислен в программу модификации поведения в Висконсинском университете.

— Не будет проблем из-за того, что он такой юный?

— Это неинвазивный процесс. Мы научим его обращать внимание на собственные чувства и контролировать их — поведенческая терапия делает то же самое, только у нас мгновенный и зримый оценочный материал. Университетская комиссия по надзору одобряла проекты намного более рискованные, чем наш.

Мы вернулись в его кабинет. Деревья стояли голые, снежные кристаллы парили в воздухе. Запах предвещал, что конец года наступит раньше положенного. Мимо нас неторопливо прошли старшекурсники, все еще в шортах.

Карриер объяснил, как много изменилось с тех пор, как мы с Али вызвались стать объектами исследования. ДекНеф повзрослел. Исследуемые и контрольные когорты в университетах нашей страны и по всей Азии изучали клинический потенциал этой методики. ДекНеф демонстрировал многообещающие результаты в лечении хронического болевого синдрома и ОКР. Обратная связь через коннективность оказалась полезной в терапии депрессии, шизофрении и даже аутизма.

— Высокоэффективный стажер — тот, кто хорошо реагирует на обратную связь, — может получить улучшение состояния на несколько недель.

Он разъяснил подробности. ИИ, контролирующий сканирование, должен был сравнить паттерны коннективности в мозге Робина — его «спонтанную мозговую активность» — с предварительно записанным шаблоном.

— Затем мы будем воздействовать на эту спонтанную активность с помощью визуальных и слуховых сигналов. Начнем с применения композитных паттернов людей, которые достигли высокого уровня самоконтроля за годы медитации. Затем ИИ будет натаскивать его с помощью обратной связи — сообщать, когда он близок к шаблону, а когда далек.

— Как долго длится обучение?

— Иногда мы видим значительное улучшение всего после нескольких сеансов.

— А риски?

— Я бы сказал, ниже, чем в школьной столовой.

Я подавил вспышку гнева. Но он заметил.

— Тео. Простите меня. Стоило придержать язык. Нейронная обратная связь — это вспомогательная процедура. С его мозгом произойдет лишь то, что он научится делать сам, путем размышлений, сосредоточенности и повторения.

— Похоже на чтение. Или школьный урок.

— Верно. Только быстрее и эффективнее. Наверное, даже веселее.

При слове «веселее» на лице профессора появилось странное выражение, и чутье подсказало мне: он вспоминает Алиссу. Они вдвоем провели много времени вдали от цивилизации: сидели неподвижно, рядышком, и просто смотрели на птиц.

«*Их не всегда узнаешь по особым приметам*, — объясняла Али до того, как скука заставила меня отказаться от наблюдения за птицами. — *Их узнаешь по форме, размеру и ощущениям. Их чувствуешь. И, как говорится, ловишь кайф*».

— Марти, спасибо. Вы бросили мне спасательный круг.

Он отмахнулся.

— Давайте сперва посмотрим на результаты.

Мы расстались у двери кабинета. Когда я протянул руку, профессор обнял меня — неуклюже, боком. На стене позади него висел плакат с изображением лесистого пляжа и словами «Поверхность земли мягка и легко принимает отпечатки человеческих ног; так обстоит и с путями, которыми движется человеческий ум»[8].

---

[8] Сноски: 8

Генри Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» (перевод З. Е. Александровой).

Я доверил травмированного сына карьеристу-нейропсихологу, любителю наблюдать за птицами, который все еще питал теплые чувства к моей покойной жене и украсил свой офис дрянными плакатами с цитатами Торо.

— *То есть как в видеоигре?*

Мой сын любил игры, но они также пугали его. Стрелялки с быстрым подергиванием картинки на мониторе или бодрые сайд-скроллеры, где нужно было прыгать в нужный момент, сводили его с ума. Он хватался за них с рвением, а затем в ярости отступал, разбитый в пух и прах. Игры наглядно иллюстрировали иерархичность и конкуренцию, которые правили бал в королевстве его сверстников. Когда виртуальные гонки вынудили его швырнуть мой планшет через всю комнату и я запретил ему играть в эту игру снова, он как будто почувствовал облегчение. Но свою ферму обожал. Он мог весь день напролет нажимать на поля, чтобы получить пшеницу, нажимать на мельницу, чтобы смолоть муку, нажимать на духовку, чтобы испечь хлеб.

— Да, — сказал я. — Немного похоже на игру. Ты попытаешься переместить точку по экрану или заставить музыкальную ноту звучать тише или громче, выше или ниже. Потренируешься, и

станет легче.

— И все это — мозгом? Это безумно интересно, папа.

— Ага. Просто с ума сойти.

– Погоди. Это на что-то похоже. Какая-то мысль вертится в голове. — Он взмахнул одной рукой, а другой потер подбородок, предупреждая меня: «Дай подумать». Потом щелкнул пальцами. *— Один из твоих миров! Та планета, где жители могут подключаться друг к другу через мозг.*

— Это не совсем так.

— Как думаешь, этот сканер мог бы научить меня лучше рисовать?

Вероятно, однажды Карриер до такого додумается.

— Ты прекрасно рисуешь. Они могли бы использовать твой мозг, чтобы научить других людей рисовать как следует.

Робин просиял и побежал за своим портфолио, чтобы показать мне новый шедевр — пресноводную мидию lemiox rimosus. У него в коллекции уже были птицы, рыбы и грибы, и он работал над улитками и двустворчатыми моллюсками.

— Нам понадобится большой стол на рынке, папа.

Я держал рисунок обеими руками и думал: ну разве какая-нибудь терапия может соперничать с этим? Но потом мой мальчик виновато опустил глаза и разгладил лист. Я увидел заломы, оставшиеся от яростной попытки его помять. Робин провел пальцами по бумаге — в жесте чувствовалось раскаяние.

— *Хотел бы я увидеть хоть кого-то из тех, кого рисую. Я хочу сказать, по-настоящему.*

Я вручил листовки Карриера доктору Липман вместе с тремя статьями, рекламирующими терапевтический потенциал исследования. Она осталась довольна. Робин был взволнован от перспективы рисовать мозгом, как будто пальцами, и мы прожили две изумительно спокойные недели. На протяжении этого времени я вернулся к своим забытым обязанностям и устранил катастрофу в папке с входящими электронными письмами.

На День благодарения мы поехали к родителям Али, которые жили на Западной стороне Чикаго. Послевоенный, тесный тюдоровский особняк по-прежнему был скороваркой, где томились кузены и кузины, питающиеся глюкозой, круглосуточно работал спортивный канал с матчами, которые никто не смотрел, и все ссорились из-за полити-

ки. Половина большой семьи Али поддержала кандидата от оппозиции, который готовился к праймериз. Другая половина сохранила верность нашему строптивому президенту, желающему вернуться в мир полувековой давности. К полудню четверга новый указ Белого дома, требующий, чтобы все жители страны всегда имели при себе документы, подтверждающие гражданство или визы, заставил кровных родственников Робина атаковать друг друга, засев в окопах по разные стороны незыблемой линии фронта.

Его бабушка произнесла обеденную молитву в честь праздника. Весь стол сказал «аминь» и начал передавать еду в четырех разных направлениях.

– *Никто не слушает эту молитву, вы же знаете,* — проговорил Робби. — *Мы находимся на скале посреди космоса, и существуют сотни миллиардов скал, которые ничем не отличаются от нашей.*

Адель пришла в ужас. Она уставилась на меня, разинув рот.

— Разве так можно воспитывать ребенка? Что бы сказала его мать?

Я не стал говорить ей, что сказала бы ее дочь. Робин выступил вместо меня.

— *Моя мать умерла. И Бог ей не помог.*

Препирательства стихли, над столом повисла мертвая тишина. Все смотрели на меня и ждали, что я сделаю сыну выговор. Адель обрушилась на него, не успел я даже рот открыть.

— Вам следует передо мной извиниться, юноша.

Она повернулась ко мне. Я — к Робину.

– *Прости, бабушка…* — сказал мой сын. И весь стол вернулся к препирательствам. Только любимая тетя и я, сидевшие по обе стороны от Робина, слышали, как он пробормотал себе под нос, словно Галилей: — *…но ты ошибаешься.*

На протяжении всей трапезы Робин уплетал бобы, клюкву и картофель без подливы (что было равнозначно объявлению войны). Его дедушка Клифф продолжал досаждать ему, сидя напротив.

— Съешь немного индейки, малыш. Сегодня же День благодарения!

Когда Робин наконец взорвался, это была геологическая катастрофа. Он начал кричать:

— *Я не ем животных. Я не ем животных! Не заставляй меня есть животных!*

Пришлось вывести его на улицу. Мы обошли квартал три раза. Он все время повторял:

— Поехали домой, папа. Давай просто поедем домой. Там легче быть благодарным.

Мы вернулись в Мадисон и закончили отпуск вдвоем. Робин начал лечение в следующий понедельник днем. Он скользнул в ту же самую трубу МРТ, в которой когда-то исчезла его мать. Техники попросили его не двигаться, закрыть глаза и ничего не говорить. Но когда они сыграли ему Лунную сонату, мой сын засмеялся и крикнул:

— Я знаю эту мелодию!

— Смотри на точку в середине экрана.

Малыш Робин лежал в томографе, уставившись на изображение на мониторе в верхней части трубы. Специальные накладки удерживали его голову. Мартин Карриер сидел за пультом в аппаратной. Я сел рядом с профессором. Он через наушники объяснял Робину, что надо делать.

— Теперь пусть точка переместится вправо.

Мой сын заерзал. Ему хотелось кликнуть мышкой или протянуть руку и провести пальцем по экрану.

— Как?

— Напоминаю, Робби: никаких разговоров. Просто расслабься и не шевелись. Когда будешь в нужном настроении, точка сама поймет это и начнет двигаться. Просто настройся на нее и

позволь ей путешествовать в свое удовольствие. Старайся держать ее посередине. Не позволяй зайти слишком далеко вверх или вниз.

Робин замер. Мы наблюдали за его результатами на мониторе в аппаратной. Точка дергалась туда-сюда, как клоп-водомерка на поверхности пруда.

— Если не вдаваться в подробности, он сейчас отрабатывает осознанность, — в очередной раз объяснил Карриер. — Это похоже на медитацию с быстрыми и мощными стимулами, которые подталкивают его к желаемому эмоциональному состоянию. Чем лучше он поймет, как войти в такое состояние, тем проще достичь результата. Если тренироваться достаточно часто, сможем убрать страховку. Он все сделает сам.

Я наблюдал, как мой мальчик играет с собственными мыслями то ли в жмурки, то ли во что-то еще: холодно, холодно, теплее…

Карриер ткнул пальцем в экран, когда точка дернулась в направлении верхнего левого квадранта.

— Видите? Он расстроен. Начинает злиться. И, возможно, слегка грустит.

Я указал на центр правой части поля — то место, куда пытался добраться Робин.

— Что это означает?

Карриер бросил на меня тот самый игривый взгляд, вызывающий раздражение.

— Первый шаг к Просветлению.

Прошло полминуты. Потом еще минута. Точка успокоилась и поплыла обратно к центру экрана.

— Осваивается, — прошептал Марти. — С ним все будет в порядке.

От этого я испытал новую, необыкновенную разновидность волнения.

Я никогда не знал, что происходило в голове моего сына в тот или иной момент. Дни, когда он меня не удивлял, случались редко. Про его родную планету я знаю меньше, чем про Глизе 667 Cc. Зато одно мне известно точно: если Робин настроился на определенную волну, мало что способно его отвлечь. Точка начала описывать медленные, осторожные круги. Потом поползла вправо, явно сопротивляясь приказам. В движении этого жирного строптивого пятна было что-то от мушки в глазу, которая ускользает, когда пытаешься на нее посмотреть. Точка ползла, откатывалась назад и снова ползла, как машина, которую выталкивали из снежной ловушки.

Перспектива победы взволновала Робина. Пря-

мо на финишной прямой он рассмеялся, и точка мгновенно переместилась в нижний левый квадрант.

– *Блин…* — прошептал он внутри трубы.

Точка бешено заметалась по экрану. Раскаяние наступило тотчас же.

— *Извини, что ругаюсь, папа. Я буду мыть посуду целую неделю.*

Мы с Мартином рассмеялись, техники тоже. Всем потребовалась минута, чтобы прийти в себя и продолжить сеанс. Однако Робин понял, в чем фокус: после еще нескольких провалов — всякий раз он приходил в себя быстрее — мой сын и его точка достигли общей цели.

Техник по имени Джинни отрегулировала положение Робина в сканере.

— Ух, надо же, — сказала она ему. — Ты у нас самородок.

Карриер что-то изменил в настройках программы и начал новый сеанс.

— На этот раз расширь точку — пусть станет такой же большой, как тень на заднем плане. И удержи ее в таком виде.

Новая точка находилась в центре экрана. Позади нее виднелся бледный диск — цель, которую назначил Карриер. Точка судорожно сжималась

и расширялась в унисон с активностью в какой-то другой части головы Робина.

— Сейчас мы тренируем сосредоточенность, — объяснил Карриер.

Точка начала качаться, как синусоида осциллографа или прыгающие индикаторы уровня громкости на старой стереосистеме. Робби впал в транс. Колебания точки замедлились. Она постепенно выросла от десятицентовика до полудоллара. Он довел ее до размеров целевой зоны, и увеличение продолжилось. Робби расстроился, точка превратилась в ничто. Он начал заново, вынуждая ее расти лишь благодаря неустойчивой силе своего настроения.

Каждый раз, когда точка совпадала с размером шаблона, она становилась темно-розовой. Когда точка заполняла фоновую тень достаточно долго, чтобы засветиться, сканер издавал короткий победный звон, и все начиналось заново.

— А теперь посмотрим, получится ли у тебя сделать так, чтобы она позеленела.

Новый виток обратной связи с новыми параметрами воздействия. Я думал, Робин взбунтуется. Он провел в сканере почти час. Вместо этого мой мальчик захихикал от удовольствия и опять погрузился в транс. Довольно скоро он научился

перекрашивать точку во все цвета радуги. Карриер улыбнулся своей кривой, сухой улыбкой.

— Давай соберем все воедино. Как насчет зеленой точки размером с фоновую тень, расположенной в центре правой части экрана? И удержи ее там так долго, как сможешь.

Робби справился с последним заданием достаточно быстро, чтобы произвести на всех впечатление. Джинни выпустила его из сканера, он был сам не свой от успеха. Вбежал в аппаратную, взмахнув ладонью над головой, чтобы я дал пять. На его лице было то самое выражение, которое появлялось, когда я вечером создавал для него планету: в Млечном Пути он чувствовал себя как дома.

— *Это самая крутая вещь в мире! Папа, ты должен попробовать.*

— Да уж.

— *Это как научиться читать мысли точки. Понять, о чем она просит тебя подумать.*

Мы запланировали новый сеанс на следующую неделю. Я подождал, пока мы не покинем здание, прежде чем расспросить сына. Карриеру хватало результатов сканирования, совокупности данных и выводов ИИ. Я же хотел услышать, что скажет сам Робин. И желательно без свидетелей.

— Скажи, что ты чувствовал?

Я бы мог вручить ему картинку с колесом Плутчика — пусть покажет нужный сектор.

Все еще ликуя, Робби ткнулся головой мне в ребра.

— Мне было странно. И славно. Как будто я мог научиться чему угодно.

У меня по спине побежали мурашки.

— Как ты заставил точку делать все эти вещи?

Он перестал бодаться, изображая козлика, и стал серьезным.

— Я притворился, что рисую ее. Нет, постой. Я притворился, что она рисует меня.

В лаборатории захотели, чтобы на втором сеансе Робин присутствовал один. Карриер опасался, что я его отвлекаю. В рамках болезненного обучения с обратной связью, имя которому «родительство», я передал своего сына под опеку чужаков.

Когда я его забирал, сразу стало ясно, что все прошло хорошо. Карриер выглядел довольным, хотя карты не раскрывал. Робин был готов воспарить, но без обычной мании. Им овладел странный новый трепет.

— На этот раз мне дали музыку. Папа, это просто очуметь как интересно! Я мог повышать

и понижать тональность, убыстрять и замедлять мелодию, и менять кларнет на скрипку просто силой мысли!

Я посмотрел на Карриера, приподняв бровь. От его доброй улыбки меня замутило.

— Он отлично справился с музыкальным фидбеком — верно, Робин? Посредством тренировок мы формируем связи между соответствующими областями его мозга. Его нейроны действуют в унисон, как музыканты в оркестре.

Робби позволил чужаку пощекотать себя в самой чувствительной части ребер, что было просто поразительно.

— Обычай может смыть чекан природы,[9] — проговорил Карриер.

– *В смысле?* — спросил Робин. — *Это стихи?*

— Какой необыкновенный мальчик, — сказал Карриер и записал нас на третий визит.

Мы с Робином направились от здания, выделенного для нейронауки, к парковке. Он держал меня за руку, не переставая болтать. Он не цеплялся за меня на публике с восьми лет. Декодированный нейрофидбек преображал его не хуже риталина. Впрочем, все на этой Земле его меняло. Каждое

---

[9] Сноски: 9

«Гамлет», акт III, сцена 4 (*перевод М. Л. Лозинского*).

агрессивное слово, услышанное от друга за обедом, каждый клик в виртуальной ферме, каждый исчезающий вид, который он рисовал, каждая минута любого ролика в Сети, и все истории, которые он читал на ночь и которые рассказывал я: «Робина» не существовало, всякий отдельно взятый пилигрим в этом караване самостей не походил на другого. Калейдоскопический парад, протянувшийся во времени и пространстве, представлял собой незаконченный шедевр.

Робин потянул меня за руку.

— Как ты думаешь, кто этот парень?

— Какой парень?

— *Тот, чей мозг я копирую.*

— Это не один человек. Это усредненный образец паттернов нескольких людей.

Он хлопнул меня по руке снизу, как будто подбрасывал мяч в воздух. Вздернув подбородок, попрыгал несколько ярдов, как делал, когда был меньше. Потом дождался, пока я догоню его. Мой сын выглядел счастливым, и от этого я покрылся гусиной кожей.

— Почему ты спрашиваешь, Робби?

— У меня такое чувство, что они приходят ко мне домой потусоваться. Как будто мы занимаемся всякими-разными вещами — и это происходит

в моей голове.

Я пишу эти слова нынче вечером, а над задним двором порхает светлячок. Его свет подчиняется тем же законам, что и свет, излученный взорвавшейся звездой на расстоянии миллиарда световых лет. Место не имеет значения. Как и время. Один набор фиксированных правил руководит игрой повсюду и всегда. Такова самая важная истина, которую мы, земляне, открыли за тот недолгий срок, что нам отпущен.

Так или иначе, Вселенная огромна, что я и попытался объяснить сыну.

— Ты даже не в силах представить себе, насколько она большая. Подумай о самом невероятном мире…

— *Планета из железа?*

— Есть такая.

— *Чистый алмаз?*

— Они тоже существуют.

— *Планета, где океаны имеют глубину в сотни миль? Планета с четырьмя солнцами?*

— Да и еще раз да. И если бы мы могли прочесать каждый уголок отсюда и до края Вселенной, нашли бы места еще причудливее.

— *Ну ладно. Я придумаю идеальную планету. Она такая одна на миллион.*

— С пропорцией «одна на миллион» таких планет только в Млечном Пути примерно десять миллионов.

Жизнь как будто наладилась, и не только потому, что я выискивал признаки улучшения. Его школьные оценки в декабре лишь чуть-чуть не дотянули до лучшего результата за все время учебы. Его учительница, Кайла Бишоп, приписала в нижней части ведомости: «Креативность Робина растет вместе с его самоконтролем». Днем он выходил из автобуса, напевая. Однажды в субботу даже отправился кататься на санках с группой соседских детей, которых едва знал. Я не мог вспомнить, когда он в последний раз выходил из дома, чтобы провести время с кем-нибудь, кроме меня.

Он пришел домой в пятницу перед зимними каникулами с куском бечевки, прикрепленной скотчем к задней петле ремня. Я пропустил ее сквозь пальцы.

— Это еще что такое?

Робби пожал плечами и поставил свою кружку с имбирно-ореховым молоком в микроволновую печь.

— *Мой хвост.*

— Вам что, уже дают задания по генной инже-

нерии на занятиях по естественным наукам?

Его улыбка была мягкой, как декабрь, притворяющийся маем.

— *Какие-то пацаны прицепили, чтобы помучить меня. Ну, ты понимаешь. «Любитель зверюшек» и все такое. А я не стал снимать.*

Он отнес свое горячее молоко к столу, где уже несколько недель были разложены его художественные принадлежности, и начал внимательно изучать кандидатов для следующего портрета.

— Ох, Робин. Какие же они идиоты. Кайла знала?

Он снова пожал плечами.

– *Да фигня. Ребята смеялись. Было весело.* — Он поднял голову от своей работы и посмотрел на нечто невидимое на стене позади меня. Его глаза были ясными, а лицо пытливым, таким он выглядел в свои лучшие дни, когда мать была еще жива. — *Как думаешь, на что это похоже? Иметь хвост?*

Потом Робби улыбнулся в ответ собственным мыслям. Рисуя, он тихонько имитировал крики обитателей джунглей. Наверное, представлял себе, как висит вниз головой на ветке дерева и размахивает руками.

– *Мне жаль их, папа. Честно, жаль. Они заперты*

внутри самих себя, верно? Так же, как и остальные. — Он на минуту задумался. — *Кроме меня. У меня есть мои ребята.*

От его тона у меня по спине побежали мурашки.

— Какие еще ребята, Робби?

– *Ты же знаешь.* — Он нахмурился. — *Моя команда. Парни в моей голове.*

На Рождество мы снова поехали к родителям Али в Чикаго. Клифф и Адель приветствовали нас слегка сдержанно. Они еще не простили моего маленького атеиста за устроенную на День благодарения атаку на их основные убеждения. Но Робби прижался ухом к животу каждого из них, и они растаяли от его объятий. Он ко всем родственникам лез с обнимашками, им пришлось терпеть. За несколько минут ему удалось сбить с толку всю семью Али.

Два дня он смирно слушал разговоры про футбол и религию, прихватил в храм ракетку для пинг-понга и собственными глазами видел, как родня реагирует на подарки — портреты исчезающих животных — с разной степенью скрытой насмешки. Он ни разу не вышел из себя. Когда, наконец, появились признаки срыва, до отъезда оставалось совсем мало времени, и я сумел запих-

нуть его в машину и удрать быстрее, чем что-либо омрачило наш первый отпуск без происшествий после смерти Али.

— Как прошло? — спросил я его на обратном пути в Мадисон.

Он пожал плечами.

— Вроде неплохо. Но я понял: с людьми надо обращаться осторожно.

Планета Стазис очень походила на Землю. Мы приземлились и увидели реки и зеленые горы, густые леса и цветущие луга, улиток, червей и летающих жуков, и даже позвоночные выглядели родственниками наших старых знакомых.

– Как такое возможно? — спросил Робин.

Я пересказал ему идеи некоторых современных астрономов: в одном только Млечном Пути таких удачливых планет, как наша, по меньшей мере миллиард. Протяженность Вселенной — девяносто три миллиарда световых лет, и «уникальные» Земли в ней встречаются повсюду, как сорняки.

Но несколько дней на Стазисе показали, что это очень странное место. Ось планеты имела совсем небольшой наклон, из-за чего на каждой широте воцарилось одно раз и навсегда определенное время года. Плотная атмосфера сглаживала колебания температуры. Крупные тектонические

плиты переносили свои континенты с минимальным количеством катастроф. Лишь немногие метеоры проскакивали сквозь скопление массивных близлежащих планет. И поэтому климат на Стазисе оставался устойчивым на протяжении почти всего периода существования этого мира.

Мы приблизились к экватору, пересекая слои планетарного парфе. На каждой широте обитало множество видов с узкой специализацией. Каждый хищник охотился на единственную добычу. У каждого цветка был единственный опылитель. Ни одно живое существо не мигрировало. Многие растения поедали животных. Разнообразие симбиоза растений и животных поражало воображение. Более крупные живые существа вообще не были организмами в строгом смысле слова; они представляли собой коалиции, ассоциации и парламенты.

Мы достигли одного из полюсов. Границы между биомами походили на границы между земельными участками, принадлежащими разным хозяевам. Никакая смена времен года не размывала и не смягчала их. Всего один шаг — и лиственные деревья исчезли, появились хвойные. На Стазисе все живое было устроено так, чтобы решать свои собственные, местечковые

проблемы. Все знали единственную, бесконечно глубокую истину: жизнь возможна только на их широте. В других местах никто не может выжить. Перемещение даже на несколько километров на север или юг, как правило, приводило к летальному исходу.

– *Есть ли тут разум?* — спросил мой сын. — *Хоть в ком-то пробудилось сознание?*

Я сказал ему, что нет. На Стазисе у живых существ не было необходимости запоминать прошлое и предсказывать события, выходящие за рамки привычного. При такой стабильности неоткуда взяться желанию что-то менять, импровизировать, переосмысливать или моделировать.

Он задумался.

— *Значит, проблема в том, благодаря чему возникает разум?*

Я согласился и перечислил: кризисы, перемены и потрясения.

Он проговорил с печалью, в которой сквозило изумление:

— *Тогда мы ни за что не найдем существ умнее нас.*

Техники от общения с Робином просто балдели. Им нравилось его дразнить, и, что поразитель-

но, ему это тоже нравилось. Он наслаждался почти так же сильно, как в те моменты, когда дирижировал собственными маленькими фидбек-симфониями и режиссировал собственные учебные мультфильмы.

— Ты и впрямь уникум, Брейнбой[10], — сказала ему Джинни.

— Да, он весьма высокоэффективный декодер, — согласился Карриер.

Мы вдвоем сидели в кабинете профессора, окруженные игрушками, головоломками, оптическими иллюзиями и жизнеутверждающими плакатами.

— Это потому, что он очень юный? Так дети учат новый язык не напрягаясь.

Марти склонил голову набок.

— Нейропластичность задокументирована на всех этапах жизни. С возрастом привычки мешают нам сильнее, чем уровень врожденных способностей. Нынче принято считать, что «зрелый» и «ленивый» — всего лишь синонимы.

— Тогда что же позволяет ему так хорошо учиться?

---

[10] Сноски: 10

Джинни, будучи фанаткой комиксов, упоминает малоизвестную и не переведенную на русский серию Brain Boy, которую недолго выпускали в 60-х гг. и попытались возродить в 2014 г.

— Прежде всего, он необыкновенный мальчик, иначе вообще не участвовал бы в сеансах. — Карриер взял со стола додекаэдр Рубика и покрутил. Его взгляд стал отсутствующим, и я понял, о ком он мечтал наяву. Профессор заговорил, больше обращаясь к самому себе, чем ко мне. — Али была невероятным знатоком птиц. Мне такие сосредоточенные на деле напарники не попадались ни разу. Она и сама была из ряда вон выходящей женщиной.

От негодования и гнева я резко выпрямился. Но не успел сказать ему, что он подонок, который вообще ничего не знает про мою жену, как дверь открылась, и в кабинет ворвался Робин.

— *Лучшая игра на свете!*

— Брейнбой сегодня и впрямь был в ударе, — сказала Джинни, сжимая его плечи сзади, как тренер, массирующий спину призовому боксеру.

— *Когда все начнут этим заниматься, будет очень круто.*

— Именно так мы и думаем. — Мартин Карриер отложил свою головоломку и поднял обе руки вверх. Робин подбежал к его столу и дал дважды пять.

Я отвез сына домой, чувствуя себя хранителем будущего.

Я замечал перемены каждую неделю. Теперь Робин быстрее веселел и медленнее вспыхивал. Охотнее шутил, когда был в печали. В сумерках полюбил сидеть неподвижно и слушать птиц. Я не понимал, какие качества были присущи ему, а какие — его… команде. С каждым днем маленькие изменения накапливались, становились частью единого целого, как будто мой сын был таким всегда.

Однажды ночью я создал для него планету, где несколько видов разумной жизни обменивались частицами темперамента, памяти, поведенческих особенностей и опыта так же легко, как земные бактерии обмениваются фрагментами генов. Он с улыбкой схватил меня за руку и не дал прибавить побольше деталей.

— *Я знаю, откуда ты это украл!*

— Да ладно? Кто тебе рассказал?

Он приложил к моему черепу растопыренную пятерню и начал чмокать губами. Частицы наших личностей заметались туда-сюда.

— *Если бы все прошли такое же обучение, как я, это было бы здорово. Правда?*

Вместо ответа я положил ладонь ему на череп, как будто желая высосать крупицы его сокровенных эмоций через кончики пальцев,

и сопроводил процесс сообразными звуковыми эффектами. Мы рассмеялись. Прежде чем отправиться в кровать, он похлопал меня по плечу, как будто успокаивая. Жест был противоестественным, взрослым. Неделю назад ему неоткуда было взяться.

— Ну что ты скажешь? — Я старался говорить весело и небрежно. — Мышонок изменился?

Он бросил на меня внимательный взгляд, потом просиял, вспомнив, о чем речь.

— Все тот же мышонок, папа. Просто теперь у меня есть помощники.

— Расскажи, как это работает, Робби.

— Знаешь, бывает такое: общаешься с дурачком и сам начинаешь тупить?

— Знакомое чувство. Очень знакомое.

— А вот если играть в какую-нибудь игру с умным противником, ты и сам начинаешь делать лучшие ходы.

Я попытался вспомнить, говорил ли он такие вещи месяц назад.

— Короче, в этом суть. Ты как будто идешь на игровую площадку, но не один: с тобой трое действительно умных, веселых и сильных ребят.

— У… у них есть имена?

— У кого?

— У ребят.

Робин рассмеялся, как будто ему было меньше лет, чем на самом деле.

— Они на самом деле не люди. Они просто… мои союзники.

— Но… их трое?

Мальчик пожал плечами, замыкаясь, становясь больше похожим на моего сына.

— Трое. Или четверо. Какая разница? Дело не в этом. Просто… они, типа, помогают грести в лодке. Они моя команда.

Я сказал, что он мой самый любимый мышонок. Я сказал, что мать любит его. Я сказал, что он всегда может без утайки поведать мне интересные вещи, которые узнает во время своих лодочных прогулок.

Может быть, я слишком крепко обнял Робина перед тем, как выйти из комнаты. Он отстранился и встряхнул меня за плечи.

– Папа! Да это все полня ерунда. Всего лишь… — Мой мальчик вытянул по два пальца на каждой руке и скрестил их. *— Хэштег «жизненные навыки», верно?*

В ожидании первого весеннего фермерского рынка Робина то и дело трясло от приступов знакомого нетерпения. Ему пришла в голову идея

отнести свои картины в школу, чтобы найти покупателей. Он огорошил меня этим планом, когда уже стоял одной ногой за порогом с почтовым тубусом под мышкой, собираясь сесть на школьный автобус.

— Ох, Робби. Не слишком хорошая идея.

– *Почему?* — Его голос дрогнул, чуть не сорвался. — *Думаешь, они дерьмовые?*

Передышка испортила меня. Я думал, мы в безопасности. Я думал, его команда отвезла нас туда, где можно ничего не страшиться.

— Они слишком хороши. Твои одноклассники не смогут заплатить столько, сколько ты заслуживаешь.

Робби ссутулился.

— *Годится любая мелочь. Тысячи созданий вымирают каждый год. До сих пор я собрал ноль долларов и ноль центов, чтобы попытаться их спасти.*

Мой сын был прав по всем пунктам. Он вскинул тубус и тряхнул им, как копьем, бросая вызов. Я кивнул — поднял и опустил подбородок на полдюйма, — и Робби вышел из дома.

Утро выдалось беспокойное. К половине второго я так сам себя накрутил, что позвонил в школу и попросил передать Робину, что заберу

его в конце дня. Я ждал на парковке, репетируя беспечный вид и готовясь к худшему, когда он сел в машину.

— Как все прошло?

Робби поднял тубус, как будто хотел показать, что в нем по-прежнему лежат свернутые рисунки.

— *По-прежнему ноль долларов и ноль центов.*

— Digame.[11]

Но целую милю он молчал и отбивал тубусом по приборной панели медленный ритм. Пришлось тронуть его за плечо, чтобы он прекратил. Робби дышал так, словно был на аппарате ИВЛ.

— *Они подумали, что я просто чудик. Они меня обзывали. Сказали, я доктор Стрендж. Понятно, да? Потом начали говорить про рисунки всякие вещи.*

— Какие именно вещи?

— *Джозетт Ваккаро могла бы купить один, если бы там больше никого не было. В конце концов я сказал, что отдам любые рисунки, какие захотят забрать, и пусть платят сколько угодно. Джейден сказал, что даст мне четвертак за амурского леопарда. Поэтому я продал его ему.*

---

[11] Сноски: 11
Расскажи мне (*исп.*).

— Ох, Робби.

— Итану Уэлду это показалось забавным, он предложил пять центов за восточную гориллу. Сказал — пусть рисунок напоминает обо мне, когда я вымру. Другие дети начали давать мелочь, и я подумал: лучше, чем ничего, верно? По крайней мере, я смогу что-нибудь зачислить на счет. Потом Кайла заставила меня вернуть все деньги и забрать рисунки обратно.

Я все еще не привык к тому, что ученики называют своих учителей по именам.

— Она пыталась спасти тебя.

— Она сделала мне выговор. Сказала, что продавать вещи на территории школы против правил, и я должен был прочитать это в уставе. Я спросил, знает ли она, что половина крупных видов животных на планете исчезнет к тому времени, когда мы достигнем ее возраста. Она сказала — мы изучаем обществознание, а не биологию, и не огрызайся, иначе получишь еще один выговор.

Я сосредоточился на том, чтобы вести машину. Навряд ли я смог бы сказать что-то полезное. Как же меня достало все человечество. Мы свернули на нашу подъездную дорожку. Робби положил руку мне на плечо.

— С нами что-то не так, папа.

И опять он был прав. Что-то не так с нами двумя. И со всеми семью целыми и двумя третями миллиарда. Чтобы хоть кого-то спасти, потребуется нечто более быстрое, сильное и эффективное, чем ДекНеф.

В начале марта президент сослался на закон о чрезвычайном положении 1976 года, чтобы арестовать журналистку. Она публиковала сообщения от источника из Белого дома и отказалась раскрыть его имя. Поэтому президент поручил министерству юстиции приказать министерству финансов обнародовать любые отчеты о подозрительной деятельности этой женщины. Основываясь на этих отчетах и на том, что президент назвал «достоверным опытом иностранных держав», он велел военным ее арестовать.

СМИ вопили как умалишенные. По крайней мере, половина из них. Три главных кандидата от оппозиции на выборах следующей осенью сказали такие вещи, которые президент осудил как «пособничество врагам Америки». Лидер меньшинства в Сенате назвал случившееся самым серьезным конституционным кризисом нынешнего поколения. Впрочем, конституционные кризисы стали обычным явлением.

Все ждали, когда Конгресс сделает свой ход.

Но тот не шевелился. Сенаторы из президентской партии — старики, вооруженные опросами общественного мнения, — настаивали, что никакие законы не нарушены. Они насмехались над самой мыслью о том, что пострадала Первая поправка. Ожесточенные столкновения прокатились по Сиэтлу, Бостону и Окленду. Однако широкая публика, включая меня, в очередной раз продемонстрировала, насколько хорошо человеческий мозг привыкает ко всему.

Все случилось средь бела дня, и перед лицом такого бесстыдства возмущение было бессильно. Через два дня на смену кризису пришла другая разновидность безумия. И все же в течение двух дней я не мог оторваться от новостей. По вечерам сидел и прокручивал ленты с ужасными сообщениями, в то время как Робби рисовал исчезающие виды за обеденным столом.

Иногда я беспокоился, что декодированный нейрофидбек сделал сына слишком спокойным. Для любого мальчишки его возраста такая целеустремленность казалась противоестественной. Но в тот момент, ненасытно поглощая новости о ЧП национального масштаба, я не мог его осуждать.

Как-то вечером новостной канал, которому я

меньше всего доверял, переключился с затухающего конституционного кризиса на интервью с самым знаменитым четырнадцатилетним подростком в мире. Активистка Инга Алдер запустила новую кампанию, отправившись в Брюссель на велосипеде из своего дома под Цюрихом. По пути она набирала армию юных велосипедистов: дети присоединялись к ней, чтобы пристыдить Совет Европейского союза, который так и не добился обещанного сокращения выбросов.

Журналист спросил ее, сколько велосипедистов присоединилось к каравану. Мисс Алдер нахмурилась, безуспешно подыскивая точный ответ.

— Число меняется каждый день. Сегодня нас более десяти тысяч.

— Разве они не учатся в школе? — спросил журналист. — Не ходят на уроки?

Девочка с овальным лицом и тугими косичками фыркнула. Она не выглядела на четырнадцать лет. Я бы не дал ей и одиннадцати. Но она говорила по-английски лучше, чем большинство одноклассников Робина.

— Мой дом вот-вот сгорит дотла. Хотите, чтобы я подождала, пока прозвенит школьный звонок, прежде чем помчаться тушить его?

Журналист продолжал:

— Кстати, о школе: что бы вы ответили американскому президенту, который считает, что вам надо изучить экономику, прежде чем указывать мировым лидерам, что им делать?

— Разве экономика учит гадить в своем гнезде и выбрасывать из него яйца?

Мой бледный, странный сын вышел из столовой и встал рядом со мной.

— *Кто это?*

Он был заворожен.

— Как думаете, — спросил интервьюер, — есть ли хоть какой-то шанс, что этот протест увенчается успехом?

— *Она такая же, как я, папа.*

У меня начала зудеть кожа на голове. Я вспомнил, почему Инга Алдер выглядит такой неземной. Однажды она назвала свой аутизм особым ресурсом — «мой микроскоп, телескоп и лазер, вместе взятые». Она страдала от глубокой депрессии и даже пыталась покончить с собой. Затем обрела цель: спасение нашей живой планеты.

Инга приподняла бровь, глядя на сбитого с толку журналиста.

— Я знаю наши шансы на провал, если мы ничего не предпримем.

— *Вот это я и хотел сказать! Точно!*

Робин вздрогнул так сильно, что я протянул руку, желая успокоить его. Он отстранился. Ему не нужно было спокойствие. Не знаю, почему я испытал такую сильную боль и полнейшую опустошенность, сидя в трех футах от сына в тот момент, когда он впервые влюбился.

Теперь он просил показывать записи с Ингой Алдер, как раньше — с мамой. Мы смотрели, как девушка марширует и несет знамена. Следили за ее постами. Просмотрели документальные фильмы, в которых она заставляла честные банальности звучать как поразительные откровения. Видели, как она взяла штурмом маленький городок на холмах Тосканы, где собралась Большая семерка. Слушали, как она рассказывала собравшимся в ООН, какими они войдут в историю — если будет, куда входить.

Робин влюбился со всем пылом, на какой способен девятилетний ребенок, увлеченный женщиной постарше. Такая любовь встречается редко — она, по сути, чистая благодарность, не омраченная страстью или похотью. Инга Алдер без малейших затруднений вложила в натренированный обратной связью разум моего сына истину, которую я сам так и не постиг до конца: мир — эксперимент по изобретению непре-

ложных истин, и убеждение — единственное доказательство, необходимое в этом эксперименте.

В конце апреля заработал первый фермерский рынок под открытым небом. Мы пришли на просторную площадь напротив Капитолия. Казалось, мама Робина идет с нами, только по другую сторону дороги. Киосков было мало, выбор товаров оказался невелик. Но там продавали козий сыр с корочкой лимонного цвета, поздние осенние яблоки и картофель. А еще морковь, листовую капусту, шпинат и зеленый чеснок, поэтому люди радовались, что земля снова ожила. Амиши предлагали пирожные и печенье на любой вкус, а фургончики с едой — кухню всех континентов. Мандолина и саксофон выступали дуэтом. На рынке продавали керамику ручной работы и украшения из металлолома; корыта из поваленных ветром дубов; рюмки с узором под мрамор и ручные пилы, покрытые эмалью с местными пейзажами. И еще — густой плющ, настурции и хлорофитумы. На внешнем краю этой Солнечной системы собрались сборщики пожертвований, сотрудники общественного радио и чиновники. Там же стоял арендованный ларек, в котором покупатели могли выбрать любой из ста тридцати

шести умопомрачительных рисунков тушью и акварелью, изображающих создания, от которых вот-вот останутся одни воспоминания.

На пять часов Робин превратился в другого человека. Вероятно, триллионы долларов, которые ежегодно вкладывают в рекламу, принесли свои плоды: дети привыкли желать разные вещи, даже если не нуждаются в них. Каждый девятилетний землянин давным-давно научился заключать сделки. Однако я понятия не имел, насколько мой сын в этом деле хорош, до чего хитроумен. На протяжении субботнего дня он выдавал себя за уроженца этой планеты.

Он заново изобрел все уловки мошенников, описанные в руководстве коммивояжера.

— Какая цена, по-вашему, будет справедливой? Я трудился столько часов! Золотоголовый сифака подходит к вашим глазам. Никому не нужен толстогубый карпозубик; ума не приложу почему.

Он приставал к седовласым дамам, если те приближались на двадцать ярдов.

— Не желаете ли помочь сохранить жизнь прекрасному созданию, мэм? Это лучшая цель, на которую вы можете потратить несколько долларов.

Люди покупали, потому что он заставлял их смеяться. Кому-то понравилась его торговая стратегия, а кто-то захотел вознаградить начинающего предпринимателя. Кто-то пожалел его, кто-то испытал угрызения совести. Может быть, кому-то из ста покупателей его работа и впрямь понравилась до такой степени, чтобы повесить на стену. Но большинство прохожих, которые останавливались и что-нибудь покупали, просто покровительствовали ребенку, который потратил месяцы на создание малоценных вещей и вложил в них множество неуместных надежд.

За шесть часов он заработал девятьсот восемьдесят восемь долларов. Парень, который сдал нам в аренду ларек, купил игуану с черной грудью и шипастым хвостом — не самая удачная работа Робина — за двенадцать баксов, чтобы общая сумма превратилась в круглую тысячу. Робин был сам не свой. Месяцы целеустремленной работы привели к триумфу. Любая сумма с таким количеством нулей была неотличима от целого состояния. Ее можно пустить на благое дело!

— Папа, папа, папа! Мы можем отправить деньги сегодня вечером?

Он работал слишком долго, чтобы я мог спорить с этим стремлением к финишу. Мы отнесли

деньги в банк. Я выписал чек, чтобы отправить пожертвование в природоохранную организацию, которую Робби выбрал сам после нескольких часов мучительных сомнений. В тот вечер, после вегетарианских гамбургеров и пары видеороликов с Ингой, мы устроились почитать на противоположных концах дивана, то и дело принимаясь воевать ногами за пространство посередине. Мой сын закрыл книгу и уставился на обшитый досками потолок.

— *Мне так хорошо, папа. Кажется, я мог бы умереть сейчас и быть вполне доволен тем, как все прошло.*

— Не надо.

– *Лады*, — сказал он с интонациями клоуна.

Две недели спустя Робин получил письмо от этих спасателей, занятых некоммерческой деятельностью. Я положил его на столик для газет в прихожей, чтобы сын нашел послание, когда придет домой из школы. Он вскрыл его в сильном волнении, разорвав конверт. В письме выражалась благодарность за содействие. Дальше шли похвальбы тем фактом, что почти семьдесят центов с каждого доллара прямо или косвенно тратились на замедление темпов разрушения среды обитания в десяти разных странах. И под-

сказка: если он хочет пожертвовать еще две тысячи пятьсот долларов, то сейчас самое подходящее время, поскольку встречные фонды и выгодные обменные курсы позволят им достичь своей ежеквартальной цели по сбору средств.

— *Встречные фонды?*

— Это когда крупные благотворители дают доллар за каждый доллар, который пожертвует кто-то другой.

— *У кого-то есть деньги… Но этот кто-то их отдаст только в том случае, если…*

— Это стимул. Как твои сделки «два по цене одного» на фермерском рынке.

— Неправда. — От злых мыслей он наморщил лоб. — *У спонсоров есть деньги, но они никому их не дают? И только семьсот долларов из моего пожертвования пойдут на помощь животным? Виды вымирают, папа. Тысячами!*

Робин кричал на меня, размахивая руками. Я предложил поужинать, но он отказался. Ушел в свою комнату, хлопнул дверью и не вышел, даже чтобы поиграть в любимую настольную игру. Я прислушался, не раздастся ли грохот, но тишина была еще страшнее. Я прокрался наружу и заглянул в его окно. Он лежал в постели и что-то строчил в блокноте. Планы, планы…

Четырнадцать месяцев назад Робин саданул кулаком в дверь спальни и сломал две кости в руке, потому что я случайно выбросил его коллекционную карточку. Теперь, столкнувшись с сокрушительной благодарственной отпиской, он сосредоточился и принялся составлять какой-то секретный список действий. За эту поразительную метаморфозу я должен был поблагодарить Мартина Карриера и его нейронный фидбек. Но в тот момент, стоя на холодном весеннем ветру под кленами, которые осыпали меня красными цветами, я сомневался, что именно «благодарность» — та эмоция на неоднозначном цветовом круге Марти, которая соответствует моим чувствам.

Незадолго до того, как лечь спать, Робин вышел из комнаты и помахал у меня перед носом стопкой рукописных заметок.

— Мы можем получить разрешение на протест?

Перед моим мысленным взором замелькали желтые предупреждающие треугольнички.

— Против чего протестуем?

Он бросил на меня взгляд, полный такого презрения, что я почувствовал себя его никчемным ребенком. Вместо ответа он протянул лист бума-

ги для рисования одиннадцать на семнадцать дюймов, набросок для плаката бóльшего размера. В середине прямоугольника были слова:

ПОМОГИТЕ, Я УМИРАЮ

Вокруг слов кольцом расположился мультяшный бестиарий из растений и животных на грани исчезновения. Всплеск гордости за его мастерство утих под воздействием смятения, которое во мне пробудил лозунг.

— Протестовать будешь… ты один?

— *Хочешь сказать, что это никуда не годится?*

— Нет, не хочу. Но от протестов больше пользы, когда к кому-то присоединяешься.

– *А ты знаешь какие-нибудь протесты, к которым я могу присоединиться?* — Я понурился. Робби коснулся моего запястья. — *Мне нужно с чего-то начать, папа. Может быть, это вдохновит других людей.*

— Где ты собираешься протестовать?

Робин плотно сжал губы, покачал головой. Человек, который смотрел все эти видео с Ингой Алдер вместе с ним — человек, который женился на его матери, — унизил себя таким вопросом.

— *У Капитолия, где же еще.*

— У народа есть право на мирные собрания.

Так сообщил мне сын. Тем не менее мы перечитали разделы муниципального кодекса. Мы узнали, что Конституция — это одно, а местные правоохранительные органы — совсем другое. На уроке по основам гражданских прав и обязанностей этот пример мог бы исчерпывающим образом продемонстрировать, что законный публичный протест никогда не поставит под угрозу статус-кво.

— Ух ты… Я правильно понимаю, власти не идут людям навстречу? А если случится что-то действительно плохое, и куча людей захочет протестовать, например, в ту же ночь?

— Хороший вопрос, Робби.

И он становился все острее с каждым месяцем. Я хотел сказать ему, что демократия все равно продолжает действовать, даже если дела идут плохо. Но у моего сына был пунктик насчет честности.

Робби потратил три дня на свой плакат. Когда закончил, получилась прекрасная вещь, нечто среднее между иллюминированной средневековой рукописью и страницей из «Приключений Тинтина». Палитра была простой, линии четкими, а яркие животные — достаточно большими, чтобы их можно было увидеть издалека. Неп-

лохо для ребенка, который с трудом понимал, о чем думают другие люди. Он также подготовил иллюстрированный раздаточный материал о двадцати трех вымирающих и находящихся на грани полного исчезновения видах, обитающих в штате Висконсин, включая канадскую рысь, серого волка, трубчатого зуйка и голубую бабочку Карнера.

— *Что еще, папа? Что еще?*

— Хочешь добавить небольшое послание для законодателей?

— *В смысле?*

— Надо сказать, каких действий ты от них ждешь.

Озадаченный взгляд сменился страдальческой миной. Если собственный отец был таким слепым и глупым, разве стоит надеяться на остальное человечество?

— *Я просто хочу остановить убийства.*

Я знал, что это рискованно, однако позволил ему оставить лозунг без изменений. «Помогите, я умираю». А вдруг эти слова что-то всколыхнут в душах прохожих? После нескольких месяцев нейронного фидбека эмпатия Робина превосходила мою. Теперь мы с ним вместе попытаемся войти в мир, где его мать чувствовала себя как дома.

— Папа? Когда все там будут?

— Кто «все»?

— Губернатор, сенаторы и члены ассамблеи. Может быть, те люди из Верховного суда? Я хочу, чтобы как можно больше из них увидели меня.

— Наверное, по утрам в будние дни. Но ты больше не можешь пропускать школу.

— Инга больше не ходит в школу. Она говорит, зачем тратить время на то, чтобы учиться жить в будущем, которое не…

— Я знаком с идеями Инги об образовании.

Мы заключили сделку с доктором Липман и его учительницей Кайлой Бишоп. На следующий день после протеста Робину надлежало представить выполненную домашнюю работу и сделать устный доклад о своем опыте в Капитолии.

Он принарядился. Хотел надеть блейзер, в котором был на похоронах матери, но спустя два года проще было бы втиснуть бабочку обратно в куколку. Я настоял на многослойной одежде; в это время года ветер с озера вел себя непредсказуемо. На Робби была оксфордская рубашка, пристегивающийся галстук, брюки со стрелками, вязаный жилет, ветровка и туфли, сияющие после долгой полировки.

— Как я выгляжу?

Он был похож на крошечного бога.

— Внушительно.

— *Я хочу, чтобы меня воспринимали всерьез.*

Я отвез его в центр города, где на узком перешейке между озерами высился Капитолий, словно центр розы ветров. Робин ехал на заднем сиденье, держа на коленях плакат, прикрепленный к основе из пенокартона с ручкой. Мой сын был очень сосредоточен. У Капитолия охранник показал ему, где можно встать: сбоку от ведущей в сенат лестницы южного крыла. Низвержение на периферию ступеней расстроило Робби.

— *Разве я не могу встать у дверей, чтобы люди видели меня по пути внутрь?*

Отказ охранника придал моему сыну мрачный и решительный вид. Мы направились в отведенный закуток. Робин огляделся, удивленный безмятежностью позднего утра. Государственные служащие медленно поднимались по ступенькам. Группа школьников выслушала экскурсовода, прежде чем отправиться в путешествие по коридорам власти. В квартале отсюда, на Мейн-стрит и Кэрролл-стрит, отчаявшиеся пешеходы рыскали по магазинам в поисках кофеина и калорий, обходя массу бездомных всевозможных рас. Мимо нас шли люди, с виду чиновники, но

на самом деле, скорее всего, лоббисты, прижимая к ушам телефоны и внимательно прислушиваясь к голосам, доносящимся из трубки.

Робин растерялся от этого спокойствия.

— *Неужели никто больше не протестует? Жители штата довольны тем, как идут дела?*

Его представления о Капитолии Висконсина были основаны на роликах с участием мамы. Он желал драмы, выяснения отношений и праведных призывов к справедливости от лица неравнодушных граждан. Но вместо этого узрел Америку.

Я встал рядом. Он вспылил. Свободной рукой рассек воздух.

— *Папа! Ты что творишь?*

— Удваиваю численность протестной группы.

— *Ничего подобного! Уходи. Встань вон там.*

Я отошел на тридцать футов вдоль тротуара. Он махнул: дальше!

— *Ступай туда. Достаточно далеко, чтобы никто не подумал, что ты со мной.*

Он был прав. Если бы мы протестовали вдвоем, это выглядело бы как подстава, затеянная взрослым. Но девятилетний ребенок, стоящий на лестнице в одиночестве с табличкой «Помогите, я умираю» мог стать событием, ради которого

кто-то остановится и о чем-то спросит.

Я удалился на расстояние, не вызывающее дискомфорта. Нет нужды в том, чтобы какой-нибудь прохожий из лучших побуждений позвонил в Службу спасения округа Дейн. Удовлетворенный Робин поднял свой разрисованный плакат повыше. Вот так мы двое и увязли в политике планеты Земля.

Я ждал у подножия этой лестницы столько раз, что сбился со счета. Я встречался там с Алиссой после ее выступлений в связи с законопроектами, о которых мало кто в штате когда-либо слышал. Часто она выглядела довольной проделанной работой, временами оказывалась в приподнятом настроении, но никогда не была полностью удовлетворена. Спустившись по ступенькам, обнимала меня, изнемогая от усталости. Стискивала мои ребра и говорила: «*Это только начало*».

В конце концов ее охотничьи угодья расширились, включив в себя еще девять Капитолиев. Она больше путешествовала и меньше лоббировала, обучая других представлять свои заключения по поводу законопроектов. И все-таки пока я наблюдал, как ее сын топчется на ступеньках там, где Алисса так часто боролась с Миром-какой-онесть, меня унесло в прошлое. Вся моя обширная

библиотека научной фантастики твердила, что путешествия во времени не просто возможны, а необходимы.

На нашей свадьбе, в рамках обетов, о которых я ничего не знал, моя будущая жена вручила мне чиабатту.

— Это не символ. И не метафора. Это всего лишь буханка хлеба. Я сделала ее. Я испекла. Это еда. Мы можем съесть ее вместе сегодня вечером. От каждого по способностям, да? Просто будь со мной и в горе, и в радости. Останься со мной, когда ничего не останется. Я тоже останусь с тобой. Еды нам хватит.

Я ничего не понял и ощутил себя полным идиотом. Я ведь и хлеб-то не люблю. Но так вышло не только со мной. После паузы, испытывая такую же неловкость, Али вздохнула и прибавила:

— Ладно. Может, это все-таки метафора.

И все плачущие зрители засмеялись, даже моя мать. Потом была отличная вечеринка.

Али с самого начала предупредила меня, что ей снятся кошмары.

— Мне приходится иметь дело с довольно мрачными вещами, Тео. День за днем. Они проникают в мои сны. Ты точно хочешь спать рядом с женщиной, которая способна завопить, будто у нее

поехала крыша?

Я сказал, если ей понадобится компания посреди ночи, пусть разбудит меня.

— Ой, я тебя разбужу, не вопрос. В этом-то и проблема.

В первый раз я подумал, что она кричит на кого-то, кто входит в комнату. Я вскочил, мое сердце выскакивало из груди. От моих резких движений она проснулась и, не различая как следует реальность и сон, начала рыдать.

— Милая, — уговаривал я. — Все в порядке. Я здесь.

— Ничего не в порядке!

Ее отпор был таким резким, что я едва не отправился спать в другую комнату. В три часа ночи женщина, которую я любил, плакала во мраке, и я хотел заявить ей, как сильно она только что меня ранила… Так уж устроено все на этой планете. Мы живем, подвешенные между любовью и эгоизмом. Может, в других галактиках все по-другому. Но я сомневаюсь.

— Что это было, Али? Скажи мне, и все пройдет.

Мы любим говорить: «Расскажи мне все. Всё». Но всегда с молчаливой оговоркой, что говорить о чем-то воистину ужасном не стоит.

— Я не могу тебе рассказать. И ничего не пройдет.

Ее рыдания стихли, когда она окончательно проснулась. Я попытал счастья снова.

— Что я могу для тебя сделать?

Она продемонстрировала что: заткнуться и обнять. Помощь казалась слишком незначительной, такое мог бы сделать кто угодно. И все же Али заснула в моих объятиях.

Проснулась она рано. К завтраку все выглядело так, будто ночью ничего не произошло. Она перебирала почту и нежилась в лучах солнца, как большое зеленое растение. Я подумал, что Али могла бы рассказать мне сейчас, описать ужас, который заставил ее проснуться с криком. Но она не собиралась этого делать по доброй воле.

— Прошлой ночью ты была на взводе. Плохой сон?

Она вздрогнула.

— Ох, милый. Не спрашивай.

Ее взгляд умолял меня не упорствовать. Она не доверяла мне; я не принадлежал к ее конфессии. Я попытался скрыть эту мысль, но Алисса прочитала меня, как букварь.

— Приснился мой худший кошмар.

Она окинула комнату взглядом: как бы отвлечь

меня, чтобы не вдаваться в подробности?

— В моем худшем кошмаре я заблудился в чужом городе, и тут начинают выть сирены. И я не могу тебя найти.

Алисса взяла меня за руку, ее улыбка дрогнула. Моя жена думала, что я трачу силы впустую, беспокоясь о подобной мелочи — ведь мы жили в эпицентре более масштабной катастрофы.

— Нас считают невротиками, Тео. Кучкой психов.

Меня не включили в это всеми презираемое «мы». Она имела в виду своих духовных братьев и сестер — людей, способных думать и о судьбе других видов.

— Почему людям так трудно осознать, что происходит?

Я привык к тому, что она кричит по ночам, и перестал просыпаться. Со временем Али посвятила меня в свои кошмары. В ее снах живые существа могли говорить, и она их понимала. Они рассказывали ей, что на самом деле происходит на нашей планете — рассказывали о незримых страданиях, масштабы которых превосходили всякие выдумки. Она видела, к чему в итоге привели неумеренные аппетиты человечества.

При свете дня Алисса трудилась до изнеможе-

ния. Я отвозил ее в Капитолий в те дни, когда она защищала какой-нибудь законопроект, и забирал вечером у подножия южной лестницы. Результаты в основном удовлетворяли ее. Но по вечерам, после двух бокалов красного вина и поэтического сеанса со своей спасенной дворняжкой, моя жена могла снова впасть в панику.

— *Что произойдет, когда они исчезнут? Когда останемся только мы? Чем это закончится?*

Я не знал, что сказать. Мы засыпали, прижимаясь друг к другу, утешая друг друга, как могли. И каждые несколько ночей она опять просыпалась с криком.

Алисса сражалась до конца. В этом была ее суть. Однажды днем я наблюдал, как она наносила боевую раскраску перед зеркалом в ванной: румяна, тушь, гель для волос, блеск для губ. Она помогла составить призыв к защите прав нечеловекоподобных созданий, который собиралась продвигать по всему Верхнему Среднему Западу. Иными словами, собиралась воззвать к животному началу законодателей обоих полов в десяти разных штатах.

— *Пленных не брать. Верно, дружище?*

Турне по провинции должно было начаться в тот же вечер на родной территории, в южном

крыле Капитолия Висконсина. Наряжаясь, Алисса напевала.

— Кукушка — прекрасная птица, она поет в полете. И если она кричит «ку-ку», значит, лето не за горами…

Законопроект, который поддерживала моя жена, на десятилетия опередил свое время. У него не было ни малейшего шанса быть принятым, и она это знала. Но Али мыслила в долгосрочной перспективе — до тех пределов, пока еще можно было говорить о перспективе как таковой.

Она вышла из ванной во всем великолепии и застенчиво посмотрела на меня.

— Эй! Ты тот самый парень, который однажды заставил меня заикаться, как в детстве!

Я страстно ее возжелал.

После выступления у нее был запланирован прием, и потому требовалась машина. Расписание оправдывало хлопоты с парковкой в центре города. Я вышел на подъездную дорожку проводить Али. Положив одну руку на дверцу со стороны водителя, она наклонилась вперед и картинно взмахнула другой рукой.

— Итак… Мстители, собирайтесь!

Мы поцеловались, Алисса куснула меня за губу. Потом она уехала в Капитолий. Я не знал, что в

следующий раз, когда мы с женой встретимся на этой планете, мне придется опознавать ее тело.

Пешеходов стало больше, люди начали замечать Робина. Несколько женщин подошли достаточно близко, решив убедиться, что с ним все в порядке. Мужчины проходили мимо. Одна дама с уложенными седыми волосами, одетая в черный пиджак и юбку, чем-то похожая на мать Али, приблизилась к моему сыну с таким видом, словно была готова набрать 911. Я встал, чтобы вмешаться, но Робин сам отговорил ее. Она нырнула в сумочку и достала горсть банкнот, которые попыталась сунуть ему. Он посмотрел на меня умоляюще, но не забыл правила. Разрешение на протест строго запрещало сбор денег.

Ему удалось раздать несколько листовок, в основном сбитым с толку людям, которые не задержались, чтобы прочитать их. Листовкам редко удавалось миновать мусорные баки на углах ландшафтного парка. Я прикинул, что его исследование представительной демократии может продлиться час, а результатом будет очень короткий устный доклад в школе на следующий день. Но благодаря сочетанию благой цели и многочисленных сеансов нейронного фидбека мой мальчик превратился в просветленного

бульдога. Он гнул свою линию, подскакивая к каждому человеку, который очутился посреди этих просторов из бетона и тесаного камня, чтобы протараторить ему одну и ту же фразу.

Я сидел на скамейке без спинки со своим ноутбуком и настраивал симуляцию атмосферы, которая могла бы развиться на суперземле, только что открытой в тридцати световых годах от нас. Я проголодался раньше Робина. Подошел к нему, держа в руках термос с холодным соком и пакет с обедом, который он сам приготовил для нас накануне вечером. Робби проглотил половину сэндвича с хумусом и авокадо, затем приказал мне вернуться на наблюдательный пост. Он тряхнул плакатом, чтобы компенсировать паузу в несколько минут.

После обеда время замедлилось, как в каком-то мысленном эксперименте по теории относительности. Я держал ноутбук на коленях, выйдя в Интернет через телефон, и притворялся, что работаю, одним глазом следя за своим юным активистом.

Мой почтовый ящик готов был лопнуть от нерешенных вопросов и неотложных дел. Китайским аспирантам аннулировали студенческие визы, включая Цзиньцзин, мою помощницу и закоре-

нелую болельщицу «Пэкерс», которая знала об этой стране больше, чем я. Все это были новые сопутствующие жертвы в войне президента на два фронта против иностранных держав и научных элит, которые их поддерживали. Очевидно, Бог создал жизнь только на одной планете, и только одна страна, населенная доминирующим видом, должна была этой планетой управлять. Вечером того же дня кафедра собиралась провести экстренное собрание преподавателей.

Когда я поднял глаза, чтобы проверить, как там дела у Робина, он преградил путь седовласому чернокожему мужчине в накрахмаленном сером костюме. Сын тряс своим нарисованным от руки плакатом, сыпал фактами и цифрами. Мужчина сперва слушал с подозрительным видом, а потом принялся допрашивать Робина.

Я закрыл ноутбук и подошел к ним.

— У вас все в порядке?

Мужчина повернулся, окинул меня оценивающим взглядом.

— Это ваш сын?

— Простите. У вас проблемы с тем, чем он занимается?

— У меня проблема с вами. — Его голос был громким и властным. — Это вы его подговорили?

Почему он не в школе? Вы пытаетесь манипулировать незнакомыми людьми? Что именно вы задумали?

– *Это мой протест!* — встрял Робин. — *Я вам уже говорил. Он не имеет к этому никакого отношения.*

— Вы оставили его здесь без присмотра.

— Ничего подобного. Я сидел вон там.

Мужчина повернулся к Робину.

— Почему ты мне этого не сказал?

— *Мы все сделали по закону. Я просто пытаюсь заставить людей поверить в правду.*

Мужчина снова повернулся ко мне и указал на плакат.

— «Помогите, я умираю». А вам не кажется, что неправильно позволять маленькому ребенку стоять в общественном месте одному, держа…

— Простите. — Я спрятал трясущиеся руки за спину. Не мог вспомнить, когда в последний раз кого-то прерывал. — С какой стати вам взбрело в голову указывать мне, как воспитывать моего ребенка? Кто вы такой?

— Я начальник штаба лидера меньшинства ассамблеи и отец четверых успешных детей. Чему ты учишь этого мальчика, позволяя ему стоять здесь одному, держа в руках *это*? Ты должен по-

знакомить его с действующими организациями. Пусть бы помогал привлекать других детей к их деятельности. Писал письма. Работал над конкретными и полезными проектами. — Чиновник посмотрел мне в глаза и покачал головой. — Мне следовало бы сообщить в полицию о жестоком обращении с ребенком.

Затем он повернулся, поднялся по ступенькам и исчез в здании Капитолия. Мне хотелось крикнуть ему вслед: «В каком это смысле твои дети „успешные“?»

Я посмотрел на Робина. Он мял уголок своего плаката. Его первое поражение на ниве законотворчества вышло сокрушительным, а ведь законопроект даже не был подготовлен…

– *Я же говорил тебе не подходить!* — крикнул он. — *Я бы справился.*

— Робин. Ты здесь уже давно стоишь. Пойдем домой.

Он не поднял глаза. Он даже не покачал головой.

— *Я остаюсь. И я вернусь завтра.*

— Робин. Мне нужно успеть на собрание. Мы уходим прямо сейчас.

Ненависть к себе подобным вспыхнула в глазах моего сына, такая же недвусмысленная, как

слова на плакате. Мозг Робби изо всех сил пытался повышать и понижать тона, перемещать точки, увеличивать и уменьшать их в театре внутри его собственной головы. Он ссутулился и отвернулся. Казалось, он был готов убежать, закричать, разломать свой плакат, ударив им о землю. Когда он заговорил снова, его голос был тихим и растерянным.

— *Как же мама это делала? Каждый день. Столько лет…*

Я так и не смог найти планету Изола. Я много лет прочесывал огромные участки космоса. Мой сын пришел, чтобы составить мне компанию и засвидетельствовать мою растерянность.

— Она должна быть где-то здесь. Все данные говорят об этом.

Робби больше не ценил данные. Мой сын терял веру в другие планеты.

Самое странное было то, что мы могли увидеть ее издалека. Транзитный метод, метод радиальных скоростей и гравитационное микролинзирование — все указывало на точное местоположение Изолы. Мы знали ее массу и радиус. Рассчитали орбиту и движение планеты по ней с очень малой погрешностью. Но когда мы с сыном приблизились на несколько тысяч

километров, Изола пропала. Пространство, где она должна была находиться, оказалось пустым.

Он сжалился над моей явной неспособностью понять очевидное.

— Они прячутся, папа. Существа, обитающие на Изоле, воздействуют на наши умы и маскируются.

— Что? Как?

— Они существуют уже миллиард лет. И кое-чему научились.

Теперь он устал, моя непонятливость его раздражала. Каковы шансы на то, что контакт с каким бы то ни было инопланетным разумом закончится хорошо? Вся человеческая история подсказывала ответ на этот вопрос.

— Вот почему Вселенная молчит, папа. Все прячутся. Умные — точно прячутся.

— Но мы видим реальный прогресс, — настаивал Мартин Карриер. — Вы не можете этого отрицать. Результаты превосходят ожидания.

Мы сидели в отдельной кабинке опустевшего димсамового ресторанчика, который был на грани закрытия из-за кризиса с визами студентов-азиатов. Весь кампус — все академические круги Америки — тряслись от страха. Те иностранные студенты, чьи визы не попали под нож,

старались не высовываться. От многолюдной и космополитичной летней сессии осталась горстка белых людей, которым ничего не угрожало.

Карриер упрямо выставил подбородок, как будто подкрепляя этим свой довод.

— Никто не обещал вам панацею.

Мне захотелось стукнуть по донышку кофейной чашки, когда он поднес ее к лицу.

— Он не хочет выбираться из-под одеяла. Приходится воевать просто ради того, чтобы вынудить его встать и одеться. Он не желает выходить на улицу. Он готов снова лечь спать, как только мы пообедаем. Слава богу, сейчас летние каникулы, иначе его школа опять села бы мне на шею.

— И это длится уже…

— Несколько дней.

Карриер поднес китайский пельмень к губам, держа его палочками, и прожевал. Какой-то комок из смеси глютена и гордости, нерастворимой в кофе, застрял у него в окрестностях кадыка.

— Возможно, пришло время подумать об антидепрессантах в очень низких дозах.

Это слово наполнило меня животной паникой. Он заметил.

— Восемь миллионов детей в стране принимают психоактивные препараты. Они не идеальны,

но могут сработать.

— Если восемь миллионов детей принимают психоактивные препараты, значит, что-то идет не так.

Профессор пожал плечами. Означал ли этот жест уступку или возражение, я не понял. Я искал выход.

— А не могло случиться так, что Робби… даже не знаю… выработал устойчивость к сеансам? И потому эффект стал быстро исчезать?

— Я не в силах вообразить такое. У большинства испытуемых мы наблюдаем стойкое улучшение, которое длится несколько недель после каждого сеанса.

— Почему же в его случае происходит откат?

Карриер поднял взгляд на телевизионный экран, висящий на стене напротив нашего стола. Из-за рекордной жары скопления смертоносных бактерий распространялись по побережью Флориды. Президент говорил журналистам: «Вероятно, это естественный процесс. А может быть и нет. Как гласит народная мудрость…»

— Возможно, его реакция вполне объяснима.

— В смысле? — спросил я. Волосы на моей шее встали дыбом от предчувствия ответа.

Когда Карриер хмурился, это мало отличалось

от его улыбки.

— Клиницисты и теоретики редко сходятся во мнении о том, что считать психическим здоровьем. Например, способность продуктивно функционировать в тяжелых условиях? Или способность адекватно реагировать на обстоятельства? Я бы не назвал постоянную жизнерадостность и оптимизм здоровым эмоциональным ответом на вот это все… — Он кивнул в сторону телеэкрана.

Закралась ужасная мысль: а вдруг месяцы нейронного фидбека заставили Робби страдать? В мире, который рушился от самого фундамента, возрастание эмпатии лишь усиливало мучения. Вопрос был не в том, почему Робин начал деградировать. Вопрос был в том, почему мы, все прочие, сохраняли свой безумный оптимизм.

Карриер взмахнул рукой.

— Его самоконтроль и эмоциональная устойчивость существенно возросли. Он намного лучше справляется с неопределенностью, чем когда впервые пришел к нам. Ладно… Итак, он все еще злится. Он все еще в депрессии. Хотите мое честное мнение, Тео? В такое время, как сейчас, я бы встревожился, если бы его ничто не расстраивало.

Мы закончили есть и поспорили, насколько этично будет, если я оплачу счет. Мартин сопротивлялся, но не слишком энергично. Мы пошли обратно через кампус. Я совершил ошибку, выйдя на улицу без крема для загара. Был всего лишь июнь, но я с трудом мог дышать. Карриеру тоже пришлось несладко. Он поднес к лицу хирургическую маску.

— Простите. Знаю, как нелепо это выглядит. Аллергия замучила.

По крайней мере, мы находились не в Южной Калифорнии, где «красный код» и воздух, наполненный дымом от лесных пожаров, вынуждали миллионы людей неделями сидеть взаперти.

Похоже, предоставленная ДекНефом защита исчерпала себя. Какое-то время она позволяла Робину быть счастливым, а меня избавляла от необходимости накачивать сына лекарствами. Теперь даже Карриер предлагал этот путь. Хватит крошечной катастрофы в школе, чтобы у меня не осталось выбора.

— Он продолжает спрашивать, как Али годами сражалась в безнадежной битве и не сдалась. — Маска надежно скрывала выражение лица Карриера. Я продолжил наугад: — Я задаюсь тем же вопросом. Она часто сердилась. Впадала в де-

прессию. Серьезную депрессию. — Мне не очень хотелось рассказывать ее старому другу — любителю птиц о ее ночных кошмарах. — Но она выдержала.

Улыбка профессора была видна даже под маской.

— Его матери достался первоклассный биохимический баланс между мозгом и телом.

Мы остановились на Юниверсити-авеню возле Дискавери-центра, где наши пути разошлись. Я приготовился к еще одному предложению начать применение детских коктейлей для мозга методом проб и ошибок. Но Карриер снял маску, и на его лице отразилась эмоция, которую я не смог расшифровать.

— Мы могли бы узнать ее секрет. Робин мог бы рассказать нам.

— Черт возьми, вы о чем?

— У меня остались записи Али.

Я ощутил сразу несколько разновидностей гнева, и ни одна из них не была полезной.

— Что?! Вы сохранили наши записи?

— Одну из них.

Я все понял не спрашивая. Он выбросил мои восхищение, скорбь и ее бдительность. Он сохранил ее экстаз.

— Хотите сказать, могли бы обучать Робина по старой модели, основанной на результатах сканирования мозга Али?

Карриер уставился на тротуар с таким видом, будто с неба к его ногам свалилось нечто чудесное.

— Ваш сын мог бы научиться входить в эмоциональное состояние, которое когда-то испытывала его мать. Это может его мотивировать. Он может найти ответ на свой главный вопрос.

Я оказался в центре вертящегося колеса Плутчика. Проблески оранжевого интереса уступили место осколкам зеленого страха. Прошлое становилось таким же непрочным и неоднозначным, как и будущее. Мы же все сочиняли, всю историю человечества, как я сочинял вечерние сказки об инопланетной жизни, которые мой сын еще не перерос.

Я огляделся: на перекрестке длинных пешеходных улочек не было видно ни одного азиатского студента. Тридцать лет чтения и две тысячи научно-фантастических книг не подготовили меня к очевидной истине: не было во Вселенной места более странного, чем Земля.

Известие заставило его подняться с постели. Он уставился на меня, и в его глазах рождался

свет звезд.

— У них есть… мамин мозг?! Она участвовала в эксперименте?

Я ответил сдержанно, как взрослый, но это не имело значения. Он чуть не накинулся на меня.

— Святые сосиски, папа! Почему ты мне раньше не сказал?

Он взял мое лицо в ладони и заставил торжественно поклясться, что я не лгу. Как будто мы вдвоем наткнулись на видеоролик, о существовании которого никто не знал, сдернули покров тайны с записи, сокрытой навеки. На Робби снизошел покой, как будто теперь все будет хорошо при любом раскладе. Он повернул голову, чтобы посмотреть в окно своей спальни на летние дожди. В глазах сына сияла спокойная решимость, готовность ко всему, что мир мог на него обрушить. Он больше не позволит отправить себя в нокаут.

Я мерил шагами фойе лаборатории, ожидая конца первого сеанса. Робин тренировался девяносто минут. Цветные точки, ноты и прочие разновидности обратной связи помогали ему найти и воспроизвести паттерны материнского мозга. Я улыбнулся, изображая спокойствие, которое не ощущал. Робин наверняка понимал, что

я схожу с ума в ожидании известий.

Джинни привела сына из комнаты для занятий. Она положила руку ему на плечо, он тянулся к рукаву ее лабораторного халата. Джинни излучала ту самую непринужденность, которую я имитировал. Она наклонилась к Робину.

— Все круто, Брейнбой? Хочешь посидеть минутку в моем кабинете?

Мой мальчик любил сидеть за столом Джинни и читать ее коллекцию хипстерских комиксов. В обычной ситуации он бы ухватился за это предложение.

– *Все круто*. — Он покачал головой, а потом вспомнил миллионы материнских напоминаний и прибавил: — *Спасибо.*

Полтора часа Робин изучал лимбическую систему Али. Каждый раз, когда сын поднимал или опускал тональность звука или направлял значки к целям на экране, он погружался в экстаз, который много лет назад испытывала Алисса — и который был запечатлен, потому что в один прекрасный день мы решили ради забавы поучаствовать в эксперименте. Внутри собственной головы Робин снова разговаривал с мамой. Я хотел знать, что она ему сказала.

Робби увидел меня с другого конца комнаты.

Его лицо озарили волнение и нерешительность. Я видел, как сильно ему хотелось рассказать мне, где он только что побывал. Но у него не было слов, чтобы описать ту планету.

Он отпустил рукав Джинни и выскользнул из-под ее руки. Сквозь профессиональную маску проглянуло огорчение от того, что мальчик уходит. Робин приблизился ко мне, в его походке было нечто новое. Она стала более раскованной и дерзкой. Когда между нами оставалось футов десять, он покачал головой. Добравшись до меня, схватил за предплечье и прижался ухом к моей груди.

— Все прошло хорошо? — Три слова пришлось выдавливать из себя по слогам, потому что я почти лишился сил.

— *Папа, это была она.*

Я почувствовал, как ноги охватил жар. Запоздало осознал, что мы показали Робину слишком замысловатое чернильное пятно, и его сверхактивное воображение могло истолковать увиденное лишь так, а не иначе.

— Хочешь сказать, все было… по-другому?

Он покачал головой, реагируя не на слова, а на то, как я увиливал от главного вопроса. Мы назначили еще один сеанс на следующую неделю. Я

поболтал с Джинни и парой постдоков. Все вокруг походило на мой классический кошмар: я читаю лекцию перед полным залом и не сразу понимаю, что у меня позеленела кожа. Робин похлопал меня по спине и подтолкнул к коридору; мы вышли из эмоционального инкубатора в мир.

Мы направились к парковке. Я засыпал его вопросами обо всем, кроме того, о чем взрослость не позволяла спрашивать. Робби отвечал односложно, скорее сбитый с толку, чем раздраженный. Только когда я коснулся пропуском парковочного автомата в гараже и ворота распахнулись, он начал говорить по-настоящему.

— *Папа, помнишь ту первую ночь в хижине в горах? Когда мы смотрели в телескоп?*

— Конечно. Очень хорошо помню.

— *Вот что я почувствовал.*

Робби поднял руки перед лицом и развел их в стороны. В его памяти всплыло некое поразительное воспоминание — то ли о тьме, то ли о звездах.

Я свернул на Кампус-драйв и поехал в сторону дома, не сводя глаз с дороги. А потом раздался почти неузнаваемый голос инопланетянина на переднем сиденье:

— *Ты же понимаешь, что твоя жена тебя*

любит?

Я высматривал разницу. Возможно, играл сам с собой в поддавки, поскольку знал, чьим чувствам он учится подражать. Потребовалось всего два сеанса, чтобы темная туча, в которую Робби погрузился после катастрофического инцидента у входа в Капитолий, распалась на перистые лохмотья.

В субботу, в конце июня, я пришел его будить. Он застонал от пробуждения и резких лучей солнца. И все же на этот раз поднял голову с подушки и ухмыльнулся, пусть и не перестал ныть.

— *Папа! А сегодня будет сеанс?*

— Да.

– *Ура!* — крикнул он мультяшным голоском. — *Знаешь, мне это приносит пользу.*

— Может, потом покатаемся в лодке?

— *Серьезно? На озере?*

— Я думал, просто на заднем дворе.

Он издал низкий горловой рык и оскалил зубы.

— *Тебе повезло, что я не хищник.*

Выбор одежды поверг его в задумчивость.

– *Ах, эта рубашка. Я совсем забыл о ней. Хорошая рубашка! Почему я ее не носил?* — Он вышел в гостиную полуодетый. — *Помнишь ту пару*

пушистых носков, которые мне подарила мама, с отдельными пальцами и маленькими когтями на каждом? Что с ними случилось?

Вопрос заставил меня вздрогнуть. Я привык к прежним реакциям его мозга. Я не сомневался, что надвигается шквал.

— Ох, Робби. Это было сто размеров назад.

— *Я знаю. Ну, честно. Мне просто любопытно. Я лишь хотел спросить, они все еще где-то у нас дома? Или какой-то другой ребенок носит их и думает, что он наполовину медведь?*

— Что заставило тебя про них вспомнить?

Он пожал плечами, но не уклонился от ответа.

— *Мама.*

На меня нахлынули жуткие мысли. Но не успел я задать ему прямой вопрос, как он спросил:

— *А что у нас на завтрак? Умираю с голоду!*

Робби съел все, что я поставил перед ним. Он хотел знать, что необычного в овсянке (ничего) и почему апельсиновый сок такой кислый (без причины). Я убрал тарелки со стола, и Робби сел за него снова, напевая себе под нос мелодию, которую я не разобрал. Меня опять одолело неистовое любопытство по поводу причины экстаза, испытанного Али в тот давний день и записанного в лаборатории Карриера. Мой сын —

ее сын — мельком видел эту причину, но не мог мне ничего объяснить.

Я отвел Робби в нейролабораторию для еще одного сеанса с отпечатком мозга его матери. Они с Джинни погрузились в привычную рутину. Я наблюдал за ним несколько минут, пока он передвигал фигуры на экране с помощью телекинеза. Потом вышел в коридор и заглянул к Карриеру.

— Тео! Как я рад! — Вероятно, последнее слово для профессора значило не то, что для всех остальных. Меня раздражал каждый слог, произнесенный этим человеком. Может, мне и стоило бы разок-другой побывать в его машине эмпатии. — Как дела у мальчика?

Я высказался со сдержанным оптимизмом. Мартин слушал с невозмутимым видом.

— Вероятно, роль самовнушения весьма велика.

Ну конечно, Робин занимался самовнушением. Я тоже. Изменения могли быть целиком и полностью воображаемыми. Однако наука о мозге знала, что воображение способно изменить клетки тела по-настоящему.

— В этом раунде сеансов есть что-нибудь необычное? Какие-то изменения в том, как ИИ контролирует обратную связь? Может, отпечаток

мозга Алиссы включает нейронные сети из разных областей?

— Изменилось ли что-нибудь? — Плечи Карриера приподнялись, губы изогнулись, имитируя улыбку. — Конечно. Мы увеличили разрешение сканирования. ИИ все больше узнает о Робине и становится тем эффективнее, чем дольше взаимодействует с мальчиком. И да, отсканированный мозг Али активирует эволюционно более древние зоны по сравнению с шаблонами, с которыми мы работали раньше.

— Другими словами, теперь все… совсем по-другому.

Я спросил то, о чем хотел спросить. Узнал все, кроме того, что интересовало меня больше всего на свете. И был почти уверен, что Карриер не расскажет мне о том, про что не рассказала сама Али.

Но потом я подумал: а вдруг расскажет? Как будто электрический разряд пробежал по моей липкой коже. Может, Робби не первый, кто соприкоснулся с отпечатком мозга Али. Однако я боялся, что такой вопрос выставит меня сумасшедшим. Или слишком опасался ответа, чтобы спрашивать.

Робби понравилось надувать лодку. Обычно он

пару раз кое-как нажимал на педаль ножного насоса, а потом сдавался. В тот день он не взмолился о помощи. Суденышко поднялось из лужи вялого ПВХ без каких-либо жалоб со стороны сына.

Мы выбрали место рядом с табличкой, где были перечислены ограничения на рыбалку на испанском, мандаринском китайском и хмонге. Перебираясь с причала в лодку, Робин поскользнулся и упал. Он взвыл, когда его ботинки погрузились в грязь, а озеро промочило штанины до колен. Но потом, забравшись на борт нашей плоскодонки, озадаченно посмотрел на свои ноги.

— Ну-ну. Странно. Чего я так разволновался из-за воды?

Потребовалась целая вечность, чтобы пройти сотню ярдов. Робин осматривал берег, пока работал веслами. Я понимал, что он ищет. Птиц: существ, которые помогали его матери держать своих демонов в узде. Они всегда его интересовали. Однако любопытство где-то глубоко внутри превратилось в любовь, когда сын начал проходить тренировки с отпечатком мозга Али.

Гладкая серая фигурка промелькнула впереди. Робби махнул мне, чтобы я перестал грести. Впервые за много дней в голосе моего сына прозвучали нотки отчаяния.

— Что это было, папа? Кто это был? Я не успел разглядеть!

Местный обитатель — настолько распространенный, что даже я знал его название.

— Юнко, вроде бы.

– Темноглазый или серый? — Робин повернулся ко мне, уверенный, что я смогу ему сказать. Я не мог. Его мать произнесла совсем близко от моего уха: *«Дрозд — моя любимая птица».*

Мы еще немного проплыли в самом медленном транспорте из всех, какие известны человечеству. Когда глубина увеличилась, Робби поднял весло.

— Пап, может, ты будешь грести? А то мне как-то не по себе.

Я трудился на корме, водя веслом из стороны в сторону, чтобы нас не закружило на месте. Робин упирался рукой в борт лодки, и ему на нежное предплечье села бабочка, чья красота превосходила любой витраж. Сын затаил дыхание, дал гостье поразмыслить, взлететь и снова приземлиться ему на лицо. Она прошла по его закрытым глазам, прежде чем покинуть нас.

Робби откинулся на планшир и устремил взгляд в небо. Он как будто искал ту россыпь светящихся точек, увиденную ночью в Дымчатых горах — ведь на самом деле эти точки никуда не делись,

просто дневной свет их скрывал. Мы вдвоем, скользя под невидимыми звездами, пересекали озерную гладь на надувной лодке.

Я думал, мы одни. Но чем больше наблюдал за Робином, тем отчетливее понимал, что здесь тесно, как на многолюдной вечеринке. Что-то летало, плавало, бегало по поверхности воды. Что-то ветвилось над водой и осыпалось в нее дождем из частиц живой ткани. Повсюду слышалась болтовня, словно хор радиостанций в авангардной пьесе. А на носу лодки сидело большое живое нечто, которое одновременно было и не было мной. Когда Робби заговорил, я так сильно вздрогнул, что плоскодонка едва не опрокинулась.

— *Помнишь тот день?*

Я растерялся.

— Какой день, Робби?

— *День, когда вы записали свои чувства.*

Я все помнил со сверхъестественной точностью. Как мы с Али жаждали друг друга потом. Как заперлись в комнате. Как она не рассказала мне об источнике своего экстаза. Как крикнула через закрытую дверь, уверяя нашего сына, что нам очень хорошо.

— *В вас двоих было что-то забавное. Вы вели*

себя странно.

Он не мог этого помнить. Он был совсем маленьким, и ничто в том дне не было достаточно примечательным, чтобы запечатлеться в его воспоминаниях.

— *Как будто у вас был большой секрет.*

Моя жена прошептала: *«Ты же помнишь этот секрет, не так ли, Тео?»*

Я заработал веслом, чтобы остановить наше вращение и перевел дух.

— Робби, почему ты вдруг об этом подумал?

Он не ответил. Алисса продолжала поддразнивать: *«Конечно, он помнит. Его родители вели себя странно».*

— Доктор Карриер упоминал о том дне? Задавал тебе вопросы?

Робин перевернулся на живот, раскачивая лодку. Прищурился, смотря на дальний берег, как будто пытался заглянуть в прошлое.

— *У мамы была татуировка?*

Он не мог знать о ней. Я не осмелился спросить, откуда он узнал. Она обзавелась этим рисунком еще до того, как мы познакомились. Ей нужна была психологическая подпитка, чтобы пережить катастрофический первый курс в юридической школе. Чтобы противостоять деморализующе-

му давлению, ей пришла в голову идея посеять самый ручной сорняк в мире, нанеся его чернилами на кожу: четыре зубчатых лепестка вокруг крошечных тычинок с пыльниками.

— Это должен был быть цветочек. Ее тезка.

— *Морской алиссум.*

— Верно.

— *Но что-то пошло не так?*

— Ей не понравился результат. Кто-то сказал, что тату похожа на деформированный смайлик. Поэтому она попросила татуировщика переделать цветок в пчелу.

— *И пчела тоже выглядела забавно.*

Он сводил меня с ума.

— Верно. Но Али смирилась с пчелой. Не хотела закончить тем, что на ней будет вытатуирована забавная лошадь.

Он смотрел на воду и не улыбался.

— Робби? Почему ты спрашиваешь?

Его лопатки выделялись под рубашкой поло, словно культи от ампутированных крыльев.

— *По-твоему, о чем она думала в тот день? Все так странно. Как будто… входишь в лес, которому миллион лет.*

Я едва не взмолился. Хоть словечко, хоть знак — доказательство того, что она пережила

случившееся. Я потерял ее суть, я ее больше не чувствовал. И Робби не мог мне ничего рассказать. Или не хотел.

Он оперся подбородком о борт лодки и уставился в озеро. Колышущаяся поверхность воды была словно океан другого мира, как в одной из книг, которые я читал, когда был ненамного старше сына. Он выискивал взглядом тысячи рыб, прячущихся под темно-зеленой поверхностью от существ, которые дышали при помощи легких.

— Папа, на что похож океан?

На что похож океан? Я не мог объяснить. Море было слишком большим, а мое ведро — чересчур маленьким. К тому же дырявым. Я коснулся ладонью его голени. Это показалось лучшим из доступных ответов.

— А ты в курсе, что все кораллы в мире погибнут через шесть лет?

Мягкий голос, печальный изгиб рта. Самое впечатляющее партнерство в мире подходило к концу, и мой сын никогда не увидит, каким оно было. Робби посмотрел на меня снизу вверх; призрак Али засел у него в мозгу.

— И как мы можем это изменить?

В первый раз Тедия погибла, когда комета оторвала треть планеты и превратила в луну. Все

живое на поверхности пропало.

Через десятки миллионов лет атмосфера восстановилась, воды потекли вновь, и жизнь зародилась во второй раз. Клетки научились симбиотическому трюку — объединению. Крупные существа опять распространились по всем экологическим нишам планеты. Затем далекий гамма-всплеск разрушил озоновый щит Тедии, и ультрафиолетовое излучение убило почти все.

Частицы жизни сохранились в самых глубоких океанах, так что на этот раз она вернулась быстрее. Замысловатые леса распространились по всем континентам. Через сто миллионов лет — как раз в тот момент, когда вид китообразных начал создавать орудия труда и предметы искусства — в соседней звездной системе взорвалась сверхновая, и Тедии пришлось начинать все сначала.

Проблема заключалась в том, что планета находилась слишком близко к центру галактики, где среди тесно расположенных звезд то и дело происходили какие-нибудь катаклизмы. Недалекое будущее всегда предвещало вымирание. Однако между бедствиями были периоды благодати. Спустя сорок перезагрузок затишье продлилось достаточно долго, чтобы цивилизация успела

развиться как следует. Разумные медведи строили деревни и осваивали сельское хозяйство. Они использовали пар, подчинили электричество, сооружали простые машины и учились. Но когда их археологи узнали, как часто в прошлом наступал апокалипсис, и астрономы выяснили его причину, общество сломалось и самоуничтожилось за тысячелетия до очередной сверхновой.

Это повторялось раз за разом.

– *Но давай пойдем и посмотрим,* — сказал мой сын. — *Я хочу просто взглянуть.*

К тому времени, когда мы туда прибыли, планета умерла и воскресла тысячу и один раз. Резервы ее солнца почти иссякли, вскоре оно должно было расшириться и поглотить весь мир. Однако жизнь продолжала завоевывать новые плацдармы. Она больше ничего не умела. Она не могла действовать иначе.

Высоко в молодых горах Тедии с их острыми пиками мы обнаружили живых существ. Они были трубчатыми и ветвистыми, а еще так долго сохраняли неподвижность, что мы приняли их за растения. Однако они приветствовали гостей, вложив слова непосредственно в наш разум: «Добро пожаловать».

Они изучили моего сына. Я чувствовал прикос-

новение их мыслей.

«Ты хочешь знать, должны ли вы предупредить нас».

Испуганный Робби кивнул.

«Ты хочешь, чтобы мы были готовы. Но боишься причинить нам боль».

Мой сын снова кивнул. Он плакал.

«Не волнуйся, — сказали обреченные трубчатые существа. — Есть два вида бесконечности. Наш — лучший».

Из-за летних наводнений по всему Заливу питьевая вода, предназначенная для тридцати миллионов человек, оказалась загрязнена, и по южным территориям распространились гепатит и сальмонеллез. На Великих равнинах и на Западе старики погибали из-за аномальной жары. Загорелся Сан-Бернардино, а позже Карсон-Сити. Какая-то «Теория Х» вынуждала вооруженных ополченцев патрулировать улицы городов по всем Равнинным штатам в поисках неведомых иностранных захватчиков. Тем временем новая разновидность стеблевой ржавчины вызвала неурожай пшеницы на всем китайском Лёссовом плато. В конце июля демонстрация «Истинной Америки» в Далласе превратилась в бунт на расовой почве.

Президент объявил в стране еще одно чрезвычайное положение. Он мобилизовал Национальную гвардию шести штатов и направил войска к границе для борьбы с нелегальной иммиграцией:

ВЕЛИЧАЙШАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ КАЖДОГО АМЕРИКАНЦА!

Сбрендившая погода вызвала на Юго-Востоке вспышку amblyomma americanum, клеща-одиночки. Робби понравилась эта новость. Он попросил меня читать ему все, что я видел по этому поводу.

— *Возможно, все не так уж плохо, папа. Это может даже спасти нас.*

В последние дни он говорил странные вещи. Я не всегда его провоцировал. Это было одно из исключений.

— Робби! Что за ужасные вещи ты говоришь!

— *Серьезно. Инфекция вызывает у людей аллергию на мясо. Больше никаких мясоедов — это же потрясающе. Наша еда заживет в десять раз лучше!*

От этих слов меня замутило. Я хотел, чтобы Али вмешалась в разговор. Но в этом-то и заключалась проблема: она и так вмешивалась.

Робби уже четыре раза тренировался, пользу-

ясь паттерном экстаза своей матери. Нет, пять раз. После каждого сеанса им все сильнее овладевала смесь радости и смущения. Он говорил все меньше, чаще смотрел и слушал. Рисовал в своем блокноте, и казалось, рисунок оживает, прорастая на странице сам по себе.

Он пришел в мой кабинет после ужина, где я сидел и писал код.

— *Я ведь вчера был лучше, чем сегодня, да?*

— В смысле?

— *Ну, вчера казалось, что меня ничего не может задеть. Сегодня? Рррррр!*

Он взревел от нетерпеливой ярости, как делала его мать, сталкиваясь с бессмысленной бюрократией. Но даже когда он вонзил в меня когти и затрясся от досады, которую не мог объяснить словами, его как будто окружала большая, мощная аура. Он легко освоился в новой шкуре.

Дни становились все спокойнее. Робби часами сидел за своим цифровым микроскопом. Он мог смотреть на простые вещи и рисовать почти весь день. Скворечники на заднем дворе, совиные катышки, даже плесень на апельсине зачаровывали его. Случались приступы страха и гнева, как раньше. Но они проходили быстрее, и после отлива в спокойных лужах на берегу оставались

всевозможные сокровища.

Мальчик, который стоял на ступенях Капитолия, размахивая плакатом ручной работы, исчез. Я должен был почувствовать облегчение. Но ночью ложился спать, испытывая к своему некогда тревожному ребенку чувство, до жути похожее на скорбь.

Я совершил ужасный поступок. Я украдкой заглянул в его записные книжки. На протяжении тысячелетий миллионы родителей поступали куда хуже, хотя обычно по более веским причинам. Я не мог притворяться, что он нуждается в контроле. У меня не было причин подслушивать его мысли. Я просто хотел узнать, что происходит на его спиритических сеансах с Али.

Это случилось первого августа, когда он спросил, можно ли ему разбить лагерь во дворе.

— Мне нравится там по ночам. Столько событий! Столько разговоров!

Звуки были отлично слышны из дома: капеллы древесных лягушек, большой хор цикад и соло ночных птиц, которые охотились на них. Но он хотел пребывать внутри звуков. Меня это удивило: мой робкий сын возжелал провести ночь на улице в одиночестве. Я с радостью его поддержал. Может, мир рушился, однако наш задний двор

все еще казался безопасным местом.

Я помог ему поставить палатку.

— Уверен, что тебе не нужна компания?

Я и не подумал настаивать. Разум уже планировал незаконное вечернее чтение.

Я дождался, пока в палатке погас свет. Блокноты стояли на полке письменного стола, подпертые с двух сторон жеодами. Робби доверял мне. Он знал, что я не буду шпионить. Я нашел текущую записную книжку, на обложке которой красовалась надпись «Личные заметки Робина Бирна». Я внимательно просматривал страницы, не чувствуя даже намека на угрызения совести, пока не осознал, что именно вижу перед собой. Ни единого слова о матери, да и обо мне тоже, если уж на то пошло. Ни строчки о его собственных надеждах или страхах. Записная книжка была посвящена рисункам, заметкам, описаниям, вопросам, размышлениям и оценке — изучению иной жизни.

Куда деваются зяблики, когда идет дождь?

Какое расстояние проходит олень за один год?

Может ли сверчок вспомнить, как вы-

браться из лабиринта?

Если бы лягушка съела этого сверчка, выучила бы она лабиринт быстрее?

Я согрел бабочку, вернув ее к жизни своим дыханием.

На одной почти пустой странице было написано:

Люблю траву. Она растет снизу, а не сверху. Если кто-то съедает кончики, это не убивает растение. Только заставляет его расти быстрее. Гениально!!!

Под этим манифестом Робби нарисовал стебель травы, пометив все составные части: листовая пластинка, влагалище листа, узел, пленчатый язычок, столон, колос, ость, колосковая чешуя… Он откуда-то скопировал названия, но картинка в целом была его авторства. Обвел кружочком место на листовой пластинке и записал рядом вопрос: «Как называется борозда посередине?»

У меня лицо вспыхнуло от стыда. Я шпионил за сыном, просматривая его записные книжки. И впервые как следует разглядел стебель травы. Разум охватило странное чувство: заметки были продиктованы из могилы. Я положил блокнот на

место. Когда Робби вернулся в дом на следующее утро и пошел в свою комнату, я испугался, что он унюхает отпечатки моих пальцев на своих страницах.

– *Как насчет приключения?* — спросил Робби и повел меня гулять по окрестностям.

Я ни разу не видел, чтобы он шел медленнее, чем в тот раз, или чаще вертел головой. «Экстаз» — неправильное слово. Рвение Алиссы смягчилось в Робине, стало чем-то более плавным и мимолетным. У него на лице было написано: половина видов вымрет, но мир останется зеленым или даже будет еще зеленее. Мой сын теперь мог смириться с любой надвигающейся катастрофой, если у него сохранялась возможность просто погулять на природе.

Я изумился, когда он поприветствовал молодую пару, идущую навстречу по тротуару.

— *Как далеко вы собираетесь зайти сегодня?*

Этот вопрос заставил их рассмеяться.

— Недалеко, — сказали они.

— *Мы тоже далеко не уйдем. Может, просто обойдем квартал. Хотя кто знает?*

Молодая женщина посмотрела на меня, в ее глазах читалась похвала за отличную работу. Я не считал, что это моя заслуга.

Идя по тротуару, Робби схватил меня за локоть.

— *Слышишь это? Два пушистых дятла беседуют.*

Мне пришлось напрячь слух.

— Откуда ты знаешь?

— Легко. *«Пушистый падает ниц»*[12]*. Слышишь, как песня немного затихает в конце?*

— Ну да. Но я о другом — откуда ты знаешь, что трель пушистого дятла к концу делается тише?

— *А вот это домовый крапивник. Пер-чик-ори!* [13]

Мне хотелось схватить его за плечи и встряхнуть.

— Робби! Кто тебя этому научил?

— *Мама знала все птичьи песни.*

Он, наверное, понимал, что пугает меня. Вероятно, таким образом упрекал отца в невежестве. Пока мы с Али встречались, я ходил вместе с нею наблюдать за птицами. Но после свадьбы

---

[12] Сноски: 12

Downy goes down (англ.). Мнемоническая фраза орнитологов-любителей, позволяющая опознать пушистого дятла по понижению тона в конце его трели и основанная на созвучии слов *downy* и *down*.

[13] Сноски: 13

Per-chick-oree! — еще одно звукоподражание из арсенала орнитологов-любителей, не имеющее осмысленного перевода и предназначенное для опознания домового крапивника по пению.

позволил другим мужчинам заниматься тем же самым.

— Это правда. Она знала. Но она изучала их в течение многих лет.

— Я не знаю их все. Я знаю только те, которые знаю.

— Ты где-то их изучаешь? Онлайн?

— Нет, я ничего не учу. Я просто слушаю, и они мне нравятся.

Где же был я, пока он слушал? На других планетах.

Мы шли, Робби внимал, а я волновался. Я выполнял расчеты, не зная правил. Насколько мой сын отличался от того мальчика, которым был несколько месяцев назад? Он всегда рисовал, всегда был любопытен, всегда любил живых существ. Но мальчик справа от меня принадлежал к другому виду, чем тот, который меньше года назад играл с микроскопом, подаренным ему на день рождения в нашей арендованной хижине. Он угодил во власть чар и сделался непобедимым.

Еще два шага, и Робби застыл как вкопанный. Махнул рукой, указывая на тротуар и изображая какую-то пантомиму. На асфальте тени от ветвей растущего неподалеку хмелеграба перемежались

ярко освещенными участками песочного цвета. Это было похоже на многослойный рисунок в японском стиле, где на шершавой бумаге слои туши парят друг над другом, рождая призрачную жизнь. Его лицо озарилось радостью, которая была заразительна. Но счастье Робби и мое было таким же разным, как крачка на восходящем потоке воздуха и игрушечный самолет на резинке. Я занервничал. Робби мог бы простоять там весь день, наблюдая за призрачными силуэтами, если бы я не подтолкнул его.

Через три квартала от нашего дома был крошечный парк. Робби указал на изящное деревце в углу детской площадки рядом с качелями. Своими очертаниями оно напоминало фонтан.

— *Мое любимое. Я его называю «рыжик».*

— Что? Почему?

— *Потому что у него рыжие волосы. Серьезно! Ты такое раньше видел?*

Робби подвел меня к низко свисающим ветвям. Когда мы подошли к дереву, он повернул лист. На нижней стороне, в месте соединения боковых вен и средней жилки, торчали крошечные пучки рыжих волос.

— *Шарлаховый дуб. Круто, правда?*

— Я понятия не имел!

Сын похлопал меня по спине.

— *Все нормально, папа. Не ты один.*

С улицы донеслись крики. Трое мальчиков чуть старше Робби пытались сдвинуть знак «Стоп». Беспокойство омрачило его лицо.

— *Люди такие странные.*

Он отпустил лист, и ветка вернулась на место. Я поднял глаза на ствол дерева, осознавая, что каждый его лист покрыт рыжими волосами.

— Робби, в какой момент ты научился всему этому?

Мой мальчик отшатнулся и уставился на меня: в обозримом пространстве я был единственным живым существом, которое могло вызвать у него недоумение.

— *В смысле, «момент»? Я все время учусь!*

— Выходит, ты все узнал сам?

Казалось, он всем телом хочет выразить, до какой степени я неправ.

– *Все здесь хотят, чтобы я про них узнал.* — Прошел всего миг — и Робби совершенно забыл о моем вопросе. Он показал мне муравейник и нору под стеной маленькой беседки. — *Еще не разобрался, чье это.* — Он присел на корточки и смотрел в дыру достаточно долго, чтобы я забеспокоился. — *Кто бы там ни жил, это фан-*

тастика.

Робби шел по туннелю из кленов и обреченных ясеней[14], как будто погружался в подводном аппарате на дно Марианской впадины. Я плелся следом, и время от времени он на меня поглядывал. Но я не встречался с ним взглядом. Все не мог выкинуть из головы вопрос, который мучил меня уже несколько недель. И вот он вырвался, стоило мне задуматься о новом способе его подавить.

— Робби, на сеансах в лаборатории… тебе кажется, что мама рядом?

Он остановился и схватился за сетчатый забор.

— *Мама повсюду.*

— Да. Но…

— *Помнишь, что сказал нам доктор Карриер? Всякий раз, когда я тренируюсь на основе ее шаблона, мои чувства…*

Соответствуют ее чувствам. Клин лимонного цвета, главный приз на колесе фортуны Плутчика. У Робина был «экстаз», в то время как я застрял на «опасении», «зависти» или еще чего похуже.

Он продолжил путь, и я последовал за ним. Вз-

---

[14] Сноски: 14

В настоящее время ясени в Северной Америке чрезвычайно страдают от воздействия завезенного из Азии инвазивного вида — ясеневого изумрудного узкотелого жука-златки, который не имеет естественных врагов в природной среде и угрожает уничтожить этот вид деревьев целиком.

махом руки Робин указал на пригородную улицу впереди нас.

— Понимаешь, папа… Это как та планета, на которой мы побывали. Планета, где у всех отдельных существ общая память.

Он указал на перекресток, где малолетние вандалы пытались повалить знак.

— Давай посмотрим, что они там делают.

Это был не Робби. Настоящий Робби вернулся бы в дом, погрузился в свою ферму для одного игрока, смотрел видео с двумя своими любимыми женщинами и прятался от остального человечества. Но этот мальчик взял меня за руку и потянул.

— Мы просто поздороваемся, хорошо?

Али вот так уговаривала меня тысячу и один раз. Я усомнился, что погружаться в такое облако тестостерона — мудрый шаг. А потом меня осенило: большая часть нашего эксперимента состояла в том, чтобы избавить сына от худших черт характера, которые он унаследовал от меня. В беззаконном маленьком захолустье, которым была наша третья планета от Солнца и которое так сильно меня пугало, мой сын каким-то образом завладел лавровым венцом.

Когда мы подошли ближе, трое подростков на

время прекратили вандализм и оскалились. Два носили рекламу беговых кроссовок. Третий был в камуфляжных штанах и майке с надписью «Флаг не линяет, а перезагружается»[15]. Они перестали пинать знак, но каким-то образом сумели продемонстрировать, что закончат начатое, стоит нам уйти. За неделю до этого я видел результаты предвыборного опроса. Двадцать один процент американцев считали, что общество должно быть сожжено дотла. Наверное, со знака «Стоп» было проще всего начать.

Не успел я изобразить уверенность в себе и сказать им, чтобы шли домой, как Робби крикнул:

— *Эй, ребята! Что вы тут делаете?*

Тот, что в майке с полинявшим флагом, фыркнул.

— Хороним золотую рыбку.

Робин широко распахнул глаза.

— *Серьезно?*

Все трое мальчиков захихикали. Я наблюдал, как сын слегка отшатнулся, прежде чем хихикнуть в ответ.

— *Однажды нам пришлось похоронить нашу собаку. А знаете про филина?*

---

[15] Сноски: 15

These colors don't run, they reload (англ.). Непереводимая игра слов: фразу также можно понять как «флаг не удирает, а перезаряжает [оружие]».

Подростки просто уставились на чужака, пытаясь понять, не был ли он умственно отсталым. Наконец самый маленький из троих — в бейсболке с надписью «Я на самом деле не такой уж уродливый» — переспросил:

— Про кого?

— *Про виргинского филина. На сосне возле католической церкви. Он огромный!* — Робби развел руками, отмеряя половину собственного роста. — *Идем, я покажу!*

Два парня помоложе сверились со старшим, который замер на перекрестке бульвара Отвращения и Интерес-авеню. Робин повернулся и жестом пригласил их следовать за собой. Как ни странно, они подчинились.

Робин повел нас вокруг квартала к коврику из коричневых иголок, скопившихся под ветвями большой веймутовой сосны. Он вверх указал, и мы четверо подняли головы.

— *Тс-с. Вот он.*

— Где? — рявкнул один из моих спутников-бандитов.

Робин раздраженно шикнул, прошептал сквозь стиснутые зубы:

— *Рррр! Прямо. Наверху. Вон там!*

Я искал полминуты, прежде чем понял, что

смотрю великолепной птице в глаза. Филин был, наверное, двух футов ростом, но благодаря безумному камуфляжу его оперение сливалось с потрескавшейся сосновой корой. Только побелка на стволе внизу и золотые кольца безжалостного взгляда выдавали хищника. Вся округа собралась бы под деревом, если бы знала.

Парень в футболке с флагом выхватил телефон, чтобы сделать снимок. «Не такой уж уродливый» мальчишка тоже достал телефон и начал писать сообщение. Третий громко выругался, и огромное создание наклонилось, дважды подпрыгнуло и взлетело. Его колоссальные крылья с заостренными кончиками распахнулись на величину моего роста. Он тяжело ими взмахнул и исчез над крышей дома через улицу.

Казалось, Робин был готов наброситься на подростков за то, что они отпугнули филина. Но потом лишь вздохнул из-за того, что пришлось выдать им столь ценный секрет. Он поймал мой взгляд и кивнул, указывая подбородком на улицу, наш путь к отступлению. Мой сын не произнес ни слова, пока мы не оказались вне пределов слышимости.

— У виргинского филина охранный статус «не вызывает опасений». Ну что за глупость, а? Как

будто не стоит беспокоиться, пока они все не вымрут.

Даже его гнев приносил плоды. Я обнял сына за плечи.

— Как же тебе удалось его найти?

— *Легко. Я посмотрел — и увидел.*

Дни становились короче, и лето шло своим чередом. Как-то вечером в середине августа Робин попросил перед сном планету. Я дал ему Хромат. У этого мира было девять лун и два солнца, одно маленькое и красное, другое — большое и голубое. Это означало три вида дня разной продолжительности, четыре вида заката и восхода, множество различных затмений и бесчисленные оттенки сумерек и ночной тьмы. Пыль в атмосфере превращала два вида солнечного света в кружащиеся акварельные разводы. В языках того мира нашлось целых двести слов для обозначения печали и триста — для радости, в зависимости от широты и полушария.

В конце рассказа Робби глубоко задумался. Откинулся на подушку, заложив руки за голову, и уставился на изображение Хромата на потолке своей спальни.

— *Папа, сдается мне, со школой покончено.*

От таких слов я чуть не упал.

— Робби. Не начинай опять.

– А как насчет домашнего обучения? — Казалось, он пытается убедить кого-то на крыше.

— Я работаю с утра до вечера.

— Но ты же преподаватель?

Он был спокоен, как лодка на пруду в безветренный день. А вот мое суденышко зачерпнуло бортом воду. Я едва не закричал: «Назови мне хоть одну вескую причину, почему ты не можешь сидеть в классе, как любой другой ребенок твоего возраста». Но я уже знал несколько причин.

— Эдди Треш учится на дому, а его родители работают. Это элементарно, папа. Мы просто заполним бланк и сообщим властям Висконсина о своем решении. Можем получить пакеты учебных материалов и прочее онлайн, если захотим. Тебе вообще не придется тратить на меня время.

— Робби, проблема не в этом.

Он повернулся, чтобы посмотреть на меня, и подождал возражений. Когда ничего не последовало, приподнялся на локте и взял потрепанную книгу в мягкой обложке со своего маленького письменного стола рядом с кроватью. Протянул мне ее: старый определитель птиц восточной части США, принадлежавший Али.

— Где ты это взял?

Я вздрогнул от собственного тона. Казалось, я хотел привлечь сына к уголовной ответственности. Он взял ее с книжной полки в моей спальне — где же еще?

— Я могу учиться сам, папа. Назови мне птицу, и я скажу, как она выглядит.

Я пролистал книгу: теперь рядом с видами, которые он знал, стояли крошечные галочки. Один из родителей Робби уже обучал его на дому.

— Я хочу быть орнитологом. В четвертом классе этому не учат.

Справочник казался тяжелым, словно мы находились на Юпитере.

— Школа готовит тебя к гораздо большему, чем просто к работе. — Сын посмотрел на меня, обеспокоенный тем, как неубедительно и устало звучал мой голос. Я сложил пальцы в знак хэштега, которому он меня научил. — Жизненные навыки, Робби. Например, научиться ладить с другими детьми.

– Если бы в школе действительно этому учили, я бы хотел туда ходить. — Он придвинулся и утешительно погладил меня по плечу. — *Вот что я думаю, пап. Мне почти десять. Ты хочешь, чтобы я научился всему необходимому для взрос-*

лой жизни. Значит, школа должна обеспечить мое выживание в этом мире через десять лет. И… как, по-твоему, он будет выглядеть?

Петля затянулась, я не мог ускользнуть. Наверное, он вызубрил этот довод, пока смотрел ролики с Ингой Алдер.

— *Ну правда. Мне надо это знать.*

На Земле было два типа людей: те, кто знал толк в математике и разбирался в науках, и те, кто с радостью верил в свою, особую истину. При этом день за днем, в каких бы школах мы ни учились, в глубине души каждый из нас был убежден, что «завтра» будет клоном «сегодня».

— *Скажи мне, что ты думаешь, папа. Потому что этому я и должен учиться.*

Мне не нужно было ничего говорить вслух. С его недавно приобретенными способностями Робби оставалось лишь посмотреть мне в глаза, переместить и увеличить свою внутреннюю точку, прочитать мои мысли.

— *Помнишь, как Папайе становилось все хуже и хуже, и он не пошел к врачу, а потом умер?*

— Помню.

— *Весь мир ведет себя так же.*

Мне не очень-то хотелось вспоминать своего отца. Я также не хотел обсуждать масштаб ка-

тастрофы со своим девятилетним ребенком. В доме царила тишина, ночь была спокойная. Я полистал книгу Али с десятками новых галочек.

— Древесница Бахмана.

– *Древесница Бахмана,* — медленно повторил он, будто на викторине по правописанию. — *Самец? Оперение на голове черное, переходящее в серое. Тело зеленое, животик желтый, под хвостом — белый.*

Я выбрал неправильную школу. За лето, в одиночку, он узнал больше, чем за год занятий в классе. Он сам обнаружил то, что государственное образование пыталось отрицать: все живое в этом мире чего-то от нас хотело. А время подходило к концу.

– *Вид находится на грани полного исчезновения,* — заключил Робби. — *Возможно, уже вымер.*

— Ты победил, — сказал я, словно это изначально было соревнование. — Вот первое домашнее задание: выяснить, как все устроено с этим твоим домашним обучением.

Мы подали заявление о намерениях в Департамент публичного образования. Я составил небольшую учебную программу: чтение, математика, естественные науки, обществознание и

здравоохранение. Она была лучше школьной. В тот день, когда мы забрали его оттуда, он бегал по дому, распевая «Когда святые маршируют». Он имитировал все инструменты и знал все слова.

Перемены потребовали времени, пота и многих нянек. Мое расписание было гибким, и он любил приходить со мной в кампус. На крайний случай всегда оставалась библиотека. Однако в том семестре я не блистал на лекциях и семинарах. Моя работа над собственными публикациями застопорилась. Пришлось отменить выступления на конференциях в Бельвью, Монреале и Флоренции.

Я удивился, что нам требовалось всего 875 часов обучения в год. Поскольку Робби теперь хотел учиться чему-то даже по выходным, на уроки уходило менее двух с половиной часов в день. Он без проблем поспевал за государственной учебной программой. С ликованием сдавал экзамены онлайн. Мы путешествовали повсюду, куда чтение, математика, естественные науки, обществознание и здравоохранение позволяли нам путешествовать. Мы учились дома, в машине, за едой и во время долгих прогулок по лесу. Даже забивая друг другу пенальти в парке, учились физике и статистике.

Я соорудил ему транспондер для исследования планет — точнее, выкрасил мой дряхлый планшет эмалевой краской, чтобы выглядело футуристично и круто. Я создал для него специальный профиль, позволяющий пользоваться браузером для младшеклассников, открывающим доступ только к нескольким сайтам, ориентированным на детей, и нескольким обучающим играм. Он не возражал против ограничений. Это был выход на орбиту, пусть и околоземную.

Разрываясь между попытками обучать его по программе, подготовкой лекций для студентов и семинаров по биосигнатурам для магистрантов, бесполезной борьбой с визовым кризисом в связи с аспирантами-азиатами и написанием множества электронных писем коллегам с извинениями за пропущенные дедлайны, я чувствовал себя как НАСА после катастрофы «Челленджера». Страйкер отказался от меня и аннулировал наше исследовательское партнерство. Впервые после переезда в Висконсин мне пришлось подавать годовой отчет о научной деятельности без значимых публикаций.

Робин разбудил меня однажды в субботу, за полчаса до восхода солнца, положив конец первым нескольким часам глубокого сна, которые у

меня случились за несколько дней. По крайней мере, он будил меня с радостью, а не в истерике.

— *Куда я отправлюсь сегодня, папа? Ну же. Придумай мне новую охоту за сокровищами.*

Я покопался в памяти в поисках чего-нибудь, что заняло бы его на достаточно долгий срок, чтобы я мог разобраться с собственными накопившимися делами.

— Нарисуй мне очертания восьми стран Западной Африки. Затем внутри каждого очертания — четыре изображения местных растений и животных.

– *Легкотня!* — заявил он, выбегая из комнаты за своим драгоценным транспондером.

К трем часам дня работа была закончена. В таком темпе он должен был закончить 875 часов четвертого класса к концу лета.

– *У меня отличная идея*, — сказал Робби. — *Лаборатория доктора Карриера могла бы взять собаку. Действительно хорошую собаку. Или это может быть кошка, медведь, даже птица. Ты знаешь, что птицы намного умнее, чем принято считать? Некоторые птицы могут видеть магнитные поля. Круто, да?*

Я взял его к себе в кабинет на вторую половину дня, пока готовился к новому учебному году. Он

развлекался с игрушечными программируемыми весами, которые показывали вес человека на Юпитере, Сатурне, Луне или где угодно в Солнечной системе.

— Взять собаку и что сделать, Робби?

Его мысли в эти дни часто бывали обширнее, чем он мог выразить словами.

— Взять и просканировать. Просканировать ее мозг, когда она будет действительно взволнована. Потом людей можно обучать по ее шаблону, и мы поймем, каково это — быть собакой.

Я не сумел превозмочь снисходительность, присущую взрослым.

— Классная идея. Расскажи доктору Карриеру.

Он нахмурился, но совсем не так сильно, как я того заслуживал.

— Доктор меня ни за что не послушает. И это печально, понимаешь? Ну ты только подумай, папа. ДекНеф может стать просто обычной частью обучения. Каждый мог бы узнать, каково это — быть кем-то другим. Сколько проблем мы могли бы решить!

Не помню, что я ему ответил. Три недели спустя я узнал, что выдающийся эколог из Университета Торонто использовала фрагменты моих атмосферных моделей для составления прогноза того,

как экосистемы Земли будут развиваться в условиях неуклонно повышающихся температур. Доктор Эллен Кутлер и ее аспиранты увидели, как тысячи взаимосвязанных видов погибают в серии каскадных волн. Это было не постепенное угасание, а быстрый, как падение в пропасть, крах.

Робби был прав: человечество нуждалось в универсальных общеобязательных курсах нейронной обратной связи, в дополнение к тесту на знание Конституции или экзамену на получение водительских прав. В качестве образца мы могли бы взять собаку, кошку, медведя или даже одну из любимых птиц моего сына. Что угодно, лишь бы оно заставило нас почувствовать, каково это — не быть нами.

Робби уронил стеклянную миску на кухонный плиточный пол. Та разлетелась на осколки. Один порезал его голую пятку, когда он отпрыгнул назад. Год назад мой сын бы расплакался или впал в ярость. Теперь он просто схватился за раненую ступню и поднял ее.

— Ой, блин! Прости, прости!

После того, как мы вымыли и перевязали рану, Робин настоял на том, чтобы убрать беспорядок. Год назад он бы не знал, где найти метлу.

— Впечатляет, Робби. Такое ощущение, что ты полностью пересмотрел правила игры под названием «жизнь».

Он киношным замедленным движением стукнул меня кулаком в живот и рассмеялся.

– Хочешь знать правду? Ну, как бы да, все так. Старый Робин был бы такой: ыыыыы! — Он указал на потолок. — *А новый Робин там, наверху, следит за ходом эксперимента.*

Он сложил пальцы домиком перед лицом. Жест был презабавный: Робби как будто изображал Шерлока Холмса. Словно мы с ним были старыми приятелями, размышляющими о долгой и извилистой дороге, которая привела нас к камину в общей гостиной дома престарелых.

— *Помнишь, как Честер рвал книгу или писал на ковер? Ты не мог по-настоящему разозлиться на него, потому что он был всего лишь собакой, верно?*

Я подождал, пока он закончит свою мысль. Но оказалось, что мысль уже была завершена.

Я привел Робби на последний летний сеанс. К тому времени вся лаборатория была от него в восторге. Джинни дала Робби комиксы и повела меня по коридору, подальше от посторонних ушей. Она стояла, качая головой, не зная, как

излить свои чувства.

— Ваш сын. Просто нет слов. Обожаю его.

Я ухмыльнулся.

— Я тоже.

— Он становится потрясающим. Когда он рядом, я чувствую… даже не знаю, как сказать… — Она посмотрела на меня в растерянности. — Как будто я чуть лучше осознаю себя здесь и сейчас? Он заразен. Вирусный вектор. Мы все чувствуем себя счастливее, когда он с нами. Мы начинаем с нетерпением ждать его за два дня до того, как он придет. — Смущенная, но счастливая Джинни отступила и вернулась к работе.

Я наблюдал за сеансом из аппаратной. Робин стал виртуозом. Его удовольствие было пропорционально легкости, с которой он оживлял экран силой мысли. Он и искусственный интеллект импровизировали дуэтом, гармонично подстраиваясь друг к другу. Я следил со стороны, не в силах расслышать ни одной ноты разворачивающейся симфонии. Робин щурился, хмурился, ухмылялся. Казалось, он болтал с кем-то на языке, у которого было всего два носителя.

Я такое уже видел. Робину было почти семь. Они с Алиссой собирали пазл на складном карточном столике под латунной лампой для чтения. Фраг-

менты были большими и немногочисленными. Али могла бы все собрать сама за две минуты. Но она сдерживалась, медлила, давала подумать сыну, чтобы не испортить вечер. И он отплатил ей многоцветьем детского восторга. Они вдвоем разыгрывали друг друга, сочиняли глупые анатомические описания фрагментов, которые хотели найти, каждый пытался быстрее соперника отыскать нужную деталь в оставшейся, стремительно уменьшающейся кучке. Четыре месяца спустя Али не станет. Тот вечер исчез вместе с ней, пока не вернулся ко мне непрошеным, когда я наблюдал, как Робин снова играет с мамой.

Карриер попросил меня зайти к нему в кабинет. Я сидел за его столом, от Мартина меня отделяла куча распечатанных работ в спиральных переплетах.

— Тео, мне нужно попросить об одолжении.

Этот человек обеспечил мне бесценную бесплатную терапию. Он открыл Робину новый путь и предотвратил бог знает какие катастрофы. В строгом смысле слова это я был у него в долгу.

Карриер поиграл с замысловатой японской деревянной коробкой-головоломкой, которая открывалась только после долгой последовательности заученных действий, похожей на ритуал.

— Кажется, мы получили нечто жизнеспособное. Существенный метод лечения.

Я кивнул и замер, как Честер, когда Али читала ему стихи.

— И ваш сын — наш самый весомый аргумент. Он всегда был высокоэффективным декодером. Но теперь… — Карриер отложил наполовину разобранную головоломку. — Мы хотели бы перейти к обнародованию информации.

— Вы же все это время публиковались, не так ли?

Он улыбнулся мне так, как улыбался мой отец, когда я слишком сильно замахивался и делал неудачный бросок.

— Ну разумеется.

— А конференции? Коллоквиумы?

— Конечно. Однако сейчас мы боремся за сохранение нашего финансирования.

— Да уж, понимаю…

После дюжины славных лет астробиология стала попрошайничать. Но известие о том, что даже практическая наука Карриера стеснена в средствах, меня удивило. Я никогда бы не подумал, что все исследования должны приносить прибыль. С другой стороны, мне и в голову не пришло, что министр образования сократит

финансирование начальных школ, в которых преподавали эволюцию.

Взгляд у Карриера был такой, словно он заранее извинялся.

— Нужно подумать о трансфере технологий, пока есть такая возможность. Наша этого заслуживает.

— Хотите получить лицензию.

— Да, на весь процесс. Как высоко адаптируемый способ терапии многочисленных психологических расстройств.

Но мой сын не страдал расстройством!

— Просто скажите, о чем вы меня просите.

— Мы демонстрируем свою работу на профессиональных собраниях. Для журналистов и людей, работающих в частном секторе. Можем ли мы показать видео с его участием?

Я споткнулся о «частный сектор». Не знаю почему. Все на этой планете было превращено в товар задолго до моего рождения. Карриер не хотел смотреть мне в глаза. Японская коробка-головоломка полностью завладела его вниманием.

— Мы можем использовать видеозаписи сеансов, которые делали с самого начала.

Я не помнил, чтобы он упоминал при мне видео. Должно быть, я согласился на это в той или

иной форме.

— Конечно, его имя мы не назовем. Но мы хотели бы упомянуть, что делает его прогресс таким необычным.

Мальчик учится экстазу у своей умершей матери.

Мой мозг слишком медлителен для поспешных вычислений. Я верил в науку. Я хотел, чтобы Робин был частью чего-то колоссального и полезного. Я хотел, чтобы люди увидели, что с ним происходит. Он сможет стать вирусом благополучия, как сказала Джинни. Но план Мартина вызывал тревогу.

— Это звучит не очень безопасно.

— Мы просто покажем две минуты размытого видео с измененным голосом исследователям и медицинским работникам.

Я почувствовал себя мелочным и суеверным. Хуже того: эгоистичным. Как будто я поел, а теперь отказался платить свою долю по чеку.

— Я могу подумать пару дней?

— Конечно. — Профессор испытал облегчение, явно превосходящее его планы. Он спросил — быть может, чтобы вызвать во мне теплые чувства: — Дома он так же сияет, как и в лаборатории?

— Он блаженный уже несколько недель. Я не помню, когда у него в последний раз был припадок.

— Вы кажетесь озадаченным.

— А разве не должен?

— Только представьте себе, в каком мире он живет.

— Я бы хотел сделать больше, чем просто представить.

Карриер нахмурился, не понимая меня.

— Я бы хотел испытать на себе нейронный фидбек. — Я становился все более и более одержимым этой идеей после каждого сеанса Робина. Мне нужен был доступ к разуму моей покойной жены.

Хмурый взгляд Карриера сменился смущенной улыбкой.

— Извините, Тео. Боюсь, я не сумею оправдать такие затраты. Прямо сейчас мы из кожи вон лезем, чтобы оплачивать положенные эксперименты.

От волнения я начал терять нить разговора.

— Я хотел спросить… Чем больше Робин тренируется, тем больше он похож на Алиссу. То, как он постукивает себя по виску и медленно произносит «на самом деле»… В этом есть нечто жуткое. Он выучил половину птиц, которых знала Али.

Эта мысль позабавила Мартина.

— О, я вас уверяю: он не мог обрести все это благодаря нашим занятиям. Он вообще ничего не может получить от отпечатка ее мозга, кроме ощущения того единственного эмоционального состояния, которому учится подражать.

И все же она обучала его, так или иначе. Я не настаивал. Я почувствовал себя суеверным охотником-собирателем, вовлеченным в магический карго-культ.

— По правде говоря, не уверен, что это эмоциональное состояние действительно отражает ее суть, — проговорил я.

— Экстаз? Думаете, он не свойственен Али?!

Между Мартином и мной пробежала искра. Я постиг истину без какой-либо обратной связи. Мой собеседник отвел взгляд, и я понял. Вся моя стратегия осознанного невежества рухнула, открыв правду, что стояла за подозрением, которое я пестовал уже давно. Дело было не только в моей беспредельной неуверенности: прожив с женой дюжину лет, я так и не понял, какой она была на самом деле. Алисса осталась для меня отдельной планетой.

В тот вечер астрономы всего мира собрали больше информации о Вселенной, чем за первые

два года моей учебы в аспирантуре. Камеры в пятьсот раз больше тех, на которых я обучался, чертили на небе дуги. Межзвездное сознание пробуждалось, и в ходе эволюции у него появились глаза.

Я сидел перед большим изогнутым монитором в своем кабинете, черпая информацию из океанов общепланетарных данных, а мой сын лежал на ковре в другой комнате, просматривая любимые природные объекты на транспондере для исследования планет. Мои встревоженные коллеги со всей страны готовились к войне. Меня тоже завербовали.

В течение восьми лет я создавал миры и живые атмосферы, постепенно собирая то, что мои коллеги-астробиологи назвали Бирновским определителем инопланетян. По сути, это был таксономический каталог всех разновидностей спектроскопических сигнатур, сопоставленных со стадиями и типами возможной внеземной жизни, благодаря которой они могли возникнуть. Чтобы проверить свои модели, я посмотрел на Землю издалека. Я видел нашу атмосферу в виде бледных, нечетких пикселей света, отраженного Луной. Ввел эти пиксели в свои симуляции — и черные линии в их спектрах подвергли испы-

танию точность моих эволюционирующих моделей, помогли настроить их как следует.

Однако дело всей моей жизни оказалось поставлено на паузу. Как и сотни коллег-исследователей, я ждал данных — реальных данных из реальных миров, расположенных где-то далеко. Человечество сделало первый шаг к ответу на вопрос о том, есть ли в космосе жизнь. Но его нога зависла над пустотой.

Телескоп «Кеплер» превзошел наши ожидания. Он заполнял космос новыми планетами, куда бы ни повернулся. Не хватало исследователей, чтобы побыстрее разобраться с мирами-кандидатами, и они тысячами выстраивались в очередь. Теперь мы знали, что планеты земного типа — обычное дело. Их оказалось больше, чем я смел надеяться, и они находились ближе.

И все же «Кеплер» ни одну такую планету не узрел непосредственным образом. Он раскинул широкую сеть, наблюдая за потемнением звезд во многих парсеках от нас, и фиксировал малейшие перемены в их яркости, выраженные в десятках миллионных долей от нормальных значений. Бесконечно малое потускнение светила означало, что между ним и Землей проходит невидимая планета. Этот факт до сих пор вызывает во мне

потрясение: все равно что разглядеть мотылька, ползущего по уличному фонарю, с расстояния в тридцать тысяч миль.

Но «Кеплер» не мог ответить на мой главный вопрос: я хотел знать наверняка, хотел доказать, что во Вселенной есть еще один мир, где существует жизнь. Понятия не имею, почему он так много для меня значил, ведь для большинства людей это не имело ни малейшего значения. Даже Алиссу подобная проблема на самом деле не слишком заботила. В отличие от Робби.

Чтобы точно узнать, способна ли планета дышать, требовались инфракрасные изображения достаточно хорошего качества — только так мы могли получить подробные спектральные «отпечатки» атмосферы. Задача была нам по силам. Еще до рождения Робина — и до встречи с Али — я стал одним из многих исследователей, планирующих космический телескоп, который мог бы воплотить в реальность любую из моих моделей и навсегда решить вопрос, бесплодна Вселенная или жива. Летательный аппарат, который мы лоббировали, был в сто раз мощнее «Хаббла». Лучшие из существующих приборов по сравнению с ним выглядели стариками в темных очках, с собакой-поводырем на поводке.

А еще он означал безумную трату денег и усилий, без малейшей практической пользы для мира. Он бы никого не обогатил в обозримом будущем, не подарил лекарство хоть от одной болезни, не защитил от надвигающегося цунами нашего собственного безумия. Он бы просто ответил на вопрос, который мы, люди, задавали с тех самых пор, как спустились с деревьев: был ли божественный разум и впрямь склонен к сотворению жизни, или человечество появились на свет лишь по нелепой случайности?

В тот вечер наши войска собирались по всему континенту, от Бостона до залива Сан-Франциско. Конгресс грозился сократить финансирование «Искателя планет земного типа». Мои коллеги созвали поспешный кворум — коллективный разум, импровизированный защитник дела, которому мы посвятили всю свою жизнь. Мы устроили телеконференцию — два десятка окошек с видеосвязью и столько же голосовых каналов, работающих то синхронно, то нет. Ораторы высказывались по очереди, и на моем экране проступал облик хрупкого орбитального аппарата, который как будто говорил их устами. Мужчина с пятнами от еды на рубашке не мог смотреть в глаза даже веб-камере. Еще один в

каждую фразу вставлял по меньшей мере одно «ну». Женщина, которая годами работала сиделкой, прежде чем стать одной из величайших охотниц за планетами на Земле. Мужчина, потерявший свое дитя из-за самодельного взрывного устройства в Афганистане. Еще один — он, как и я, начал пьянствовать в четырнадцать лет, но, в отличие от меня, не мог обуздать свои желания даже сейчас.

— Не забывайте, Конгресс дважды угрожал закрыть «Следующее поколение».

— Так все из-за «Поколения», чтоб он провалился! Он уже больше десяти лет высасывает все средства из бюджета.

Космический телескоп «Следующее поколение» был больным местом для моих соратников. Флагманский инструмент опоздал на десяток лет и превысил запланированное финансирование на четыре миллиарда долларов. Конечно, мы все его желали. Но он был теснее связан с космологией, чем с поиском экзопланет. И воровал деньги у всех других проектов.

— Момент для войны за «Искателя» — хуже не придумаешь. Вы видели твит президента?

Конечно, мы все его видели. Но блестящий наблюдатель, зависимый от этанола, почувствовал необходимость опубликовать этот шедевр в окне текстового чата:

Почему мы вливаем все больше денег в БЕЗДОННУЮ ЯМУ, которая никогда не вернет ни ЦЕНТА инвестиций??? Так называемая «наука» должна прекратить выдумывать факты и вываливать их на голову американскому народу!!

— Он играет на руку ксенофобам и изоляционистам. Всем ура-патриотам.

— Вашингтон прислушивается к ура-патриотам. Стране наскучила астрономия.

— Тогда нам, наверное, нужно поехать в Вашингтон и выступить в свою защиту.

У меня все внутри сжалось, когда соратники взялись составлять план сражения. Я не мог выкроить даже свободной минуты для других миссий, кроме той, которой занимался постоянно. И я сомневался, что от поездки в Вашингтон будет толк. «Искатель» был всего лишь еще одним опосредованным сражением в бесконечной гражданской войне, раздирающей Америку. Наша сторона утверждала, что открытие планет земного типа увеличит коллективную мудрость

и эмпатию человечества. Сторонники президента твердили, что мудрость и эмпатия — это коллективистский заговор, добивающийся падения нашего уровня жизни.

Я отвернулся от экрана и заглянул в гостиную. Али сидела в своем любимом кресле-яйце, болтая ногами, как будто уже пришло время выпить бокал вина и подыскать сонет для Честера. Она посмотрела на меня и одарила своей поразительной улыбкой — маленькие белые зубы, широкая розовая линия десен. Она покачала головой, не понимая, как я могу так расстраиваться из-за столь незначительного повода. Я мог бы спросить, любила ли она меня так же сильно, как своего пса. Я мог бы спросить, стоил ли опоссум того, чтобы бросить мужа и ребенка. Но вопрос, который пришел мне на ум — можно ли считать, что я его действительно задал, если разговор шел с призраком? — оказался еще хуже. Али. Он мой?

Как по команде, опытный читатель мыслей появился в дверях кабинета, размахивая своим транспондером.

— Папа, ты не поверишь. Половина американцев думает, что нас уже посетили существа из других миров.

Конференция на моем экране расхохоталась.

Человек, потерявший сына из-за нефти, спросил с другого конца страны:

— Тео, как насчет того, чтобы поговорить кое с кем в Вашингтоне?

Позвонила соседка и сказала, что Робин вышел из дома.

— Он стоит там как вкопанный. Не шевелится. Мне кажется, с ним что-то не так.

Я хотел сказать: «Ну конечно, с ним что-то не так. Он умеет смотреть на мир, в отличие от всех прочих» — но просто поблагодарил за известие. Она всего лишь несла извечную соседскую вахту, следя за тем, чтобы никто не сбился с пути.

Я вышел в сумеречный двор, чтобы отыскать преступника. Он отправился туда до темноты с коробкой мелков, собираясь нарисовать березу, которая все еще щеголяла темно-зеленым нарядом позднего лета. Взял с собой складной табурет для кемпинга. Робин сидел на холодной траве. Я устроился рядом. Джинсы промокли за считаные секунды. Я и забыл, что ночью выпадает роса. Мы вспоминаем о ней только утром.

— Дай взглянуть. — Он отдал мне своего пастельного заложника. И дерево, и рисунок уже стали серыми. — Придется поверить тебе на слово, дружище. Я ничего не вижу.

Его тихий смех затерялся в шорохе листвы.

— *Странно, да? Папа, почему цвет исчезает в темноте?*

Я сказал ему, что причина в наших глазах, а не в природе света. Робби кивнул, как будто уже пришел к такому же выводу. Он не сводил глаз с выдыхающего дерева. А еще поднял руки к лицу и ощупывал что-то невидимое в воздухе, как будто искал там потайные отделения пространства.

— *А вот еще более странная штука. Чем темнее становится, тем лучше я вижу краем глаза.*

Я проверил; Робби был прав. В памяти всплыло расплывчатое объяснение: по краям сетчатки больше палочек.

— Можем устроить на эту тему славную охоту за сокровищами.

Нет, его интересовал лишь сам факт необычных ощущений.

— Робби… Доктор Карриер спрашивает, можно ли показать видео с твоими сеансами другим людям.

Я уклонялся от ответа на этот вопрос в течение двух дней. Мне была ненавистна мысль о том, что чужаки будут оценивать перемены в Робине. Я ненавидел Карриера за то, что он уничтожил мои воспоминания об Али. Теперь профессор

заполучил моего сына.

Я лег спиной на мокрую траву. Я не испытывал к Карриеру ничего, кроме враждебности. И все же чувствовал колоссальную обязанность, невыразимую словами. Ни один хороший родитель не превратил бы своего ребенка в товар. Однако десять тысяч детей с таким же взглядом на мир, как у Робина, могли бы научить нас жить на Земле.

Он повернулся лицом к дереву, все еще экспериментируя, наблюдая за мной краем глаза.

— *Каким другим людям?*

— Журналистам. Медикам. Людям, которые могли бы создать центры нейронной обратной связи по всей стране.

— *Ты имеешь в виду бизнесменов? Или он хочет помогать тем, кто в этом нуждается?*

— Хотел бы я знать.

— *Потому что… ну, папа, ты же понимаешь. Он помог мне. Очень. И он вернул маму.*

Какое-то крупное земляное беспозвоночное вцепилось жвалами в заднюю часть моей икры. Робин вонзил ногти в почву и вытащил десять тысяч видов бактерий, завернутых в тридцать миль грибковых нитей. Выбросил пригоршню грязи, отряхнул ладошки и опустился на траву, чтобы лечь рядом со мной. Он положил голову

на мою руку, как на подушку. Долгое время мы просто смотрели на звезды — все видимые и половину невидимых.

— *Папа. Я просыпаюсь. Как будто я внутри всего. Ты только посмотри, где мы находимся! Посмотри на это дерево. На траву!*

Али часто заявляла — мне, законодателям штата, своим коллегам и подписчикам блога, всем, кто готов был слушать, — что если бы небольшая, но критическая масса людей вновь обрела чувство взаимного родства, *экономика* превратилась бы в *экологию*. Мы бы возжелали иного. Мы бы превзошли свои границы и отыскали свое предназначение.

Я указал на свое любимое созвездие позднего лета. Прежде чем я успел назвать его, Робин сказал:

— *Лира. Это такая штука типа арфы?*

Было трудно кивнуть, лежа на земле. Робин указал на дальний край небосвода и восходящую Луну.

— Ты сказал, что свет добирается оттуда сюда почти мгновенно. Значит, все люди, которые смотрят на Луну, видят одно и то же одновременно. Мы могли бы использовать ее как гигантский оптический телеграф, если когда-нибудь рас-

станемся.

Похоже, он опять умчался в недоступные мне дали.

— Значит, ты не против, если доктор Карриер покажет людям видео с твоим участием?

Я ощутил бицепсом, как он пожал плечами.

— Ну, оно же не моя собственность. Наверное, оно принадлежит всем.

Али была рядом — лежала, положив голову на мою другую руку. Я не попытался ее стряхнуть. *«Умный мальчик»,* — сказала моя жена.

– Помнишь, как сильно мама любила это дерево? — В течение двух лет Робби спрашивал меня, какой была Али. Теперь он сам делился со мной воспоминаниями. — *Она называла его Пансионом. Говорила, что в нем обитают бессчетные виды существ.*

Я посмотрел на его мать в поисках подтверждения, но Али уже ушла. В нескольких футах от нас в воздухе вспыхнули огоньки — последние светлячки сезона. Робин ахнул. Мы замерли, наблюдая за тем, как они то загораются, то гаснут. Жуки дрейфовали в летней темноте, скапливаясь лентами, как будто межзвездные десантные корабли со всех планет, которые мы когда-либо посещали, устроили массовое вторжение на наш

задний двор.

Я позвонил Мартину Карриеру.

— Используйте видео. Но его лицо должно быть полностью скрыто.

— Это я вам обещаю.

— Если это каким-то образом отразится на нашей жизни, вы лично ответите.

— Я понимаю. Спасибо, Тео.

Я отключился. По крайней мере, мне удалось сдержать ругательства до того момента, когда связь прервалась.

На этом позднем этапе мировой истории все было связано с маркетингом. Университеты должны были создавать свои бренды. Каждый акт благотворительности сопровождался фанфарами. Дружеские отношения теперь измерялись в репостах, лайках и ссылках. Поэты и священники, философы и отцы маленьких детей — мы все оказались во власти бесконечной, безудержной суеты. Конечно, наука должна была заниматься рекламой. Поздновато я избавился от наивности.

По крайней мере, Карриер был достойным продавцом. Он представил свои результаты заинтересованным сторонам, не искажая данные. Без утайки отобразил пределы клинического применения методики, но в то же время очертил

впечатляющие границы ее возможностей. Наш мир пристрастился к улучшениям, и потому журналистам понравились осторожные намеки профессора на грядущий золотой век.

К октябрю в популярных СМИ начали появляться материалы о лаборатории Карриера. Мы с Робином смотрели его выступление в шоу «Новости технологии». Я видел статьи в «Научных новинках», «Еженедельном прорыве» и «Психологии сегодня». В каждом отдельном случае он выглядел немного другим человеком, как будто подстраиваясь под собеседника.

Затем появилась статья на полстраницы в «Таймс». В ней Карриер изображался оптимистичным, но осмотрительным ученым. На фотографии, где он сидел рядом с машиной, которая так часто сканировала чувства Робина в режиме реального времени, была подпись: «Мозг — это запутанная сеть сетей. Мы никогда не нанесем его на карту полностью». Профессор подпирал подбородок кулаком.

В статье Карриер представил декодированный нейрофидбек наследником классической психотерапии, «только намного быстрее и эффективнее». Внушительные цифры подтверждали его утверждения о надежности методики. Он пре-

уменьшил значение эмоциональной телепатии. «Лучше всего сравнивать с эффектом мощного произведения искусства». Тем не менее, карриеровское описание ДекНефа включало в себя ровно столько подробностей, сколько требовалось для того, чтобы он вошел в моду.

Благополучие подобно вирусу. Один уверенный в себе человек, который в этом мире чувствует себя как дома, может заразить десятки других. Разве вам не хотелось бы увидеть эпидемию инфекционного благополучия?

Под давлением журналиста Карриер заявил: «Для такого, скорее всего, потребуется куда меньше людей, чем вы могли бы предположить».

Наряду с допустимыми отклонениями, p-величинами и утверждениями о терапевтических преимуществах, Карриер обычно упоминал дразнящий фрагмент данных на конце кривой: есть один девятилетний мальчик, который начал эксперимент живым сгустком ярости и закончил юным Буддой. Иногда Карриер говорил о том, что мальчик потерял мать. Иногда — о том, что он боролся с предшествующими эмоциональными расстройствами. Иногда речь шла просто о «мальчике», страдающем от неопределенных

«проблем». Затем показывали видео: полминуты размытого Робина, разговаривающего с экспериментаторами в день первого сеанса, сорок пять секунд тренировки внутри томографа и еще минута год спустя — беседа с его драгоценной Джинни. Впервые увидев смонтированный ролик, я ахнул. То, как мой сын держался и вел себя, как звучал его голос… словно пациент до и после какой-то экспериментальной иммунотерапии. Он стал совсем другим человеком. Он едва ли принадлежал к тому же виду млекопитающих.

Где бы Карриер ни представлял этот ролик, он всегда становился кульминацией выступления. Профессор показал видео шестистам зрителям на ежегодной конференции Американской ассоциации общественного здравоохранения. На приеме после беседы он рассказал группе терапевтов еще более удивительную историю, стоящую за удивительным видео. И вот тогда будущее Робина начало от меня ускользать.

Я устроил ему охоту за сокровищами вдоль Миссисипи. Представьте себя каплей воды, которая проделала путь от ледникового озера в Миннесоте до Луизианы и Мексиканского залива. Мимо каких штатов вы бы проплыли? Какие рыбы и растения могли бы вам повстречаться?

Какие достопримечательности и звуки вы бы увидели и услышали по дороге? Затея казалась достаточно невинной — тридцать лет назад я бы и сам мог получить такое домашнее задание. Но тридцать лет назад это была другая река.

Как часто случалось в те дни, Робин слегка перегнул палку. Охота за сокровищами превратилась в недельную экскурсию. Он рисовал карты и схемы, делал эскизы лодок, барж и мостов, целые подводные сцены, изобилующие экзотическими обитателями. Через несколько дней он появился рядом с моим столом в кабинете, протягивая покрытый эмалевой краской планшет, на котором проводил свои исследования.

— *Запрашиваю обновление транспондера.*

— А что с ним не так?

— *Ну, папа. Ты называешь его «планетарным», но на самом деле это просто маленький браузер для детишек. Он меня никуда не пускает.*

— Куда ты хочешь попасть?

Он рассказал мне, что ищет и как найдет.

— Хорошо. Сегодня используй логин «Тео». Но вернись в свой собственный профиль, когда закончишь.

— *Урашеньки! Ты лучше всех. Я всегда так говорил. Какой пароль?*

— Любимая птица твоей матери. Но летящая задом наперед.

В его взгляде отразилась жалость ко мне за то, что я выбрал такой очевидный секрет. Так или иначе, он вернулся к работе в полном восторге.

А вот когда мы воссоединились за ужином, Робин выглядел подавленным. Мне пришлось его разговорить.

— Ну как там жизнь на Миссисипи?

Он зачерпнул ложкой немного томатного супа у дальнего края тарелки.

— *Вообще-то не слишком хорошо.*

— Рассказывай.

— *Все довольно плохо, пап. Точно хочешь знать?*

— Я справлюсь.

— *Я не знаю, с чего начать. Например, больше половины наших перелетных птиц нуждаются в реке, но утрачивают свою среду обитания. Ты знал об этом? Химикаты, которые фермеры распыляют на полях, попадают в реку, и амфибии мутируют. И еще лекарства, они попадают в канализацию, когда люди писают и какают… Рыба напичкана всякой химией. В реке даже больше нельзя плавать! И что в итоге? В дельте? Тысячи квадратных миль мертвой зоны.*

Лицо Робби заставило меня пожалеть, что я дал ему свой пароль. Как настоящие учителя справлялись с этим? Как у них получалось устраивать экскурсии по реке, не подделывая данные и не игнорируя очевидное? Мир стал негодным для того, чтобы открывать его школьнику.

Он положил подбородок на руку, лежащую на столе.

— Я это на самом деле еще не проверил, но… с другими реками, вероятно, дела обстоят так же плохо.

Я обошел стол и встал за его стулом. Наклонился, обнял его за плечи. Он не поднял глаз.

— Люди об этом знают?

— Думаю, да. В основном.

— И ничего не делают, потому что…

Стандартный ответ — «Все дело в экономике» — был безумием. Я пропустил кое-что важное в обучении. Мне все еще чего-то не хватало. Я погладил его по макушке. Где-то под моими движущимися пальцами были те клетки, которые изменила обратная связь.

— Я не знаю, что сказать, Робин. Хотел бы знать.

Он нащупал мою руку.

— Все в порядке, папа. Это не твоя вина.

Я был почти уверен, что он ошибался.

— *Мы ведь всего лишь эксперимент, верно? И ты всегда говоришь, что эксперимент с отрицательным результатом не является неудачным экспериментом.*

— Нет, — согласился я. — Можно многому научиться на отрицательных результатах.

Он встал, полный энергии, готовый закончить свой проект.

— *Не волнуйся, папа. Может, мы и не поймем, что к чему. Но Земля поймет.*

Я рассказал ему о планете Миос, которая процветала за миллиард лет до появления человечества. Жители Миоса построили корабль для дальних, длительных исследовательских экспедиций и наполнили его разумными машинами. Этот корабль пролетел сотни парсеков, пока не нашел планету, полную сырья, где приземлился, обосновался, осуществил ремонт и скопировал себя и всю свою команду. Затем два одинаковых корабля отправились в разные стороны еще на сотни парсеков, пока не нашли новые планеты, где снова повторили весь цикл.

– *Как долго это длилось?* — спросил мой сын.

Я пожал плечами.

— Их ничто не могло остановить.

— Они что, искали места для вторжения или что-то в этом роде?

— Может быть.

— И они продолжали делиться? Их, должно быть, миллион!

— Да, — сказал я ему. — Потом два миллиона. Затем четыре.

— Святые сосиски! Так они должны быть повсюду!

— Космос велик, — сказал я.

— Корабли посылали донесения на Миос?

— Да, хотя сообщения шли все дольше и дольше. И корабли продолжали их слать, даже после того, как Миос перестал отвечать.

— Что случилось с Миосом?

— Корабли так и не узнали.

— Они продолжали странствовать, даже несмотря на то что Миос исчез?

— Так их запрограммировали.

Мой сын призадумался.

— Очень печально. — Он сел в постели и толкнул рукой что-то невидимое. *— Но им все-таки повезло, папа. Столько всего увидели…*

— Они видели планеты с атмосферой из водорода и кислорода, неона и азота, водные миры, кремниевые и железные миры, а также шары из

жидкого гелия с сердцевиной из алмазов в триллион карат. Всегда находились новые планеты. И они всегда были не похожи друг на друга. Так прошел миллиард лет.

– *Это много,* — сказал мой сын. — *Может быть, этого достаточно. Даже если Миос исчез.*

— Они делились, копировали себя и распространялись по галактике, как будто у них все еще была на то причина. Один из пра-пра-пра-пра-правнуков изначального корабля приземлился на скалистой планете с мелкими морями, в маленькой, странной звездной системе, вращающейся вокруг звезды G-класса.

— *Ну пап, просто скажи, что это была… Земля?*

— Корабль приземлился на плоской равнине среди беспорядочно расположенных, колышущихся, высоченных сооружений, более сложных, чем все, что уже повидал экипаж. Замысловатые, трепещущие конструкции отражали свет на разных частотах. У многих верхушки выглядели удивительно и резонировали на более низких частотах…

— *Погоди. Растения? Цветы. Ты хочешь сказать, корабли микроскопические?*

Я не стал отрицать. Робби казался в равной

степени скептичным и очарованным.

— *Что потом?*

— Команда корабля долгое время изучала гигантские колышущиеся цветы, зеленые, красные и желтые. Пришельцы с Миоса не смогли понять, что это за штуки и как работают. Они видели, как пчелы залетают в цветы, а цветы следят за солнцем. Они видели, как цветы увядают и превращаются в семена. Они видели, как семена падают и прорастают.

Мой сын поднял руку, чтобы остановить рассказ.

— *Если бы они все поняли, папа, оно бы их убило. Они бы подключились к коммуникатору и передали всем остальным кораблям с Миоса — по всей галактике, — чтобы те вырубились насовсем.*

От его слов у меня по коже пробежали мурашки. Я планировал другой конец.

— Почему ты так говоришь?

— *Потому что они бы осознали главное. У цветов есть цель, а у кораблей — нет…*

Я брал его с собой в кампус в те дни, когда преподавал. Он раскладывал свои книги на столе в кабинете, и пока я читал лекции или участвовал в заседаниях, Робин учился делению в столбик, решал арифметические задачи, расшифровывал

стихи и узнавал, почему деревья за окном кабинета стали морковно-золотыми. Он больше не учился. Он просто играл с фактами и наслаждался происходящим.

Аспиранты любили заниматься с ним. Однажды октябрьским утром я пришел в кабинет после затянувшегося семинара и застал Вив Бриттен, которая работала над локальным кризисом, связанным с моделью Лямбда-CDM, сидящей за столом напротив моего сына, держась за голову.

— Босс. Задумывались ли вы когда-нибудь о том, что происходит внутри зеленого листочка? Нет, серьезно? Просто охренеть…

Робин ухмыльнулся, довольный учиненным хаосом.

— *Эй! Плохое слово!*

— Чего? — откликнулась Вив. — Я сказала «охранять». В смысле, охранять надо такие мозги, как у тебя.

Вив была права, абсолютно права. Зеленая Земля была в ударе, она окутывала себя атмосферой и создавала больше форм, чем ей когда-либо могло понадобиться. А Робин делал заметки.

За обедом мы сидели на берегу озера, наблюдали за рыбой. Робби узнал, что поляризованные солнцезащитные очки позволяют заглянуть в

совершенно новый чужой мир под зеркальной поверхностью. Мы, как загипнотизированные, смотрели на косяк трехдюймовых разумных существ, когда в четырех футах за моей спиной раздался чей-то голос.

— Теодор Бирн?

Женщина примерно моих лет стояла, прижимая к груди матово-серебристый ноутбук. На ней было изрядное количество бижутерии из бирюзы, а складки серой блузки ниспадали поверх обтягивающих джинсов. Ее сдержанное контральто не соответствовало дерзости поступка.

— Простите. Мы знакомы?

Улыбка незнакомки выражала смущение и изумление одновременно. Она повернулась к моему сыну, который затеял любимый анимистический ритуал: поглаживал бутерброд с миндальным маслом, собираясь его съесть.

— Ты, должно быть, Робин!

От дурных предчувствий шею обдала жаром волна тепла. Прежде чем я успел спросить, чего она хочет, Робин сказал:

— *Вы похожи на мою маму.*

Женщина искоса посмотрела на него и рассмеялась. Наши с Алиссой предки тоже были выходцами из Африки, только они попали сюда

гораздо раньше. Незнакомка снова повернулась ко мне.

— Извините за беспокойство. У вас найдется минутка?

Я хотел спросить: «Минутка для чего именно?» Но мой сын, обученный экстазу, сказал:

— У нас есть миллион минут. Прямо сейчас — рыбное время.

Она протянула мне визитную карточку, испещренную шрифтами и цветными пятнами.

— Я Ди Рейми, продюсер «Ова Нова».

Это был канал с несколькими сотнями тысяч подписчиков; кое-какие видео с него набрали по миллиону просмотров. Я не посмотрел ни минуты из того, что они снимали, но знал, что собой представляет «Ова Нова».

Ди Рейми повернулась к Робину.

— Я видела тебя в учебных роликах профессора Карриера. Ты потрясающий.

— Кто вам о нас рассказал? — Я не смог сдержать гнев в голосе.

— Мы хорошо потрудились.

До меня дошло. Для парня, выросшего на научной фантастике, я был удивительно наивен в отношении того, на что способны искусственный интеллект, распознавание лиц, перекрестная

фильтрация, здравый смысл и быстрое погружение в совокупный мозг планеты. Наконец-то я избавился от глупой вежливости.

— Чего тебе надо?

Моя грубость по отношению к незнакомке потрясла Робина. Он продолжал поглаживать свой бутерброд, чересчур сильно и быстро.

— «Ова Нова», пап. Они сняли ту историю о парне, который позволил мушке вылупиться под кожей на своем плече.

Ди Рейми восхитилась:

— Ого, ты смотришь нас!

— Только те видео, которые о том, как крут мир.

— Ну что ж! Мы думаем, то, что с тобой происходит, — одна из самых крутых вещей, которые нам доводилось видеть.

Робин посмотрел на меня, ожидая объяснений. Я ответил пристальным взглядом. Осознание отразилось на его лице. Инфлюенсеры хотели, чтобы он снялся в идеальном трехминутном эпизоде, который мог бы заработать миллион лайков от незнакомцев по всему миру: «Мальчик воскрес благодаря мозгу своей мертвой матери». Или, может быть, наоборот.

Жизнь состоит из накопленных ошибок. К тому

времени, когда появилась Ди Рейми с планом превратить моего сына в гвоздь программы, я потерял счет своим родительским неудачам.

Робин подумал, что будет забавно встать в один ряд с другими причудливыми обитателями Земли. Он изложил мне свои доводы за мороженым через несколько часов после того, как я отправил Ди Рейми восвояси.

— Пап, ну честное слово, подумай об этом. Я так долго был очень несчастным. А теперь все изменилось. Вдруг кому-то нужно об этом узнать? Будет познавательно. Ты же любишь учить новому, пап. И к тому же это крутое шоу.

Два дня спустя Ди Рейми позвонила мне.

— Вы не понимаете моего сына, — сказал я ей. — Он… необычный. Я не могу допустить, чтобы он превратился в экспонат выставки.

— Он не будет экспонатом. Он будет объектом аргументированного интереса, к нему будут относиться с уважением. Вы можете присутствовать на съемках. Мы будем избегать всего, что доставляет вам неудобства.

— Простите. Он особенный ребенок. Ему нужна защита.

— Я понимаю. Но вы должны знать, что мы собираемся снять фильм, независимо от того,

хотите вы принять в нем участие или нет. Мы используем все уже имеющиеся материалы любым удобным для нас способом. Мы даем вам шанс принять участие и высказать свое мнение.

Смартфон — настоящее чудо, превратившее каждого из нас в бога. Но в одном простом отношении он примитивен: нынче невозможно взять и бросить трубку.

Формально мой сын оставался анонимным. Но то, что обнаружили исследователи «Ова Нова», вскоре могли узнать и другие. Я совершил ошибку, и бездействие могло ее лишь усугубить. По крайней мере, я все еще мог попытаться проконтролировать то, каким образом эта история станет достоянием общественности. Через два дня, когда мой гнев утих, я позвонил Ди Рейми.

— Я хочу решающий голос при одобрении окончательного монтажа.

— Вы его получите.

— Я не разрешаю вам использовать его настоящее имя или какие-то другие факты, которые облегчат его идентификацию.

— Договорились.

Мой сын был проблемным мальчиком, которому причиняло боль то, чего не видел охваченный эпидемией сомнамбулизма мир. Необычная

терапия сделала Робби немного счастливее. Возможно, лучше пусть он предстанет перед камерой таким, какой есть, чем «Ова Нова» сотворит сенсацию из клипов Карриера, сопроводив их торгашеским трепом.

Робин пристроился рядом на диване в гостиной, свернувшись калачиком у меня под мышкой, и все объяснил мне тем вечером, когда мы решили остаться на Земле.

— Ты же слышал, что говорил доктор Карриер. Возможно, это принесет пользу.

Я не понимал, что происходит с Робином, пока не увидел предварительный монтаж. В этом видео его зовут Джей[16]. Он входит в кадр, и кадр оживает. Он поворачивается, чтобы посмотреть на уток, серых белок и липы вдоль озера, и его взгляд превращает их в инопланетян, которых камера может оценить непредвзято.

Затем он лежит в трубе МРТ в лаборатории Карриера, силой мысли перемещая фигуры на экране. Его лицо круглое и открытое, но немного озорное; он доволен своим мастерством. Голос Ди Рейми за кадром объясняет, как Джей учится соответствовать набору чужих, замороженных

---

[16] Сноски: 16
Jay, jaybird — сойка (*англ.*).

чувств, положенных на хранение много лет назад. Но ее объяснение не относится к делу. Он ребенок, увлеченный процессом творения.

Затем он сидит напротив Ди Рейми, на скамейке под раскидистой ивой.

— Но что же ты чувствуешь? — спрашивает она.

Нос и рот Джея слегка подергиваются. Он взволнованно жестикулирует, начиная объяснять.

— *Знаете, как бывает, когда поёшь хорошую песню с людьми, которые тебе нравятся? Люди поют по-разному, но хорошо звучат вместе?*

Журналистка на полминуты делается печальной. Может быть, пытается вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как она в последний раз пела вместе с друзьями.

— Ты как будто разговариваешь с мамой?

Он хмурит брови; ему не очень-то нравится этот вопрос.

— *Никто ничего не говорит вслух, если вы это имеете в виду.*

— Но ты можешь чувствовать ее? Ты понимаешь, что это она?

Он пожимает плечами. Я вижу Робина старого образца.

— *Я понимаю, что это мы.*

— Ты чувствуешь, что она там, с тобой? Когда ты тренируешься?

Голова Робина поворачивается, как цветок на стебле. Он видит что-то слишком колоссальное, чтобы сказать об этом журналистке. Он поднимает руку над головой, хватается за нижние ветви ивы и позволяет им проскользнуть сквозь пальцы.

— *Она здесь прямо сейчас.*

Видео мигает, обрывается.

Они прогуливаются по берегу озера. Ди Рейми заводит руку за спину, как будто она врач, сообщающая деликатные, но не катастрофические новости.

— Тебе, должно быть, было так больно, — говорит она.

Мне опять хочется заорать на нее. Но Джей внимает миру, а не журналистке.

— Когда началась боль? Когда ушла твоя мама или раньше?

Он хмурится, услышав слово «ушла». Но все схватывает на лету.

— *Моя мама не ушла. Она умерла.*

Ди Рейми спотыкается и останавливается. Может, его слова ошеломляют ее, заставляя слушать. Может, будоражат, их странность обещает еще

пару тысяч лайков. Может, я слишком жесток.

— Но ты научился подстраиваться под паттерны ее мозговой активности. Теперь ее часть внутри тебя, верно?

Он улыбается и качает головой, но не в знак несогласия. Он уже знает, что взрослым невдомек, как все устроено. Протягивает руки к траве, небу, дубам и липам, окаймляющим озеро. Взмахивает ими, словно желая охватить и наш далекий, невидимый район, университет, дома наших друзей, Капитолий и штаты за пределами Висконсина.

— *Все внутри всех.*

Запись прерывается, дальше следуют ролики, снятые в начале его тренировок. На экране какой-то другой мальчик, он сгорбился на пластиковом стуле, отвечает на вопросы уклончиво, монотонным голосом. Прикусывает губу и рычит, когда что-то не получается. Вокруг него повсюду враги. Затем отрывки, где он рисует, пребывая в восторге от линий и цветов. Я смотрел это видео столько раз, что не счесть. Тысяча просмотров на моей совести. И все равно эти два мальчика бок о бок потрясают меня до глубины души.

И снова Джей с Ди Рейми у озера.

— Ты казался таким обиженным и злым.

— *Многие люди обижены и злы.*

— Но ты больше не такой?

Он хихикает; поразительный контраст с мальчиком в клипах Карриера.

— *Нет. Больше нет.*

На скамейке под деревьями Ди Рейми держит на коленях один из его блокнотов и переворачивает страницы. Он объясняет рисунки.

— *Это кольчатый червь. Крутое существо, ага? Это офиура. А вот эти создания — водяные медведи. Также известны как тихоходки. Они могут выжить в открытом космосе. Серьезно. Они могли бы полететь на Марс.*

Переход к съемке средним планом, Джей ведет Ди Рейми по тропинке, чтобы кое-что показать. Камера приближается для крупного плана: клумба с растениями, чьи округлые листья с зубцами усеяны крошечными капельками после утреннего дождя. Он указывает на стручки, все еще свисающие со стеблей.

— Обхватите один стручок вот так. Осторожно! Не сжимайте!

Как будто рассказывает анекдот и ему не терпится дойти до кульминационной реплики. Ди взвизгивает от изумления, когда прикосновение ее сложенных чашечкой рук заставляет стручок

лопнуть: на ее ладонях после взрыва остаются странные зеленые спирали.

— Ух ты! Что это такое?

— *С ума сойти, да? Бальзамин. Семена съедобные!*

Он перебирает стимпанковые завитушки, извлекает бледно-зеленое зернышко. Ди Рейми гримасничает на камеру — «Надеюсь, ты прав!» — и засовывает его в рот. Она явно удивлена.

— М-м. Пальчики оближешь!

Я не помню, чтобы когда-нибудь рассказывал сыну об этом растении. Зато помню тот день, когда узнал про него от женщины, которая стала его матерью. Прошедшие с тех пор годы лежат, как шрапнель, на моей раскрытой ладони.

В видео мой сын никогда не упоминает другое название растения: недотрога[17]. Он говорит лишь одно:

— *Тут много вкусненького, просто надо знать, где искать.*

– *Все сломлены*, — говорит Джей.

Они с Ди Рейми сидят на пляже, устроившись на перевернутом каяке, и наблюдают, как одино-

---

[17] Сноски: 17

Touch-me-not (англ.), или *noli me tangere (лат.)*. Возможно, здесь кроется отсылка к одноименному евангельскому сюжету о Марии Магдалине, которая первой узрела Иисуса Христа после того, как он воскрес.

кое низкое солнце растекается красками заката. Две лодки на всех парусах скользят рядом друг с другом, стремясь вернуться к причалу до того, как погаснет свет.

— *Вот почему мы разрушаем всю планету.*

— Мы разрушаем ее?

— *И притворяемся, что это не так — вы только что именно это и сделали.* — Стыд на ее лице проявляется только в стоп-кадре. — *Все знают, что происходит. Но мы предпочитаем отворачиваться.*

Она ждет, пока он уточнит. Объяснит, что не так с людьми и что может их исцелить.

Джей говорит:

— *Жаль, у меня нет солнцезащитных очков.*

Она смеется.

— Зачем?

Он указывает в сторону озера.

— *Там есть рыба! В темных очках мы могли бы ее увидеть. Вы когда-нибудь видели обыкновенную щуку?*

— Я не знаю.

Его лицо омрачается от непонимания.

— *Вы бы знали. Щуку ни с чем не перепутаешь.*

Пара с двумя маленькими детьми прогуливается по пляжу рядом с ними. Джей приветствует их

с энтузиазмом.

Он забыл о съемочной группе. От удовольствия размахивает руками, как мельница. Родители улыбаются, когда Джей указывает на три вида уток и подражает их крикам. Он рассказывает о дафниях и других водных ракообразных. Он показывает, как искать песчаных блох. Маленькие мальчик и девочка ловят каждое его слово.

Время ускоряется, наступают сумерки. Тихонько звучит музыкальная тема шоу. Джей и его новая лучшая подруга снова сидят на перевернутой лодке. Огни города мерцают вокруг них кольцом.

— *Мой папа — астробиолог,* — говорит Джей. — *Он ищет жизнь наверху. Она либо нигде, либо повсюду. Кого бы вы хотели там увидеть?*

Ди Рейми смотрит туда, куда он указывает, — в темное небо. Выражение ее лица меняется, как будто она пытается соответствовать шаблону чувства, которое не может распознать при помощи увиденного и подыскать для него нужное слово. Может быть, она размышляет о том, как нарушить обещание, сохранив эти последние слова в итоговом ролике. Они слишком хороши, чтобы думать о такой мелочи, как этика.

Лицо Ди Рейми в кадре обращено к небу, а ее

же голос за кадром произносит:

— Большинство из нас думают, что мы одни во Вселенной. Но Джей придерживается другого мнения.

Ракурс меняется, и на экране снова Робби: смотрит на нее с той же неразборчивой любовью, которую он испытывал ко всем в тот короткий промежуток времени. Его лицо как будто светится изнутри. Ди Рейми опять смотрит на него покровительственно, ее улыбка в сумерках кажется помятой. Ее более позднее «я» продолжает говорить, в то время как то, что на экране, остается немым.

— Проводить время с Джеем — значит повсюду видеть родственников, участвовать в гигантском эксперименте, который не заканчивается на тебе, и чувствовать любовь, над которой не властна могила. Я, например, хотела бы испытать эту обратную связь.

Но последнее слово остается за Робином.

— *Я серьезно,* — говорит он и улыбается, чтобы ее подбодрить. — *Какая жизнь, по-вашему, была бы круче всех?*

Карриер позвонил через неделю после того, как «Ова Нова» опубликовали видео. Его голос скользил по эмоциональному цветовому кругу.

— Ваш мальчик завирусился.

— О чем вы говорите? Что случилось? — Я подумал, что на одном из снимков Робби обнаружилась какая-то инфекция мозга.

— Мы получили запросы от полудюжины компаний с трех разных континентов. Это не считая всех людей, которые хотят записаться на сеансы.

Я перебрал множество вариантов ответа, пока не сделал выбор:

— Как же я вас ненавижу.

Последовало молчание, скорее задумчивое, чем неловкое. Потом Карриер, должно быть, решил, что я иронизирую. Он перешел к делу, как будто я ничего не сказал, и поведал мне обо всем, что произошло за последние несколько дней.

«Ова Нова» выложила видео как часть подборки под названием «Снова конец света. Ну что на этот раз?». Подборку сопроводили масштабной кампанией в социальных сетях. Другие группы подхватили новость; хотя бы для того, чтобы выполнить свою ежедневную норму постов. Видео с участием Робби попало в стробирующую зону внимания какой-то инфлюэнсерши. У этой женщины был свой собственный прибыльный канал, где она выкладывала видео о том, как путешествовала по всему миру, помогая людям

избавиться от ненужных вещей. Множество бедолаг были зависимы от ее милосердной жестокости, и два с половиной миллиона дружили с нею в соцсетях. Инфлюэнсерша опубликовала ссылку с изображением Робби, который прикрывал ладонями стручок недотроги. Подпись гласила:

> Если вы с утра еще НИ РАЗУ не пропустили свое сердце через мясорубку, попробуйте это.

За приглашением следовало несколько загадочных смайликов. Прочие инфлюэнсеры и обычные юзеры растащили ее пост по своим страницам, и в результате всплеск нагрузки привел к тому, что серверы «Ова Нова» вырубились на час. Ничто так не подстегивает интерес к бесплатному контенту, как кратковременный отказ в доступе.

По словам Карриера настоящее цунами в соцсетях началось во вторник-среду. В четверг и пятницу подтянулись широкие массы, а в выходные — опоздавшие на вечеринку. Очевидно, кто-то скачал видео и загрузил его на пару архивных сайтов. Кто-то другой вырезал сцену с Робином и пропустил через фильтр, отчего жуткие слова зазвучали еще более жутко. Люди

использовали их на досках объявлений, в чатах и текстовых сообщениях, в качестве подписи в почте…

Я держал телефон одной рукой, а другой набрал поисковый запрос на планшете. Три обыкновенных слова в кавычках, и вот он, Робби — гость из далекой-предалекой галактики.

— Какого хрена…

Из комнаты Робби донесся смех.

— *Я слышал!*

— И что вы предлагаете мне с этим делать? Что я должен ему сказать?

— Тео. Дело в том, что мы также получаем известия от журналистов.

Значит, они будут на моем крыльце через считаные секунды.

— Нет, — сказал я и чуть не сплюнул. — Ни за что. Хватит с меня. Мы больше ни с кем не разговариваем.

— Отлично. На самом деле я именно это и хотел вам посоветовать.

Карриер казался почти спокойным. Строго говоря, он мог извлечь огромную выгоду из этой внезапной мании. В отличие от Робина.

Я не мог осознать, насколько велика наша беда. Я надеялся, что эта вирусная история закончится

так же быстро, как и началась. Большинство людей, которые лайкали и постили видео, вероятно, даже не потрудились досмотреть его до конца. Это просто новая мода, и до конца дня нужно было лайкнуть и перепостить еще энное количество роликов.

Но хоть Карриер и просил не переживать, по всей планете прокатывались волны электромагнитного излучения, внутри которых происходили массовые каскады битов, исправляющих ошибки. Они взмывали вертикальными гейзерами на 35 786 километров и падали обратно со скоростью 300 миллионов метров в секунду. Они струились пучками параллельного света по оптоволоконным кабелям только для того, чтобы разлететься по радио, следуя капризам десятков миллионов пальцев на выпасе, бередящих электроны в сотнях миллионах точек на емкостных сенсорных экранах в несколько дюймов высотой. Потоки с участием Робина были крошечным фрагментом в отчаянных поисках развлечения, которыми занималась целая раса. На фоне цифрового фуража, произведенного и потребленного в тот день, несколько сотен миллиардов битов информации были все равно что семечко на поверхности клубники в конце обеда из восьми блюд. Однако эти

биты были моим сыном, и, собранные воедино, они содержали запись его лица поздним вечером на берегу озера, где он сказал незнакомке: «*Все внутри всех*».

— Сохраняйте спокойствие, — сказал Карриер. — Посмотрим, чем все закончится.

Вешать трубку при разговоре с ним каждый раз было все легче.

В Мадисон прибыл COG. Они уже приезжали раньше, несколько лет назад. В тот раз записали мое краткое выступление об использовании спектральных линий поглощения, возникающих при прохождении света через атмосферу, с целью обнаружения жизни на расстоянии квадриллиона миль. С тех пор COG превратился из поэтического слэма для ученых в главный способ, посредством которого остальной мир узнавал о научных исследованиях.

Каждое выступление происходило перед живой аудиторией и длилось меньше пяти минут. Ролики с самым высоким количеством просмотров на сайте COG-Мадисон попали на COG-Висконсин. Топы COG-Висконсин просачивались в COG-Средний Запад, затем в COG-США и, наконец, желанный COG мирового уровня. Только зрители, которые просмотрели целую минуту

видео, могли проголосовать за него. Сами голосующие попадали в списки лидеров, если ставили оценки чаще остальных. Таким образом, знания демократизировались, а наука становилась зависимой от публики и раздробленной на крупицы. Мое собственное выступление не поднялось на региональный уровень, потому что тысячи пользователей пришли в ярость: как я мог говорить о Вселенной, не упоминая о Боге?

Организаторы COG MAD 2 прислали электронное письмо. Я пробежал глазами первые несколько строк и выразил свои сожаления, напомнив, что принимал участие в прошлый раз. Две минуты спустя я получил ответ, в котором разъяснялось электронное письмо, которое я прочитал слишком быстро. Они не вербовали *меня*. Они хотели, чтобы Робин Бирн сыграл эпизодическую роль в выступлении Мартина Карриера о декодированном нейрофидбеке.

Я был в ярости. Я пробежал четверть мили через кампус к лаборатории Карриера. К счастью, во время бега я слишком запыхался, чтобы кинуться в драку, когда нашел его в кабинете. Но мне все-таки удалось начать с оскорбления.

— Ты, говнюк тупой! Мы же договорились!

Карриер вздрогнул, но не сдвинулся с места.

— Я понятия не имею, о чем вы.

— Ты выдал COG личность моего сына!

— Ничего подобного. Я с ними даже не разговаривал! — Он вытащил смартфон и ткнул в иконку электронной почты. — Ага, вот и они. Хотят знать, не присоединюсь ли я к вашему сыну на сцене.

До нас обоих дошло. COG вышел на меня напрямую. Они попросту сделали то же самое, что уже удалось Ди Рейми и «Ова Нова». Обнаружить настоящего Джея теперь было легко, ведь столько всего случилось. Мой мальчик разоблачен. Сделанного не воротишь.

У меня тряслись руки. Я взял со стола головоломку — деревянную птичку, которую надо было высвободить из гнезда, сделанного из дюжины скользящих деревянных деталей. Единственная проблема заключалась в том, что ни одна из них не желала скользить.

— Он стал общественным достоянием.

— Да, — сказал Карриер. По его меркам это было почти извинение. Он наблюдал за моим лицом; я вспомнил, что имею дело с психологом. Я старательно доказывал самому себе, что птичье гнездо сломано и головоломку решить нельзя. — Однако он дал многим надежду. Люди тронуты его историей.

— Людей трогают фильмы о гангстерах, песни с тремя аккордами и реклама тарифных планов на сотовые телефоны. — Я снова занервничал. Это все паника. Карриер просто изучал меня, ожидая, пока я открою рот и что-нибудь скажу. — Я спрошу Робина. Никто из нас не может решать за него.

Карриер нахмурился, но кивнул. Что-то во мне ужаснуло его, и на то были веские причины. Я чувствовал себя так, словно был своим собственным сыном, которому вот-вот исполнится десять и который впервые столкнулся с взрослой жизнью.

Робин был задумчив и осторожен.

— *Им нужен я или Джей?*

— Им определенно нужен ты.

— *Круть. Но что я должен делать?*

— Тебе не нужно ничего делать. Тебе даже не нужно говорить «да», если ты этого не хочешь.

— *Они хотят, чтобы я рассказал о сеансах, мамином мозге и прочем?*

— Доктор Карриер опишет все это, прежде чем ты продолжишь.

— *Так что же требуется от меня?*

— Просто будь собой. — Слова утратили смысл в моих устах.

Он опять устремил взгляд куда-то вдаль. Мой робкий мальчик, который годами избегал контактов с незнакомыми людьми, прикидывал, насколько забавно будет раскрыть тайну жизни широкой публике, выступив на большой сцене.

За неделю до события меня одолели сомнения. Я жалел, что позволил ему согласиться на что бы то ни было. Если он потерпит неудачу, это может оставить шрамы на всю жизнь. Если преуспеет, поднимется по лестнице регионов COG и его полюбят в десять раз больше людей, чем сейчас. От обоих вариантов мне стало плохо.

Вечером накануне мероприятия — после того как Робин закончил последний за день пакет задач по математике — он пришел ко мне в кабинет, где я сидел перед стопкой непроверенных экзаменационных работ старшекурсников, энергично предаваясь прокрастинации. Он обошел стул и положил руки на мою трапециевидную мышцу. Затем выкрикнул одну за другой две команды, которые я одно время использовал, чтобы заставить его расслабиться.

— *Желе!*

Я позволил своему телу обмякнуть.

— *Варенье!*

Я снова напрягся. Мы повторили это несколько

раз, прежде чем он подошел и сел боком на подлокотник кресла.

— *Папа. Остынь! Все хорошо. Я же буду там с речью выступать.*

Как только он лег спать, я позвонил местному организатору COG — парню, похожему на Троцкого, с которым мы с Мартином имели дело.

— У меня еще одно условие. После того как вы снимете выступление, если оно мне не понравится, вы его не опубликуете.

— *Это зависит от доктора Карриера.*

— Мне нужно право вето.

— *Я не думаю, что это возможно.*

— Тогда я не думаю, что мой сын завтра выйдет на сцену.

Забавно: всегда можно одержать верх в переговорах, если ты не зациклен на победе.

В аудитории собралось триста человек, и после утренних выступлений народ продолжал прибывать. За пятнадцать минут до начала шоу мы втроем отправились за кулисы. Техник подключил Карриера и Робина и объяснил им этапы процесса.

— Вы увидите красные часы внизу, на передней части сцены. Когда пройдет четыре минуты и сорок пять секунд… — Техник резанул пальцем по

горлу и издал булькающий звук. Марти кивнул. Робби рассмеялся. Меня чуть не стошнило.

Я не осознавал, что выступление уже началось, пока не увидел Карриера в центре сцены. Зрители аплодировали. Я обнял Робина, как будто он мог выскочить на сцену, если я его отпущу. Техник стоял с другой стороны от него, размахивая портативным монитором и что-то шепча в микрофон гарнитуры.

Карриер звучал свежо, если учесть, как часто ему приходилось рассказывать о своих исследованиях на публике. Он по-прежнему говорил о работе так, словно результаты вызывали у него мистические ощущения. Ему потребовалось пятьдесят секунд, чтобы описать нейронный фидбек, еще сорок — чтобы объяснить суть программного обеспечения для фМРТ и ИИ, и полминуты на подведение итогов. Третья минута ушла на видео с участием Робина. Судя по звукам, которые издавала аудитория, она была под впечатлением. Как и мой сын, который увидел все вновь, стоя рядом со мной за кулисами темного, битком набитого театра.

— С ума сойти. И это все случилось со мной?

На четвертой минуте прозвучало главное. Карриер сказал об этом небрежно, как будто всего

лишь изложил еще один фрагмент данных: мать, чья смерть вынудила мальчика застрять в порочном круге, вернулась, чтобы исцелить его дух. Робин дернулся у меня под мышкой. Я посмотрел на маленькую Вселенную рядом со мной, чье плечо я сжимал слишком сильно. Робби ухмылялся, как будто мальчик, спасенный из того порочного круга, его очаровал.

В последние полминуты своего одиночества на сцене Карриер перешел к интерпретации.

— Мы едва успели осознать потенциал этой методологии. Только будущее раскроет ее подлинные возможности. А пока что вообразите себе мир, где гнев одного человека может смягчиться под воздействием спокойствия другого, где ваши тайные страхи утихнут благодаря мужеству незнакомца и где можно научиться избавлению от боли, как игре на пианино. Мы могли бы узнать, как не испытывать страха, живя на Земле. А теперь, пожалуйста, поздоровайтесь с моим другом. Мистер Робин Бирн.

Миниатюрная фигурка рядом со мной сбросила руку с плеча и исчезла. Я схватился за затылок, пока сын пересекал сцену. Он выглядел таким маленьким. Однажды я видел, как девочка его роста играла фортепианный концерт № 8 Мо-

царта в Меркин-холле в Нью-Йорке. У нее были такие маленькие ручки, что она с трудом могла взять нонаккорд. Я не знаю, как она справилась и почему родители ей позволили. Я испытал такое же смятение. Мой сын стал крошечным вундеркиндом, причем он был сам себе музыкальный инструмент. Зрители неистово зааплодировали, когда Робин выбежал в освещенный центр сцены. Там он приложил ладонь к груди и низко поклонился. Публика захлопала и засмеялась громче.

Я так часто смотрел это видео, что моя память убеждена, что я сам находился в темном зале. Карриер, наверное, думал, что Робин улыбнется и помашет рукой, а потом они вдвоем попрощаются. Но у них все еще оставалась в запасе долгая, коварная минута.

Весь зал хочет, чтобы профессор спросил: «На что это похоже? Как ощущается? Это все еще она?» Но Карриер сворачивает в другую сторону. Он спрашивает:

— Что сильнее всего изменилось по сравнению с тем временем, когда начались сеансы?

Робин трет рот и нос. Он слишком долго не отвечает. Видно, как тревожится Карриер и как зрители начинают беспокоиться.

— *Вы имеете в виду в реальной жизни?*

Он слегка шепелявит. Публика хихикает. Карриер понятия не имеет, к чему клонит Робин. Прежде чем Мартин успевает вернуть ситуацию под контроль, мой сын заявляет:

— *Ничего!*

Публика снова смеется, хотя и не очень уверенно. Вопрос раздражает Робина. В его трехсложном ответе звучит подтекст: вы же сами знаете, что происходит. Все об этом знают, просто дали обет молчания. Мы теряем эту планету, этот безгранично щедрый дар. Правая рука Робина опущена, кисть странно поворачивается туда-сюда — никто из сотен тысяч зрителей, кроме меня, не в силах интерпретировать этот жест.

— *Все дело в том, что я больше не боюсь. Я часть чего-то по-настоящему огромного. И это круче всего.*

Карриер жестом указывает на аудиторию, которая разражается аплодисментами. Он кладет руку Робину на голову. Любовник матери моего сына. За десять секунд до финала выступление заканчивается.

На Нитаре мы почти ослепли. Из десяти основных чувств наше зрение было слабейшим. Но там и не на что было смотреть, кроме струек жидкости, светящихся из-за бактерий. Мы

воспринимали что-то вроде цвета своими ушами, расположенными далеко друг от друга, и с предельной точностью ощущали окружающую среду благодаря давлению на кожу. Мы замечали даже малые перемены с большого расстояния, поскольку чувствовали их вкус. Восемь сердец с восемью особыми ритмами сделали нас весьма чуткими к течению времени. Температурные градиенты и магнитные поля подсказывали, куда надо идти. Мы общались с помощью радиоволн.

Наше сельское хозяйство, литература, музыка, спорт и изобразительное искусство соперничали с земными. И все же мы, со своим колоссальным интеллектом и миролюбивой культурой, не изобрели двигатель внутреннего сгорания, книгопечатание, металлообработку, электричество и что-нибудь вроде развитой промышленности. На Нитаре текла расплавленная магма, вспыхивал магний, горело многое другое. Но мы не научились добывать огонь сами.

— *Круто,* — сказал Робин. — *Я на разведку.*

Я велел ему не уходить слишком далеко от поверхности, особенно от вентиляционных шахт. Но он был молод, а молодежь больше всего страдала от самого большого испытания, которое мог предложить Нитар. Планета, где слово «навсегда»

было равнозначным слову «никогда», сурово относилась к юнцам.

Сын вернулся очень быстро, подавленный.

— *Наверху нет ничего, кроме неба,* — пожаловался он. — *И небо твердое, как камень.*

Он хотел знать, что находится над небом. Я не насмехался над ним, но помочь не мог. Он расспрашивал сородичей, и над ним безжалостно издевались как его поколение, так и мое. Вот тогда-то он и поклялся, что будет сверлить.

Я не пытался отговорить его от такого решения. Я думал, он наиграется с идеей за несколько миллионов макро-ударов, и на этом все закончится.

Он воспользовался остроконечным концом длинной, прямой и нагретой раковины наутилоида. Работа была невыносимо скучной. Потребовалось много миллионов ударов сердца, чтобы его дыра достигла глубины одного вытянутого щупальца. Однако обломки падали с высоты, а такого на Нитаре еще не видели. Дыра сделалась предметом шуток, объектом подозрений и средоточием новых религиозных культов. Поколения сменяли друг друга, наблюдая за его бесконечно малым прогрессом. Сын продолжал сверлить — перед отходом ко сну в его распоряжении была прорва времени.

Спустя десятки тысяч жизней он достиг пустоты за небосводом — и, учинив революцию настолько ураганную, что на Нитаре ничто ее не пережило, мой сын открыл «лед», «кору», «воду», «атмосферу», «звездный свет», «западню», «вечность» и все, что лежало за «пределом».

Робин был сам не свой из-за нашей поездки в Вашингтон. Я направлялся туда, чтобы помочь спасти поиск жизни во Вселенной. Мой самый преданный ученик должен был меня сопровождать.

— Я кое-что приготовлю, хорошо?

Он не сказал мне, что именно. Так или иначе, будучи законным наставником Робина, я всегда искал что-нибудь получше унылых материалов по обществознанию, которые нашел в Интернете («Как экономить деньги?»; «Что такое прибыль?»; «Мне нужна работа!»). Экскурсия в столицу нашего государства, связанная с темой гражданских прав и обязанностей, да еще и с подготовкой самодельных материалов, казалась именно тем, что нужно.

Он заставил меня ждать в машине, а сам отправился в магазин художественных принадлежностей со всеми своими сбережениями. Вышел через несколько минут, прижимая к груди пакет.

Когда мы вернулись домой, Робби с ловкостью белки спрятал сокровища в своей комнате и принялся за работу. На его двери появилась табличка. Его пузатые буквы становились с каждым сеансом все более небрежными и похожими на почерк Али.

РАБОЧАЯ ЗОНА
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Я понятия не имел, что он задумал, кроме того, что для этого требовался рулон белой оберточной бумаги шириной восемнадцать дюймов, слишком громоздкий, чтобы его можно было спрятать. Мои вопросы привели только к строгим предупреждениям не совать нос не в свое дело. Итак, мы вдвоем подготовились к совместной экскурсии. Пока сын работал над своим секретным проектом, я репетировал речь, с которой собирался выступить перед Независимой контрольной комиссией Конгресса.

Задача перед Комиссией стояла простая: определить, будет ли человечество отвечать на самый древний и сложный вопрос в мире или отвернется от него. Вот уже несколько дней десятки моих коллег предоставляли свои заключения в связи с предполагаемым проектом НАСА «Иска-

тель планет земного типа». У нас была понятная цель — спасти телескоп от гильотины Подкомитета по ассигнованиям и сделать так, чтобы земляне через несколько лет сумели заглянуть в близлежащий космос и увидеть там жизнь.

Власть имущие не проявляли желания поохотиться за другими Землями. Главы контрольной комиссии пригрозили отправить нашего «Искателя» на растущее кладбище аннулированных проектов НАСА. Однако ученые на трех континентах отказывались от притворной беспристрастности и выдвигали всевозможные аргументы в пользу исследований. Вот так сын мошенника, парень по прозвищу Бешеный Пес, который начал свою жизнь с чистки отстойников, оказался в самолете, летящем в округ Колумбия, намереваясь выступить в защиту самой мощной пары очков за всю историю человечества. И мой сын отправился со мной, потому что у него была своя война.

Робби поспешил по проходу впереди меня, сияя и приветствуя пассажиров. Он отчитал меня, когда я положил его сумку в отсек для ручной клади над головой.

— *Осторожнее, папа! Не раздави!*

Он хотел место у окна. Он наблюдал за грузчи-

ками и наземными работниками аэропорта, как будто они строили пирамиды. Схватил меня за руку во время взлета, но успокоился, как только мы поднялись в воздух. Во время полета очаровал обслуживающий персонал и рассказал бизнесмену справа от меня о «нескольких славных некоммерческих организациях», которые тот, возможно, захочет поддержать.

Нам пришлось сделать пересадку в Чикаго. Робин рисовал людей в зоне вылета и дарил им портреты. Трое детей в другом конце вестибюля перешептывались друг с другом и тыкали пальцем, как будто впервые в жизни встретили мем во плоти.

Во второй раз он лучше справился со взлетом. Когда мы прорвались сквозь облака, заходя на посадку, он прокричал сквозь шум двигателей:

— *Обалдеть! Памятник Вашингтону! Прямо как в книге!*

Сидящие рядом с нами засмеялись. Я указал за спину.

— А вон там — Белый дом.

Он ответил чуть тише:

— *Вау. Такой красивый!*

— Три ветви власти? — уточнил я.

Он вытянул палец, отвечая на мой выпад.

— *Исполнительная, законодательная и… та, где судьи.*

Мы увидели Капитолий из такси по дороге в отель. Робби испытал благоговейный трепет.

— *Что ты им скажешь?*

Я показал ему подготовленную речь.

— Они будут задавать вопросы.

— *Какие?*

— О, они могут спросить что угодно. Почему стоимость «Искателя» продолжает расти. Что мы надеемся обнаружить. Почему мы не можем отыскать жизнь каким-нибудь более дешевым способом. Что изменится, если телескоп не построят.

Робин выглянул в окно такси, восхищаясь памятниками архитектуры. Машина замедлила ход, когда мы въехали в Джорджтаун и приблизились к отелю. Робби помрачнел, как тучка, пытаясь разрешить мой политический кризис. Я поправил ему волосы, как обычно делала Али, когда мы втроем выходили на публику. И тут вдруг почувствовал, что мы странствуем на маленьком суденышке, и то пробирается через столицу правящей глобальной сверхдержавы, расположенной на побережье третьего по величине континента маленького скалистого мира,

который находится недалеко от внутреннего края обитаемой зоны карликовой звезды G-класса, а от нее лишь четверть пути до края плотной, большой, спиральной галактики с перемычкой, дрейфующей через рассеянное локальное скопление звезд в мертвом центре Вселенной.

Мы въехали на кольцевую подъездную дорожку отеля, и таксист сказал:

— Прибыли. Гостиница «Комфорт Инн».

Я вставил карточку в считывающее устройство, и денежные единицы потекли с серверной фермы, приютившейся где-то в тающей тундре северной Швеции, в виртуальные руки таксиста. Робби вышел, достал свою сумку из багажника, посмотрел на очень скромный сетевой отель и уважительно присвистнул.

— *С ума сойти. Заживем как короли.* — Он не позволил швейцару забрать багаж. — *У меня там важные штуки!*

Он снова присвистнул в очень простой комнате на девятом этаже с видом на реку Потомак. Его урок обществознания раскинулся внизу радиальными бульварами. Робин приложил руку к оконному стеклу и оглядел открывающиеся перспективы.

— *Приступим!*

На втором этаже Музея естественной истории мы так и не продвинулись дальше Зала костей. Парад скелетов мертвой хваткой вцепился Робину прямиком в ствол мозга. Мой сын стоял со своим альбомом перед витриной с окунеобразными, воспроизводя в деталях изгиб и острие каждого ребра. Я не мог перестать пялиться на него с другого конца зала. Одетый в свободную ветровку и мешковатые джинсы, он выглядел старейшиной одной из тех крошечных древних кочевых рас, которые миллиарды лет вели историческую хронику, создавали летопись планеты, некогда процветающей, но ныне исчезнувшей без следа.

Мы нашли ресторан, где обслуживали травоядных, и вернулись в отель пешком. В номере Робби опять глубоко задумался. Он сидел на краю кровати, сложив ладони перед лицом.

— Пап, я хотел подождать до утра, прежде чем покажу тебе, — но, наверное, стоит сделать это сейчас…

Он подошел к своему багажу и вытащил рулон оберточной бумаги, чуть помятый после путешествия. Робби положил его на пол в ногах кроватей, придавил подушкой один загнутый конец и развернул. В растянутом виде баннер

оказался длиннее, чем наш совокупный рост. И он был изрисован красками, фломастерами и чернилами всех цветов. По всей длине бежали слова:

ДАВАЙТЕ ИСЦЕЛИМ НАНЕСЕННЫЕ НАМИ РАНЫ

Робби заполнил свиток яркими, дерзкими рисунками. Кажется, это была еще одна вещь, которой он научился непосредственно у Али, ведь та трудилась над таким большим холстом, что я даже не мог его увидеть целиком. Каждую букву окружали существа, как будто нарисованные более зрелой рукой. Белели заросли кораллов acropora cervicornis. Птицы и млекопитающие бежали из горящего леса. Десятидюймовые медоносные пчелы лежали вдоль нижней части баннера, задрав лапки, с крестиками в глазах.

— *Предполагается, что это гибель опылителей. Думаешь, люди поймут?*

Я ничего не думал. Я не мог произнести ни звука. На самом деле он и не ждал ответа.

— *И все-таки нельзя вгонять людей в депрессию. От этого они просто пугаются. Надо показывать им и что-то хорошее.*

Он поднял один конец баннера и велел мне

схватиться за другой. Мы перевернули свиток. Если лицевая сторона была адом, то оборотная представляла собой идиллию. На этот раз слова заполняли середину пространства, в два ряда:

ПУСТЬ ВСЕ СУЩЕСТВА
БУДУТ ИЗБАВЛЕНЫ ОТ СТРАДАНИЙ

Создания теснились с обеих сторон: покрытые перьями и мехом, колючие, звездообразные, с длинными ушами и с плавниками, громоздкие или гладкие и обтекаемые, симметричные, ветвящиеся, радиальные, ризоматичные, известные и неизвестные, в неистовом разнообразии цветов и форм, заполняющие пространство от густой зелени лесов до океанской синевы. Сеансы с отпечатком мозга Али сделали его художественный стиль более выразительным, освободили руки и глаза.

Он посмотрел на работу сверху вниз, представляя, как она выглядела со стороны.

— *Я не знал, как пишется «разумный».*

— Мог бы спросить меня.

— *Но тогда ты бы догадался.*

— Робби. Так даже лучше.

— *Правда? Будь честен, папа. Я хочу только честности.*

— Робби. Я же тебе сказал.

Он посмотрел вниз, прищурившись. Покачал головой.

— Если бы люди только поняли, что мы все миллиардеры.

Он вытянул руки перед собой, как будто они были полны зародышевой плазмы и прочих сокровищ.

— Что ты хочешь с этим сделать?

— О, да. Я подумал, что после того, как ты закончишь разговаривать с комиссией, мы могли бы развернуть это где-нибудь снаружи, на фоне крутых зданий, и попросить кого-нибудь сфотографировать. Если загрузить фотки, используя мое имя для тегов, когда люди будут искать то дурацкое видео со мной, они найдут кое-что получше.

Мы свернули рулон, приготовились ко сну. В темноте гостиничный номер мерцал десятками светодиодов непонятного назначения. Лежа на двух односпальных кроватях, мы чувствовали себя так, словно находились в командном центре исследовательского судна с варп-двигателем, которое ненадолго прервало бесконечную исследовательскую миссию и замерло посреди звезд, как животное у водопоя.

Голос моего сына пробился сквозь тьму.

— *Эти люди… они настоящие?*

— Какие люди, дружище?

— *Все те, которые постили видео со мной.*

В его голосе прозвучал академический интерес. Моя душа ушла в пятки, а голова закружилась.

— А что насчет них?

— *Сколько из них просто смеялись надо мной?*

Комната гудела на полудюжине разных частот. Любой ответ казался бесцеремонным. После очень долгой паузы я наконец-то сказал ему:

— Люди, Робби. Они проблематичный вид.

Он подумал. Взвесил, что значит стать общественным достоянием. Его лицо помрачнело.

— Робби. Мне так жаль. Я совершил большую ошибку.

Но при свете из окна я увидел, как он покачал головой.

— *Нет, папа. Все хорошо. Не волнуйся. Ты помнишь наш код?*

Он изобразил знакомый жест в круге света, вращая сложенной чашечкой ладонью туда-сюда. Предплечье у него было тонкое, как черенок метлы. Однажды — несколько месяцев назад, на другой Земле — он обучил меня сигналу, который сам же изобрел и который означал «Все хорошо».

— Знаешь, иногда люди переживают из-за того, что кто-то мог на них рассердиться? Ну, если кому-нибудь интересно, то я зла на мир не держу.

Завтрак «шведский стол» привел Робби в восторг. Он набрал больше овсяного печенья, черничных маффинов и тостов с авокадо, чем существо его размеров способно съесть за день. Когда он заговорил, с его губ сочилось шоколадно-ореховое масло.

— Величайшая экскурсия в истории. И она еще даже не началась!

В то утро мы планировали прогуляться по Национальной аллее, прежде чем я выступлю. Мы немного поговорили о том, что еще можно посмотреть. Он хотел вернуться в Музей естественной истории.

— Хочу посмотреть на растения, папа. Об этом мало кто знает, но растения — вот главные трудяги. Остальные просто паразиты.

— Вы правы, сэр!

— Нет, ты сам подумай: питаться светом! Это же круто! Круче любой научной фантастики! — Его лицо потемнело. *— Так почему же научная фантастика считает их такими страшными?*

Прежде чем я успел ответить, у нашего стола

появилась женщина вдвое старше меня, невысокая, похожая на птицу, в очках размером с маску для плавания.

— Извините, что помешала вашему завтраку, — сказала она, глядя на Робина. — Но ты… тот самый мальчик? Тот, что в том прекрасном видео?

Прежде чем я успел спросить, чего она хочет, мой сын расплылся в улыбке.

— *Очень может быть.*

Женщина отпрянула.

— Я так и знала. В тебе что-то есть. Ты действительно потрясающий!

– *Каждый человек — потрясающий*, — сказал он. Отголоски вирусного видео заставили обоих рассмеяться.

Она повернулась ко мне.

— Ваш сын? Неподражаемый мальчик!

— Да.

Она попятилась от моей резкости, рассыпаясь в извинениях и благодарностях. Когда она оказалась вне пределов слышимости, Робин уставился на меня.

— *Боже, папа. Она милая. Не надо было ей грубить.*

Я захотел вернуть своего сына. Того, который знал, что крупным двуногим доверять нельзя.

Комиссия собралась в офисном здании Рейберн-хаус, через дорогу от Капитолия. Робин глазел по сторонам, его распирало от патриотизма. Мне приходилось его подгонять, чтобы мы успели к назначенному времени. Зал был просторный, со стенами, обшитыми деревом и увешанными флагами. Перед длинными ярусами кожаных кресел высилась платформа с массивным деревянным столом, на котором через равные промежутки стояли таблички с именами и пластиковые бутылки с водой. В задней части помещения виднелись столики с кофе и закусками.

Мы припозднились из-за охраны у входа, и когда вошли в зал, там уже было полным-полно моих коллег со всей страны. Кое-кто из них помнил Робина с тех пор, как он без приглашения заявился на телеконференцию. Многие поддразнивали моего мальчика или спрашивали, будет ли он выступать.

– *Держу пари, я мог бы убедить их,* — сказал он.

Собрание началось. Я усадил Робби рядом с собой.

— Устраивайся поудобнее, приятель. До обеда далеко.

Он показал мне свой альбом для рисования,

пастель и графический роман о мальчике, который учится дышать под водой. Все необходимое у него было.

Стол на помосте заполнился политиками, которые словно прибыли из прошлого Америки. Они обратились к инженеру НАСА, чтобы тот для начала поведал о текущих планах относительно «Искателя планет». Телескоп собирались поместить где-то вблизи орбиты Юпитера, чтобы он там развернул колоссальное самосборное зеркало. Потом надо было поместить второй прибор — «Затемнитель» — на расстоянии в несколько тысяч миль, в определенном месте, чтобы он заслонял свет звезд, позволяя «Искателю» увидеть их планеты. Инженер все это продемонстрировал.

— Все равно что заслонить рукой фонарик, чтобы увидеть, кто его держит.

Даже по моим меркам услышанное смахивало на бред. Первый вопрос поступил от представителя какого-то округа в Западном Техасе. Его протяжный говор казался игрой на публику.

— То есть вы хотите сказать, что «Искатель» сам по себе будет таким же сложным, как «Следующее поколение», а к нему еще прилагается летающий абажур? И мы даже чертово «Поколе-

ние» не можем оторвать от Земли! — Инженер хотел возразить, но конгрессмен продолжил натиск. — «Поколение» устарело на десятилетия, его бюджет превышает миллиарды долларов. Как вы собираетесь заставить что-то вдвое более сложное работать за ту сумму, которую просите?

И все покатилось под откос. Еще два инженера попытались устранить ущерб и отвоевать утраченные территории. Один из них едва не вспылил. Утро грозило закончиться, не успев начаться. Робби трудился несколько часов, почти не ерзая. Честно говоря, я забыл, что он рядом. Когда мы отправились обедать, он показал рисунок, ожидая моего одобрения: планета, как будто видимая глазами «Искателя»; ее вращающийся диск покрыт сине-зелено-белыми вихрями, безошибочно указывающими на то, что там есть жизнь.

Картинка была отличная. Я захотел включить ее в свою презентацию. До конца перерыва был целый час. Сначала мы отстояли очередь за упакованными ланчами. Там были ланчи с пометкой «Вега(нские)» и ланчи с пометкой «Альтаир(ские)».

— Это юмор такой… — сказал я сыну.

— *А что делать тем, кто прибыл с Сириуса?*

— Вижу, ты внимательно прочитал «Сборник

анекдотов для астрономов».

— *Ага. Мощная книга, прям как Большой взрыв.*

Мы устроились в каком-то уголке. Пока Робби ел, я положил его шикарную картинку на пол, щелкнул телефоном, отправил копию на свой ноутбук, обрезал и отредактировал, затем вставил в конец виртуальной карусели, которую собирался с помощью проектора продемонстрировать полному залу зрителей. Ни одна научная фантастика, на которой я вырос, не предсказала такую магию.

После обеда пришли несколько ученых, чья работа требовала чего-то вроде «Искателя». Я выступал третьим. Я встал за кафедру как раз в тот момент, когда все в зале приуныли, поскольку у них упал уровень сахара в крови. Я говорил о том, что для поиска внеземной жизни нет более подходящего метода, чем непосредственная оптическая визуализация. Я показал лучшую из существующих фотографий экзопланеты — на снимке она выглядела всего лишь сероватым пятном. Даже такой результат был поразительным, если вспомнить, как мой научный руководитель утверждал, что при нашей жизни ничего подобного не случится.

Мой следующий слайд был чем-то вроде спек-

такля: цифровая симуляция того, как могла бы выглядеть та же самая экзопланета, если на нее посмотрит «Искатель». Зал ахнул, как будто Конгресс сказал: «Да будет свет!», и Вселенная подчинилась. Я отметил, что такая хорошая фотография со всеми сопутствующими данными покажет, есть ли на планете жизнь. В завершение презентации я показал рисунок Робби и процитировал Сагана: «Смелостью наших вопросов и глубиной ответов мы можем придать значимость нашему миру»[18].

Затем я приготовился к вопросам, которым смелости явно не хватало. Представитель из Западного Техаса вышел на стрельбище.

— Могут ли ваши атмосферные модели определить разницу между миром с интересной жизнью и миром, в котором нет ничего, кроме микробов?

Я сказал, что далекая планета, населенная бактериями, могла бы стать самым интересным открытием за всю историю человечества.

— Вы сумеете определить, есть ли на планете разумная жизнь?

За двадцать секунд я попытался объяснить, как

---

[18] Сноски: 18
Карл Саган «Космос» (*перевод А. Г. Сергеева*).

это можно сделать.

— И каковы шансы?

Я хотел подстраховаться, но это бы не помогло.

— Вероятность оценивается невысоко.

Ответом было безграничное разочарование. Другой конгрессмен спросил:

— Если «Следующее поколение» однажды запустят, вы сможете выполнить свою работу с его помощью?

Я объяснил, почему даже этого великолепного прибора будет недостаточно, чтобы непосредственно изучать атмосферу. Престарелый конгрессмен из Монтаны сгреб два телескопа в одну кучу.

— А если все эти дорогие игрушки скажут нам, что самые интересные существа во всей Вселенной могли бы лучше использовать свои миллиарды долларов прямо здесь, на самой интересной планете?

Тогда я понял, почему эти люди хотели уничтожить проект. Перерасход средств был всего лишь предлогом. Правящая партия выступила бы против «Искателя», даже окажись он бесплатным. Поиск экзопланет был заговором глобалистов, и он заслужил, чтобы с ним обошлись как с Вавилонской башней. Если бы мы, представители

научной элиты, обнаружили жизнь повсюду во Вселенной, это бы почти не повлияло на особые отношения человечества с Богом.

Я сошел с кафедры, чувствуя себя дерьмово. Пробираясь обратно на свое место — мир вокруг меня сжимался, как зрачок, а в ушах звенело, — я услышал, как мой сын воскликнул:

— *Папа! Это было здорово!*

Я закрыл лицо руками.

Потом мы задержались в коридоре перед залом. Я с похоронным настроением обозревал поле боя вместе с соратниками. Некоторые все еще были настроены оптимистично. Другие утратили надежду. Какой-то альфа из Беркли без околичностей предположил, что я мог бы добиться большего, если бы упирал на статистику, а не на детские художества. И все же одна из величайших охотников за планетами суетилась вокруг Робби, пока тот не покраснел.

— Ты такой красивый! — сказала ему эта женщина, а потом прибавила, обращаясь ко мне: — Вам повезло. Я все никак не пойму, почему мои мальчики любят «Звездные войны» больше, чем звезды.

Мы шли по авеню Независимости. Робби взял меня за руку.

— По-моему, пап, ты отлично справился. А сам как думаешь?

Мои мысли не годились для юных ушей.

— Люди, Робби.

— *Люди,* — согласился он и улыбнулся в ответ на что-то невысказанное, потом поднял взгляд на бронзовую статую Вооруженной Свободы на вершине купола Капитолия. — *Думаешь, у каких-нибудь пришельцев есть система лучше, чем демократия?*

— Сдается мне, у разных пришельцев могут быть разные понятия о том, что значит «лучше».

Он кивнул, пересылая этот факт в наше будущее.

— *На разных планетах все выглядит по-разному. Вот почему нам нужно их найти.*

— Жаль, что я там про это не сказал.

Он раскинул руки, как будто собираясь обнять Капитолий.

— *Только взгляни вокруг. Это же наш материнский корабль!*

Мы шли через зеленые заросли по одной из извилистых тропинок. Робин подтолкнул меня к ступенькам. Мое сердце упало, когда я понял, что он задумал. Баннер из оберточной бумаги торчал из его рюкзака, как антенна космического

скафандра.

— *Здесь хорошее место, верно?*

Разница между страхом и возбуждением должна быть шириной всего в несколько нейронов. Как раз в этот момент один из инженеров НАСА, участвовавших в утренней сессии, появился на тропинке. Я помахал мужчине и сказал:

— За дело, Робби!

Я думал, мы справимся за пару минут, и по крайней мере один из нас вернется с победой.

Пока Робби вытаскивал баннер, мы с инженером обменялись осторожными выводами о прошедшем заседании.

— Это был всего лишь театр, — сказал он. — Конечно, нам выделят финансирование. Они же не троглодиты какие-нибудь.

Я спросил, не будет ли он возражать сделать пару снимков меня с сыном. Мы с Робином развернули его шедевр. Легкий ветерок захотел вырвать баннер из наших рук.

— *Папа! Осторожнее!*

Мы потянули, и баннер растянулся во всю длину. Он вздымался, как парус космического зонда, наполненный солнечным ветром. В ярком послеполуденном свете я разглядел в нарисованных созданиях детали, которые не увидел в гостинич-

ном номере.

Инженер расплылся в восторженной улыбке. У него были кривые зубы.

— Ого! Ты сам это сделал? Просто здорово. Если бы я умел так рисовать, я бы никогда не увлекся радиолюбительством.

Я дал ему свой мобильный телефон, и он сделал несколько снимков с разных ракурсов и расстояний, при разном свете. Мальчик, его отец, умирающие птицы и звери, апокалипсис насекомых в нижней части баннера, фоновая мозаика из песчаника, известняка и мрамора, посвященная свободе и возведенная рабами: инженер хотел, чтобы все получилось безупречно. Еще пара астрономов с дневной встречи увидела нас издалека. Они подошли, чтобы полюбоваться баннером и проинструктировать инженера о том, как надо фотографировать. Инженер перевернул мой телефон, чтобы показать Робби линзы.

— Цифровые камеры придумали у нас, в НАСА. Я помогал создавать камеру стоимостью в миллиард долларов, которую мы потеряли на орбите Марса.

Один из астрономов схватился за голову.

— А мы те, кто изначально заставил вас, болванов из НАСА, установить камеру на тот спутник!

Обычные прохожие и туристы останавливались, привлеченные свитком Робби и тремя стариками, которые радостно кричали друг на друга. Ровесница моей матери принялась кудахтать над Робби.

— Ты сделал это? Справился без посторонней помощи?

– *Никто ничего не делает без посторонней помощи.* — Что-то такое говорила Али, когда Робин был маленьким. Я не знаю, как он это запомнил.

Мы перевернули баннер. Зрители приветствовали другую сторону. Они приблизились, чтобы разглядеть буйство деталей. Аэрокосмический инженер суетился вокруг, прогоняя людей, чтобы сделать новую серию снимков. В нескольких ярдах от тротуара раздался возглас.

— Я так и знала!

Это была девушка, почти подросток; вероятно, где-то посреди круговерти социальных сетей, этого миллиарда личных вселенных, она видела посты про странного мальчишку, который что-то щебетал на птичьем языке. Теперь она слонялась на периферии стихийного собрания на открытом воздухе, с помощью смартфона отслеживая хлебные крошки до изначального видео на канале «Ова Нова».

— Это Джей! Тот мальчик, которого подключили к мертвой маме!

Робин не слышал. Он был занят — беседовал с двумя женщинами средних лет о том, как мы могли бы вновь заселить планету Земля. Он шутил и рассказывал истории. Девушка, которая узнала его, наверное, начала переписку, потому что через несколько минут из восточной части Национальной аллеи пришли другие подростки. Кто-то вытащил гавайскую гитару из рюкзака. Они спели Big Yellow Taxi. Они спели What a Wonderful World[19]. Люди щелкали телефонами и что-то постили в соцсетях. Подростки разложили закуски и устроили импровизированный пикник. Робин был на седьмом небе от счастья. Мы с ним стояли, держа баннер, время от времени передавая его четырем молодым парням, которые выстроились в очередь. Его мама могла бы организовать что-то в этом духе. Возможно, это был самый счастливый момент в жизни Робби.

Я был так увлечен празднеством, что не заметил, как два офицера полиции Капитолия США

---

[19] Сноски: 19

«Большое желтое такси» — хит 1970 года в исполнении Джони Митчелл, имеющий отчетливый экологический посыл (в частности, в песне рефреном повторяется фраза о том, что люди «заасфальтировали рай, чтобы построить парковку»). «Как прекрасен мир!» — хит 1967 г. в исполнении Луи Армстронга.

остановились на Первой Северо-западной улице и вышли из патрульной машины. Подростки начали подшучивать над ними.

— Мы просто наслаждаемся жизнью. Идите и арестуйте настоящих преступников!

Мы с Робином опустили баннер на тротуар, чтобы я мог поговорить с офицерами. Двое подростков подняли его и начали раскручивать, как будто занимались кайтсерфингом. Это не снизило накал ситуации. Робин кинулся к полицейским, пытаясь установить мир между своими сторонниками и офицерами. Его грудь доходила полицейским до оружейных поясов.

На значке старшего офицера было написано: «Сержант Джуфферс». Его номер был простым числом-палиндромом.

— У вас нет на это разрешения, — сказал он.

Я пожал плечами. Наверное, мне не следовало так поступать.

— Мы не митингуем. Мы просто хотели сфотографироваться перед Капитолием с баннером, который сделал мой сын.

Сержант Джуфферс посмотрел на Робина и прищурился, оценивая проблемы с охраной правопорядка. Несомненно, у него был такой же трудный день, как у меня. В Вашингтоне дела

обстояли не очень хорошо; я должен был это помнить. Не только власть имущие умели бряцать оружием.

— Закон запрещает собираться толпой, которая препятствует проходу в любое общественное здание или делает его неудобным.

Я бросил взгляд на вход в Капитолий. Мне было бы трудно забросить бейсбольный мяч так далеко. Я должен был замять ситуацию. Но он вел себя глупо из-за того, что вселяло в моего сына такую надежду.

— Мы ничего подобного не делали.

— Также запрещено толпиться, препятствовать или мешать пользоваться какой-либо улицей или тротуаром. А еще продолжать или возобновлять скопления, препятствия или помехи после того, как сотрудник правоохранительных органов дал указание прекратить.

Я отдал ему свои водительские права штата Висконсин. Он и его напарник, на значке которого было написано «Патрульный 1-го ранга Феджин», отступили к своей машине. В последний раз меня поймали на нарушении закона в старших классах, когда я воровал вино из круглосуточного магазина. С тех пор даже штрафа за превышение скорости не было. Вот до чего я

докатился — поощрял маленького мальчика не соглашаться с уничтожением жизни на Земле. Социально неприемлемое поведение.

Через пять минут у них двоих была вся информация обо мне и Робине, которая могла хоть как-то пригодиться. Все факты, мгновенно доступные любому желающему. На самом деле им не требовалось ни капли дополнительных сведений, чтобы понять, на чьей стороне в гражданской войне были мы с Робином. Баннер был весьма красноречив.

В строгом смысле слова — и согласно материалам, которые выучил мой сын — полиция Капитолия должна была подчиняться Конгрессу, а не президенту. Однако подобные нюансы утратили важность за последние четыре года. Сам Конгресс теперь выполнял указания Белого дома, а судьи только и ждали возможности ему услужить. Правовые нормы неуклонно разрушались — при поддержке менее половины населения страны, — и ветви власти сливались друг с другом, как того желал президент. Пусть закон такое и не предусматривал, но два полицейских отвечали перед президентом.

Офицеры покинули свою машину и направились обратно к нашей компании. Когда они

приблизились, двое подростков, державших баннер, начали бегать кругами. Джуфферс развернулся на месте.

— Просим вас немедленно разойтись.

— Проблема не исчезнет, — сказал один из держателей баннера.

Но большинство собравшихся исчерпали запасы политического своеволия и начали разбредаться. Джуфферс и Феджин набросились на держателей баннера, которые отпустили шедевр Робина и убежали. Баннер понесло ветром по тротуару. Мы с Робином погнались за ним. На бумаге осталась складка и след от подошвы там, где я наступил на баннер, чтобы его не унесло еще дальше. След прямо над изображением… вероятно, это панголин.

Офицеры наблюдали, как мы разглаживали, отряхивали и сворачивали баннер на сильном ветру.

— *Вам, наверное, сейчас грустно,* — сказал Робин Джуфферсу. — *Жить в такое время — весьма печальное дело.*

— Пошевеливайтесь, — сказал сержант Джуфферс. — Нам пора.

Робин замер. Я последовал его примеру.

— *Если насекомые умрут, мы не сможем выра-*

щивать пищу.

Офицер Феджин попытался забрать баннер, чтобы скатать его и завершить шоу. Это движение испугало Робина. Он прижал свое произведение искусства к груди. Феджин, раздраженный дерзостью мелюзги, схватил Робина за запястье. Я бросил свой конец баннера и закричал:

— Не трогайте моего сына!

Полицейские объединились против меня, и я оказался под арестом.

Они надели на меня наручники прямо на глазах у Робби. Потом нас запихнули на заднее, отгороженное сиденье патрульной машины, чтобы проехать четыре квартала до штаб-квартиры Полиции Капитолия США. Робин наблюдал, как у меня снимали отпечатки пальцев. Его лицо выражало смесь ужаса и изумления. Меня обвинили в нарушении раздела 22–1307 Уголовного кодекса округа Колумбия. Вариантов было мало. Я мог назначить дату суда и совершить еще одну поездку в Вашингтон. Или я мог признаться в том, что мешал и препятствовал, заплатить триста сорок долларов плюс все административные расходы

и покончить с этим. Nolo contendere,[20] что тут говорить. Как ни крути, я нарушил закон.

Мы возвращались в отель ближе к ночи. Робин радостно скакал вокруг меня. Он не мог перестать ухмыляться.

— *Папа. Я не могу поверить, что ты это сделал. Ты вступился за все живое!* — Я продемонстрировал черные кончики пальцев. Ему понравилось. — *Теперь у тебя есть темное прошлое. Ты преступник!*

— И… почему ты так рад?

Он схватил меня за запястье так, как Феджин пытался схватить его. Потащил к остановке на тротуаре вдоль авеню Конституции.

— *Твоя жена любит тебя. Я это точно знаю.*

Утром следующего дня мы были в Чикаго. В аэропорту О'Хара приняли меры по усилению безопасности, не сообщив публике, что произошло. Вооруженные охранники в кевларовых нагрудниках и с ищейками шли по вестибюлю, пока мы направлялись к нашему гейту. Мне пришлось удерживать Робина, чтобы он не гладил собак.

Зона вылета представляла собой коктейль из

---

[20] Сноски: 20

Не спорю (*лат.*). В юридическом смысле фраза означает формальный отказ от претензий и мягкую форму признания своей вины в совершенном правонарушении.

реактивного топлива и феромонов тревоги. То, что мы привыкли называть «капризами погоды», создавало каскад задержек и отмен. Наш рейс в Мадисон опаздывал. Мы сидели перед стеной из четырех телевизоров, каждый из которых был настроен на определенную волну идеологического спектра. Умеренно-либеральный экран сообщал о росте числа отравлений, вызванных беспилотниками, в штатах Верхних равнин. Консервативно-центристский освещал развертывание отрядов частных наемнических компаний на южной границе. Я вытащил свой телефон и атаковал скопившийся за два дня завал работы. Робин наблюдал за людьми, и на его лице читалось удивление.

Каждый раз, когда я бросал взгляд на табло, наш рейс откладывали еще на пятнадцать минут. Кто-то из работников аэропорта срывал пластырь как можно медленнее.

По всем телефонам в зоне вылета прошла волна оповещений. На каждом экране появился текст от недавно основанной Национальной службы уведомлений. Послание было от президента, чьи указы в последние два месяца не встретили никакого сопротивления, и это его приободрило.

Америка,

взгляни на сегодняшние ЭКОНОМИЧЕСКИЕ показатели! Это же НЕВЕРОЯТНО! Вместе мы остановим ЛОЖЬ, заставим ЗАМОЛЧАТЬ неверующих, и ПОБЕДИМ пораженчество!!!

Я отключил уведомления и вернулся к работе. Робби сделал набросок. Я думал, он рисовал людей в вестибюле перед гейтом. Но когда я посмотрел снова, нарисованные фигуры превратились в радиолярии, моллюсков и иглокожих — существ, из-за которых Земля казалась безумным выпуском «Эстаундинг сториз» из 1950-х годов.

Я работал, не обращая внимания на ерзание в кресле слева от меня. Грузная женщина, опасливо поглядывая по сторонам, ругала свой смартфон.

— Что тут творится?

Гаджет ответил дерзким голосом молодой актрисы.

— Вот самые интересные события сегодняшнего дня в районе Чикаго, штат Иллинойс!

Наши взгляды встретились. Я отвернулся, посмотрел на ряд телевизионных мониторов: облако паров акрилонитрила длиной в несколько километров распространялось по Руру. Девятнадцать человек погибли, сотни были госпитализированы. Маленькая лапка сжала мое предплечье. Робин уставился на меня выпученными глазами.

— *Папа? Знаешь, как обратная связь перенастраивает мой мозг?* — Он, кажется, подключился к волне, по которой транслировали все безумие нашего вестибюля. — *А вот что воздействует на всех остальных.*

Женщина слева от меня снова заговорила.

— Нам о чем-то не хотят говорить. Даже машины не знают, что происходит.

Я не знал, обращалась ли она ко мне или к своему цифровому помощнику. Люди, сидевшие вокруг нас, сутулились и елозили по экранам пальцами, затерявшись в своих карманных вселенных.

— Дамы и господа, находящиеся в зоне вылета, — объявили по громкой связи. — Нам сообщили, что никакие рейсы не будут вылетать из этого аэропорта еще как минимум два часа.

Вокруг раздались сердитые возгласы — толпа ощутила себя загнанной в угол и собралась нанести удар. Женщина слева от меня держала телефон на уровне груди, как бутерброд, который собиралась съесть.

— Только что объявили, что мы в запретной для полетов зоне. Ага. Ничего не летает.

По громкой связи донесся другой голос, лишенный всяких интонаций и наверняка синтезиро-

ванный.

— Пассажиры, нуждающиеся в размещении на период непредвиденной задержки, должны подать заявку на информационной стойке, чтобы принять участие в лотерее ваучеров на скидку в отеле.

Робин постучал носком ботинка по моей икре.

— *Мы вернемся домой сегодня вечером?*

Мой ответ потонул в криках, донесшихся из дальней части вестибюля. Я велел Робби сидеть смирно, а затем направился в сторону суматохи. Расстроенный пассажир через три гейта от нас ткнул агента по продаже билетов в руку телефонным стилусом. Я вернулся на наши места, где грузная женщина говорила своему телефону:

— Это прикрытие, верно? Это все те люди из ЧУЭ. Я права? Все сложнее, чем кажется.

Я хотел предупредить ее, что теперь говорить определенные вещи при свидетелях незаконно.

Робин окинул взглядом зону вылета, что-то напевая себе под нос. Я наклонился ближе. High Hopes — «Большие надежды». Большие надежды на свет в конце тоннеля. Али пела ему эту песню в детстве, когда купала его.

Нам удалось добраться до дома. Робби отправился наверстывать упущенное на сеансах

нейрофидбека, а я один за другим тушил пожары на работе. Через несколько дней сын взял меня с собой понаблюдать за птицами. Стоять неподвижно и смотреть в оба — такое у него теперь было любимейшее занятие. Конечно, он предположил, что оно и во мне пробудит самое лучшее. Не сложилось. Я стоял неподвижно. Я смотрел в оба. Но все, что мог видеть — десятки прогулок, на которые меня приглашала жена, прежде чем сдаться и отправиться наблюдать за птицами с кем-то другим.

Мы отправились в заповедник, находящийся в пятнадцати милях от города. Там добрались до места слияния озера, луга и леса.

— *Прямо здесь,* — заявил Робин. — *Они любят границы. Они любят летать туда и обратно из одного мира в другой.*

Мы сидели в высокой траве у валуна, чувствуя себя маленькими. День был ясный, как хрусталь. Мы передавали друг другу старый швейцарский бинокль Али. Робби интересовали не столько отдельные птицы, сколько их крики, наполняющие воздушный океан. Я не понимал, до чего те разнообразны, пока мой сын не обратил на них мое внимание. И тут я услышал совершенно необычную песню.

— Ничего себе. Что это?

Он разинул рот.

— *Серьезно? Ты не знаешь? Это твоя любимая птица.*

Там были сойки и кардиналы, пара поползней и хохлатая синица. Робин даже опознал полосатого ястреба. Что-то промелькнуло мимо, желто-бело-черное. Я потянулся за биноклем Али, но существо исчезло быстрее, чем я поднес его к глазам.

— Ты видел, что это было?

Но Робин был настроен на другие мысли, получая их по свободной частоте. Он окинул взглядом горизонт, надолго замер.

– *Думаю, я знаю, где все*, — проговорил он наконец.

До меня не сразу дошло, что речь о вопросе, который увлек его так давно, звездной ночью в Дымчатых горах. О парадоксе Ферми.

— Выкладывай, приятель. Обещаю не придираться к мелочам.

— *Помнишь, ты говорил, что где-то может существовать большой блокпост?*

— Великий фильтр. Вот как мы это называем.

— *Например, Великий фильтр мог существовать в самом начале, когда молекулы превра-*

тились в нечто живое. Или позже, когда в ходе эволюции впервые развилась клетка, или когда клетки научились собираться в многоклеточные организмы. Или, может быть, когда возник первый мозг.

— Множество критически важных мест.

— Я просто подумал вот о чем… Мы смотрим и слушаем уже шестьдесят лет.

— Отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия.

— Я знаю. Но, может быть, Великий фильтр не в прошлом, а в будущем.

И, может, мы как раз достигли его. Дикое, безжалостное и богоподобное сознание, много-много сознаний, экспоненциальное и мощное, как взрыв, усиленное машинами и умноженное на миллиарды: слишком ненадежная сила, чтобы просуществовать долго.

— Потому что в противном случае… Напомни, каков возраст Вселенной?

— Четырнадцать миллиардов лет.

— Потому что в противном случае они были бы здесь. Повсюду. Верно?

Он замахал руками, указывая сразу во все стороны, а потом оцепенел, заметив над землей нечто первозданное. Робби увидел их первым, когда

они казались просто пятнышками: семейство из трех песчаных журавлей, летящих в свободном строю на юг, к зимним квартирам, которые юный потомок еще не видел. Они улетали поздно. Но вся осень запаздывала на несколько недель, в то время как наступление следующей весны обещало быть преждевременным.

Они приближались растянутой цепочкой. Их изогнутые крылья, точно серые шали с черной бахромой, поднимались и опускались. Длинные темные кончики маховых перьев напоминали призрачные пальцы. Журавли летели, вытянувшись единой стрелой от первого клюва до последних когтей. У каждого между тонкой шеей и ногами виднелась выпуклость тела, которое казалось слишком громоздким, чтобы подняться в воздух, даже с учетом размаха огромных крыльев.

Птичий зов повторился, и Робби схватил меня за руку. Одна, вторая, все три птицы вместе издали аккорд, пробирающий до глубины души. Они оказались так близко, что мы увидели красные пятна на их головах, формой напоминающих луковицу.

— *Динозавры, папа.*

Птицы пролетели над нами. Робби стоял непо-

движно и смотрел, как они с каждым взмахом крыльев все больше растворяются в пустоте. Он казался испуганным и маленьким, не понимающим, как оказался здесь, на краю леса, воды и неба. Наконец его хватка на моем запястье ослабла.

— Почему мы решили, что узнаем инопланетян? Мы даже собственных птиц не знаем.

Мы увидели Симилис издалека. Это был безупречный шар цвета индиго, мерцающий отраженным светом ближайшей звезды.

— Что это такое? — спросил мой сын. *— Похоже на творение чьих-то рук.*

— Это солнечная батарея.

— Солнечная батарея, которая покрывает всю планету? С ума сойти!

Мы сделали несколько кругов над поверхностью Симилиса, убеждаясь в справедливости его слова. Этот мир пытался захватить каждый фотон, который на него падал.

— Самоубийство, папа. Если они пожирают всю энергию, то как выращивают пищу?

— Может быть, на Симилисе едой считается что-то другое.

Мы спустились на поверхность планеты, чтобы осмотреться. Там было так же темно, как на

Нитаре, но гораздо холоднее. И еще вокруг царила тишина, если не считать фонового гула, чей источник мы попытались отыскать. Там были озера и океаны, оцепеневшие под толстым слоем льда. Мы проходили под сенью беспорядочно разбросанных, разломанных коряг, которые, должно быть, когда-то были величественными деревьями. Мы увидели пустые поля и обнаженные пастбища из шлака и камней. Дороги были заброшены, города и поселки опустели. Но не нашлось никаких признаков разрушения или насилия. Все приходило в упадок медленно, само по себе. Мир выглядел так, будто все жители вышли из домов и вознеслись на небеса. Но небеса закрыли солнечные батареи, неустанно всасывающие электроны.

Мы отследили гул до долины, где нашли единственные сохранившиеся здания — огромные промышленные казармы, охраняемые и ремонтируемые вечно бдительными роботами. Внушительные кабели направляли всю энергию, захваченную солнечной оболочкой, в разросшийся комплекс.

— *Кто это построил?*

— Жители Симилиса.

— *Что это?*

— Серверная ферма.

— *Что со всеми случилось, папа? Куда делись люди?*

— Они все внутри.

Мой сын нахмурился и напряг воображение. Здание из микросхем, безмерно большее внутри, чем снаружи. Многообразные, ничем не ограниченные, бесконечные и изобретательные цивилизации… тысячелетия надежд и страха, приключений и устремлений… смерть и перерождение, сохранение и перезагрузка — снова и снова, пока не иссякнет электричество.

На свой десятый день рождения мальчик, которого когда-то нельзя было разбудить утром без того, чтобы он не завыл как обезьяна-ревун, принес мне завтрак в постель: фруктовый компот, тосты и творожные шарики с орехами пекан, все искусно разложенные на блюде. Рядом был рисунок с букетиком хризантем.

— *Вставай, чувак. Сегодня у меня сеанс. И нужно сделать так много домашней работы, прежде чем мы уйдем. Это все из-за тебя!*

Он хотел дойти до лаборатории Карриера пешком. Та находилась в четырех милях от нашего дома, в двух часах ходьбы в каждую сторону. Я не был в восторге от того, чтобы потратить полдня

на приключение, но это был единственный подарок на день рождения, который он пожелал.

Клены пылали оранжевым на фоне темно-синего неба. Робби взял свой самый маленький альбом. Он держал его на сгибе руки, что-то рисуя на ходу. Останавливался из-за самых банальных вещей. Муравейник. Серая белка. Дубовый лист на тротуаре — с прожилками оттенка красной лакрицы. Робби и Али оставили меня далеко позади, прикованным к Земле. Мне самому нужно было побыть наедине с женой, чтобы испытать тот экстаз, источник которого она так и не открыла. Карриер уже однажды отказал мне в фидбеке. Но тем утром я решил, что настало время для ультиматума.

Несмотря на мои постоянные понукания, мы пришли в лабораторию с опозданием на десять минут. Я вошел извиняясь. Джинни и пара лаборантов о чем-то беседовали. Они потрясенно замолчали, увидев нас. Джинни расстроенно покачала головой.

— Мне так жаль, ребята. Сеанс отменен. Я забыла позвонить.

Я растерялся, но не успел надавить на нее, как из заднего коридора появился Карриер.

— Тео. Можем поговорить?

Мы направились в его кабинет. Джинни схватила Робина за плечо.

— Хочешь посмотреть на морских слизней?

Робин загорелся, и она увела его прочь.

Я никогда не видел, чтобы Мартин Карриер двигался так медленно. Он махнул мне, чтобы я сел. Профессор остался стоять у окна.

— Нашу деятельность приостановили. Управление по защите человека как объекта исследований прислало уведомление вчера вечером.

Моя первая мысль была о безопасности сына.

— Методика продемонстрировала неожиданный эффект?

Карриер повернулся ко мне лицом.

— Помимо того, насколько она оказалась многообещающей? — Он помахал рукой в знак извинения и собрался. — Нам приказано прекратить все дальнейшие эксперименты, полностью или частично финансируемые Службами здравоохранения и социального обеспечения. Нас ждет проверка на предмет возможных нарушений в области защиты прав человека.

— Подождите. Здравоохранение и соцобеспечение? Такого не может быть.

От моего неуклюжего возражения он опять скривился. Подошел к своему столу и сел. Посту-

чал по клавиатуре. Мгновение спустя прочитал с экрана.

— «Есть опасения, что процедуры могут нарушать целостность, автономию и неприкосновенность объектов исследования».

— Неприкосновенность?!

Профессор пожал плечами. Это звучало как форменный идиотизм. ДекНеф был простой, самомодулирующейся терапией, показывающей хорошие результаты. Лаборатории по всей стране проводили гораздо более хитроумные испытания. Более радикальные эксперименты осуществлялись внутри тел сотен тысяч детей каждый день. Но кто-то в Вашингтоне стремился обеспечить соблюдение новых руководящих принципов защиты человека.

— Правительство не закрывает рациональные научные исследования просто так. Вы каким-то образом настроили против себя власть имущих?

Карриер вдохнул, и меня осенило. Он ничего не сделал. А вот мой сын, ходячий мем, — да. Приближались выборы, и конкуренты шли ноздря в ноздрю. Одним жестом, предназначенным для того, чтобы попасть в новости, агенты стремящейся к хаосу администрации воззвали к чувствам участников Крестового похода за неприкосно-

венность человека, подавили экологическое движение, наплевали на науку, сэкономили деньги налогоплательщиков, набросили на вентилятор и избавились от новой угрозы для культуры потребления.

Марти выдержал мой пристальный взгляд — сама по себе нейронная обратная связь. Ему было так же сложно воспринять эту идею, как и мне. Куда проще объяснить случившееся обычной скупостью, но мы оба не были склонны к простым объяснениям. Он отодвинул кресло на колесиках от компьютера и помассировал лицо ладонями.

— Излишне говорить, что это убивает любые шансы на лицензирование методики. Если бы я был параноиком…

Он им был в достаточной степени, чтобы оставить мысль незаконченной.

— Что будете делать?

— Подчинюсь требованиям следователей и обращусь в комиссию по апелляциям. Что еще я могу? Может, это ненадолго.

— А тем временем…

Он искоса посмотрел на меня.

— Вы хотите знать, что с ним будет без дополнительных процедур.

Я устыдился, но он был прав. Эволюция рас-

ставила нам ловушку: окажись на кону судьба целого вида, я бы все равно в первую очередь беспокоился о своем сыне.

— Честный ответ таков: мы не знаем. У нас пятьдесят шесть субъектов, которые получают ту или иную форму обратной связи. Их всех ждет резкое прекращение занятий. Мы вошли в неизведанные воды. Нет данных о том, что произойдет дальше. — Он оглядел свой офис, вдохновляющие плакаты и трехмерные головоломки. — Если повезет, то окажется, что Робин достиг стабильной орбиты. Может, он продолжит завоевывать новые рубежи самостоятельно. Но ДекНеф может продемонстрировать свойство, присущее любым физическим упражнениям. Когда перестаешь тренироваться, все успехи ухудшаются, и ты возвращаешься к телесной стартовой точке. Жизнь — машина, создающая гомеостаз.

— Что мне делать, если начнутся изменения?

Казалось, он хотел попросить меня об одолжении, как ученый ученого.

— Я бы попросил вас продолжать приводить его для оценки состояния, если бы мог. Но я не могу, пока это расследование не закончится.

— Понятно, — сказал я.

Хотя на самом деле ничего не понимал.

Пока мы шли домой, Робин казался настроенным философски.

— *Эксперимент продолжается, да? Что бы ни случилось, мы узнаем что-нибудь интересное.*

Я понятия не имел, утешает он меня или обучает научному методу. Я не мог сосредоточиться. Думал обо всех законных научных исследованиях, которые могут быть закрыты, начиная с сегодняшнего дня и до выборов, потому что политикам такое взбрело в голову. Мы заплыли, как сказал Марти, в неизведанные воды.

— Это временно. Они просто на некоторое время приостановлены.

— *Кто-то подумал, что сеансы опасны?*

Клены были слишком оранжевыми. Тренькнул смартфон, уведомив о входящем сообщении. Я чувствовал запах зимы в воздухе, за две тысячи миль и в трех днях пути от нас. Робби потянул меня за рукав.

— *Это ведь не из-за Вашингтона?*

— О, нет, Робби. Конечно, нет.

Он вздрогнул от тона моего голоса. Мой почтовый колокольчик снова звякнул. Робби остановился на тротуаре и сказал необычайно странную вещь.

— *Папа… если бы ты отправился в море или на*

войну… если бы с тобой что-то случилось… Если бы ты умер? Я бы просто стоял неподвижно и думал о том, как двигаются твои руки, когда ты идешь, и тогда ты бы остался со мной.

После ужина он попросил меня устроить тест с карточками, на которых были изображены цветы, растущие в разных штатах. Перед сном развлекал рассказами о планете, где день длился всего час, но час длился дольше, чем год. И годы имели разную продолжительность. Время ускорялось и замедлялось, в зависимости от широты. Некоторые старики были моложе юнцов. То, что произошло давным-давно, иногда оказывалось ближе, чем вчера. Все так запуталось, что люди перестали следить за временем и довольствовались Настоящим. Это был хороший мир. Я рад, что он его сотворил.

Робби шокировал меня, поцеловав на ночь в губы, как упрямо делал в шестилетнем возрасте.

— Поверь мне, папа. Со мной все на сто процентов хорошо. Мы можем продолжать занятия сами. Ты и я.

В тот первый вторник ноября онлайн-теории заговора, испорченные бюллетени и группы вооруженных протестующих против результатов голосования подорвали честность выборов в

шести разных штатах, которые превратились в поля сражений. Страна погрузилась в трехдневный хаос. В субботу президент объявил выборы недействительными. Он приказал провести их повторно, заявив, что для обеспечения и реализации потребуется еще как минимум три месяца. Половина электората восстала против такого плана. Другая половина готова была вновь пойти на избирательные участки стройными рядами. В ситуации, когда все подозревали всех, а факты подтверждались лайками, не было другого пути вперед, кроме как все переделать с нуля.

Я спрашивал себя, как объяснить наш кризис антропологу с Проксимы Центавра. Эта страна, этот вид разумных существ, эти технологии, превратившиеся в ловушку, — в подобных условиях даже простой счет по головам невозможен. От гражданской войны нас удерживало лишь то, что все без исключения пребывали в полнейшем замешательстве.

Был слишком теплый для поздней осени день, когда я увидел Робби на заднем дворе: он рисовал в блокноте, держа цветной карандаш как скальпель. Дернулся, когда моя тень упала на траву перед ним, и поспешно захлопнул блокнот. Его скрытность удивила меня. Он переключился

на рабочие листы с математическими задачами — умножение двузначных чисел — и сунул компрометирующую тетрадь под сложенные по-турецки ноги, как будто она могла исчезнуть в траве и почве.

Последнее, чего мне хотелось — снова копаться в его личных заметках. Но, учитывая ситуацию, показалось разумным проверить. Я ждал три дня, пока Робби не отправился на велосипедную прогулку к железнодорожным путям, чтобы поискать мигрирующих бабочек-монархов на последних побегах молочая. Прочесал его книжный шкаф и главные тайники в спальне, пока не нашел нужную записную книжку. Между полевыми заметками прятался разворот, всплеск линий и цветов, этакая детская версия Кандинского. В рисунке ощущался тот прилив модернистского восторга, который испытало поколение художников, обреченное вскоре сгореть. Внизу Робби написал мелким дрожащим почерком: «*Вспомни, как ты ощущаешь ее! Ты можешь вспомнить!!!*»

В понедельник утром мне пришлось пойти в спальню сына, чтобы разбудить его к завтраку. Я приготовил его любимый омлет с тофу. Когда я попытался вытащить его из постели, он накричал на меня, а потом расстроился из-за шума,

который сам и поднял.

— *Папа! Прости. Я действительно устал. Я не очень хорошо спал.*

— Было слишком тепло?

Робби закрыл глаза, как будто рассматривая отголоски сна на внутренней стороне век.

— *Птицы исчезли. Вот что случилось. В моем сне.*

Он собрался с духом и встал. Мы позавтракали и хорошо провели день, хотя на домашнюю работу у него теперь уходило больше времени. Пошли в парк, поиграли в бочче, и Робби выиграл. Возвращаясь домой, мы увидели, как орел схватил плачущую горлицу, и хотя мой мальчик вздрогнул при виде клюва, разрывающего плоть, но все равно нарисовал его по памяти.

Я так отстал в своем преподавании, что мог потерять должность. И все равно после ужина взял его за плечи и сказал:

— Как хочешь провести вечер? Назови галактику.

Он не думал над ответом. Назидательным жестом приказал сесть на диван, налил мне стакан гранатового сока — ничего более похожего на вино у нас не нашлось — и подошел к книжной полке. Достал потрепанную антологию, вложил

мне в руки.

— *Прочти мне любимое стихотворение Честера.* — Я рассмеялся. Робби пнул меня по голени. — *Серьезно.*

— Я не уверен, какое из них была его любимым. Может, мне почитать тебе любимое стихотворение твоей мамы?

Он даже не потрудился пожать плечами — просто взмахнул своими маленькими ручками. Я прочитал ему «Молитву о дочери» Йейтса. Может, оно не было любимым стихотворением Али. Может, я просто запомнил, как она читала его мне. Это длинное стихотворение. Оно казалось длинным, когда мне было за тридцать. Робину оно наверняка показалось бесконечным, как эон. Но он сидел неподвижно до самого конца. Он еще не растерял всю концентрацию. Меня так и подмывало пропустить несколько строф, но я не хотел, чтобы двадцать лет спустя он узнал, что я его обманул.

Все шло хорошо до девятой строфы. Ее я прочитал, делая длинные паузы.

Когда ж от зла душа освободится,
В ней целомудрие былое возродится,
Тогда она узнает, что покой

И наслаждение, и робость в ней самой,
Что зов ее и глас небесный схожи,
Она, пускай косятся зло,
Пусть ветер стонет тяжело
И рвет мехи, счастливой будет все же.[21]

Робин не шелохнулся на протяжении всей этой долгой истории. Он сидел оцепенев, пока я не закончил. Потом, продолжая прижиматься к моему боку, спросил чистым дискантом:

— *Я не понял смысла, папа. Честер, наверное, понимал больше, чем я.*

Несколько месяцев назад я пообещал ему, что мы вернемся к теме новой собаки. Ничто не удерживало меня от того, чтобы довести дело до конца, кроме эгоистичной трусости. Я легонько толкнул его локтем в бок.

— Мы так и не купили тебе подарок на день рождения, Робби. Может, поищем нового Честера?

Я думал, эти слова взбодрят его. Он даже не поднял головы.

— *Может быть, папа. Вдруг поможет.*

---

[21] Сноски: 21
Перевод Ю. Мениса.

Первый срыв случился, когда мы возвращались из обувного магазина в торговом центре. Мы были в шести кварталах от дома, на окраине нашего тихого района, когда я сбил белку. Особенность белок в том, что они думают, что машина — хищник. Под воздействием естественного отбора они пытаются ускользнуть от преследования кратчайшим путем и в результате врезаются прямо в автомобиль, едущий по улице.

Когда зверек бросился мне под колеса, раздался удар, приглушенный мехом. Робин обернулся и посмотрел на разумное существо, лежащее на дороге позади нас. Я тоже заметил в зеркале заднего вида бугорок на асфальте. Мой сын закричал. В закрытой машине звук стал диким, долгим и леденящим кровь, прежде чем превратился в слово «папа».

Он отстегнул ремень безопасности и открыл пассажирскую дверь. Я тоже закричал и схватил его за левую руку, чтобы он не выскочил из движущейся машины. Я подкатил к карману на обочине жилой улицы. Он все еще выл, пытаясь вырваться из моей хватки и выпрыгнуть. Я держал его, пока он не перестал сопротивляться. Но конец борьбы не был концом его воплей. Он успокоился достаточно, чтобы снова наброситься

на меня.

— *Ты убил ее! Блин, ты убил ее!*

Я сказал ему, что это был несчастный случай, что все произошло слишком быстро, чтобы я вообще мог осознанно среагировать. Я извинился. Все было бессмысленно.

— *Ты не притормозил! Ты не… Мама умерла, чтобы не убивать опоссума, а ты даже не убрал ногу с педали газа!*

Я попытался погладить его по волосам, но он оттолкнул меня. Повернулся, чтобы выглянуть в заднее окно.

— Робби, — сказал я. Но он не отводил взгляда от холмика на дороге. Я попросил его сказать что-нибудь, рассказать, что он чувствует. Но он закрыл лицо руками. Ничего не оставалось, как завести машину и отправиться домой.

Там он направился прямо в свою комнату. Перед ужином я постучал. Он приоткрыл дверь и спросил, можно ли ему пропустить трапезу. Я сказал, что он может поесть в своей комнате, если хочет. Наполнил миску печеными яблоками, которые он так любил. Но когда я вошел в половине восьмого, миска осталась нетронутой. Он лежал в своей клетчатой пижаме, выключив свет и закинув руки за голову.

— Хочешь планету?

— *Нет, спасибо. У меня есть одна.*

Я некоторое время сидел в своем кабинете и делал вид, что работаю. Подходящий час для отхода ко сну, казалось, не наставал целую вечность. Я проснулся от кошмара, и крошечная рука сжимала мое запястье. Робин стоял у моей кровати. В темноте я не видел его лица.

— *Папа. Я деградирую. Я это чувствую.*

Я лежал там, поглупев спросонок. Ему пришлось объяснять.

— *Как мышонок, папа. Как Элджернон.*

Дни становились короче, а я трудился, пытаясь сохранить интерес Робина к урокам. Ему нравилось, когда я сидел рядом и делал их вместе с ним. Но стоило мне заняться своей работой, как он впадал в транс.

Мы с ним пережили равноденствие и, что еще труднее, праздники. Я солгал семье Али, сказав им, что мы празднуем где-то в другом месте. По обоюдному согласию мы провели неделю сами по себе. Бродили на снегоступах по заснеженным кукурузным полям сразу за городом. Робби сделал украшения для елки из эскизов, вырезанных из его полевых заметок. На Новый год все, чего он хотел — это играть в бесконечные игры на

концентрацию с «Певчими птицами Восточной части США», игральными картами, которые подарил мне на Рождество. К восьми он уже спал.

В течение всего января Робби маленькими шажками переходил из цветного мира в черно-белый. В начале февраля я дал ему недельный перерыв в занятиях, ни с того ни с сего. Он нуждался в этом. Снова начал играть в ферму на компьютере после паузы в несколько месяцев. Обижался, когда я говорил сделать перерыв. Еще до конца недели захотел вернуться к своим школьным заданиям. Ему не хватало сосредоточенности, чтобы усидеть больше получаса зараз, но он отчаянно хотел чему-нибудь научиться. Я знал, что мне придется отвести его к врачу, если это продолжился.

— *Устрой мне охоту за сокровищами, папа. Какую хочешь.*

— Сколько оберточной бумаги у тебя осталось после Вашингтона?

Он скорчил гримасу.

— *Не напоминай мне о Вашингтоне. Я втянул тебя в неприятности.*

— Робин! Хватит.

— *Из-за меня доктора Карриера заставили прекратить эксперименты. И теперь сам видишь,*

что происходит!

— Это неправда. Я разговаривал с доктором Карриером два дня назад. Есть шанс, что лаборатория скоро заработает.

— *Как скоро?*

— Я не знаю. Может быть, к лету.

В тот момент мои слова не казались ложью. И они заставили его выпрямиться, он походил на встревоженную луговую собачку. Я бы соврал ему опять.

Мысль об отсрочке как будто придала Робби сил. Воображать, что он снова будет заниматься, было почти так же хорошо, как и делать это по-настоящему. Где-то во Вселенной есть существа, у которых вся жизнь так устроена. Он потеребил шнурки на ботинках, успокоенный своим раскаянием. Потом сказал своим ботинкам:

— *У меня еще осталась куча бумаги.*

На самом деле у него было около десяти футов. Мы обрезали фут с одного конца.

— Девять футов. Идеально. Раскатай его в гостиной.

— *Ты серьезно?*

Его пришлось уговаривать. Он раскатал бумажную дорожку посередине комнаты.

— Хорошо. Девять футов на четыре с половиной

миллиарда лет. Это полмиллиарда лет на фут. Давай нарисуем временную шкалу.

Он немного собрался и поднял палец. Пошел в свою комнату и вернулся с корзинкой цветных карандашей и фломастеров. Потом мы оба опустились на пол и принялись за работу. Я отметил простым карандашом основные точки маршрута: конец катархея, один фут от начала нашего свитка. Сразу после него — начало жизни. Робби нарисовал первые микробы, сотни цветных пятнышек, которые с трудом можно было разглядеть без увеличительного стекла. Он заполнил следующие четыре фута радугой клеток.

Через пять футов я отметил момент, когда конкуренция уступила место сетевому взаимодействию, и сложные клетки наводнили Землю. Клетки Робби немного набухли и приобрели текстуру. Еще через два фута нарисованные им фигуры превратились в червей и медуз, морские водоросли и губки. Когда я наконец остановил его тем вечером, он снова был самим собой.

– *Славный день*, — заявил он, когда я уложил его спать.

— Согласен.

— *И мы еще даже не добрались до самого главного.*

Когда я проснулся на следующее утро, он был в гостиной: добавлял, уточнял, подправлял и ждал, когда я отмечу начало важнейшего события. Я нарисовал его карандашом — кембрийский взрыв, чуть более фута от конца свитка.

— *Папа, здесь больше нет места. И все только начинается. Нам нужна бумага пошире.*

Он развел руками, потом уронил их. Энтузиазм и отчаяние слились в нечто единое. Я оставил его наедине с этим чувством и занялся собственным моделированием, чувствуя себя преступником. Все утро он просидел над шкалой. Парад гигантских существ веером растянулся по всей ширине листа. Робби пообедал на полу, склонившись над своим усложняющимся шедевром. В какой-то момент он встал и отступил назад, широко раскрыв рот от гордости и гнева. Недолго поглядев на дело своих рук сверху, снова погрузился в гущу событий.

Весь тот день мы работали бок о бок. Я заглядывал пару раз, но его грандиозное путешествие шло полным ходом, и последнее, чего Робби хотел — это помощи от кого бы то ни было. В пять, окосев от чересчур долгого труда за монитором, я решил приготовить ужин. День был таким прекрасным, что я хотел вознаградить его, а

это означало гамбургеры с грибами и жареную картошку.

Я надел наушники, чтобы послушать новости, пока готовлю еду. Стеблевую ржавчину, которая убила четверть урожая пшеницы в Китае и Украине, обнаружили в Небраске. Пресная вода из растворяющейся Арктики хлынула в Атлантику, меняя маршрут защитных течений, как рука, прошедшая сквозь дымовой шлейф. И отвратительная инфекция поразила площадки для откорма крупного рогатого скота в Техасе.

Я забылся — точнее, забыл, что мой сын ползает по полу в другой комнате. Я выкрикнул что-то мерзкое, причем громче, чем предполагал. Из-за наушников не слышал Робина, пока тот не потянул меня за рубашку. Он напугал меня, и я вздрогнул. Сын разволновался и занервничал.

— *Ну, не надо игнорировать меня! В чем дело?*

— Да так, ерунда. — Я вынул наушники и остановил приложение. — Просто новости.

— *Что-то плохое? Точно что-то плохое. Ты грязно выругался.*

Я совершил ошибку.

— Ничего страшного, Робби. Не волнуйся.

За ужином он атаковал тарелку, продолжая обиженно молчать. А потом простил меня, как-то

слишком уж быстро. Когда я выставил жареный миндаль в шоколадной пудре, мой сын снова улыбался. Я сглупил — я ничего не понял.

После того как мы закончили, он вернулся на свое место в гостиной, а я — к компьютеру. Настраивал один из алгоритмов для извержений вулканов в водных мирах, когда с другого конца дома раздался глухой стук. Я снова выругался. Звук был такой, словно маленькое млекопитающее забралось в стены спальни Робина и свило гнездо между распорками. Мне бы ни за что не удалось вытащить его и спасти свой дом, не вызвав у сына новый срыв.

Опять раздался глухой удар, за ним еще несколько, слишком равномерных, чтобы их мог произвести не человек. Казалось, где-то работал неумеха-водопроводчик. Я отправился на разведку.

Звук доносился из спальни Робина. Я открыл дверь и увидел, как он свернулся калачиком в углу, держа в руках свой транспондер для исследования планет, и бьется головой о стену. Удары были медленные, несильные, испытующие — как будто он проводил эксперимент, проверяя, на что способен ради покаяния.

Я бросился к Робби с криком, но не успел отта-

щить его от стены. Он вскочил на ноги, вырвался из моих рук и пулей вылетел из комнаты. Я остановился ровно настолько, чтобы проверить планшет. На экране группа обезумевших коров натыкалась друг на друга, потеряв контроль над собственным телом. Одна из них медленно опустилась на землю, замычав в замешательстве. Крупный план перешел к съемке с воздуха: сотни живых существ колыхались сплошной массой.

История разошлась по всей Сети: инфекция мозга, охватившая четыре с половиной миллиона голов крупного рогатого скота в Техасе, распространялась от одной откормочной площадки к другой с поразительной скоростью. Робин вошел в мою учетную запись и отыскал новость, используя пароль, который я никогда не менял: любимая птица его матери, летящая задом наперед.

Снаружи послышались крики, совмещаясь с мучительным видео.

— Прекрати! Хватит! Довольно!

Я выбежал из комнаты и вышел на улицу. Он был один на темном заднем дворе. Вокруг царило умиротворение, и не было видно никого, кроме моего плачущего ребенка. Робби упал как подкошенный, как только я оказался рядом. Крики усилились, когда я попытался обнять его.

— *Хватит. Прекрати. Прекрати!*

Я опустился на колени и взял его лицо в ладони. Мой собственный сбивчивый шепот был наполовину утешением, наполовину попыткой заставить его замолчать.

— Робби. Тише. Не надо. Все будет хорошо.

Слово «хорошо» вызвало неистовый вопль прямо возле моего уха, который разбил мне сердце вдребезги. Я отпрянул, и Робби вырвался. Он пересек двор и завернул за угол дома прежде, чем я смог подняться на ноги. Я загнал его внутрь. Он снова свернулся калачиком в углу своей комнаты и начал биться о стену головой. Я ворвался в дверной проем и бросился между стеной и его черепом. Но он довершил начатое за миг до того, как я оказался рядом, и обмяк в моих руках. Из его горла вырвался звук не менее ужасный, чем его крики. Долгое, тихое бульканье: полный крах.

Я баюкал Робби и гладил по волосам. Он не сопротивлялся. Али перестала шептать мне на ухо подсказки в тот самый момент, когда я больше всего в ней нуждался. Мозг тщетно подыскивал слова, которые не вызвали бы еще один срыв. Все варианты казались бессмысленными. Там, где мы жили, откормочные площадки субсидировались государством, а нейрофидбек был запрещен. Зря

я привел его на эту планету.

— Робби. Есть и другие места.

Он поднял голову и вперил в меня жестокий взгляд опухших глаз.

— *Где?*

Он обессилел. Гнев его очистил. Я дал ему полежать еще немного. Потом поднял, повел на кухню, приложил лед ко лбу. В ванной он умылся и почистил зубы, не выходя из ступора. Появилась шишка над правой бровью, пухлая и темная, как тысячелетнее яйцо.

Робби не хотел читать или чтобы ему читали. Он яростно отверг путешествие в космос. Лежал в постели, уставившись в потолок.

— *Почему ты скрывал это от меня, папа?*

— Потому что боялся именно того, что произошло. — Это был честный ответ, и все же я трусил. — Мне не следовало так поступать.

— *Что с ними будет?*

— Их усыпят. Наверное, уже усыпили.

— *Убили.*

— Да.

— *Не распространится ли это? Животных содержат в такой тесноте. И развозят повсюду…*

Я сказал ему, что не знаю. Теперь ответ мне известен.

Лежа на своей узкой кровати, Робби выглядел невероятно бледным. Он выпростал руку из-под простыни и прикрыл ладонью глаза.

— *Ты видел? Видел, как они двигались?*

В тишине Робби дернулся всем телом, как под током, — такое бывает на грани засыпания. Он схватил меня за руку, как будто хотел, чтобы я помог ему не упасть. Его предплечье казалось тоненьким, как увядший стебель.

— *В прошлом месяце…* — начал он, а потом запутался. — *На прошлой неделе? Я мог бы справиться с этим.*

— Робби. Дружище. У всех бывают плохие дни. Ты сможешь…

— *Папа?* — Он оцепенел. — *Я не хочу опять становиться собой.*

— Робби. Я знаю, что это похоже на конец света. Но все не так.

Он натянул простыню на лицо.

— *Уходи. Ты не знаешь, что происходит. Я не хочу с тобой разговаривать.*

Я не шевелился. Любое мое слово могло заставить его с криком выскочить обратно в темный двор. Проходили минуты. Казалось, он смягчился. Возможно, начал засыпать. Он откинул простыню с лица и поднял голову с подушки.

— Почему ты все еще здесь?

— Ты ничего не забыл? Пусть все разумные существа…

Он поднял вялую руку.

— Я хочу изменить слова. Пусть все живое. Освободится. От нас.

Гости появились в следующий понедельник. Еще не было десяти. Я читал электронное письмо из НАСА с последними новостями об «Искателе». Новости были нехорошие. Робби разложил книжки на обеденном столе, изучая провинции Канады. Незнакомцы позвонили в парадную дверь: женщина и мужчина в пуховиках, мужчина прижимал портфель к груди. Я открыл. Они показали удостоверения личности: Чарис Сайлер и Марк Флойд, социальные работники Отдела по делам детей, молодежи и семей Департамента социальных служб. Я мог не впускать их. Но это казалось неразумным.

Я забрал у них куртки и повел в гостиную.

– Кто-то пришел? — крикнул Робин через стену. На мгновение он стал похож на мальчика из фильма. На Джея. Он заглянул в гостиную, смущенный видом незнакомцев в доме.

— Робин? — спросила Чарис Сайлер.

Мой сын с любопытством изучил ее.

— У меня гости, Робби, — сказал я. — Как насчет того, чтобы прокатиться на велосипеде?

— Посиди минутку, — скомандовал Марк Флойд.

Робин посмотрел на меня. Я кивнул. Он забрался в любимое вращающееся кресло Али и закинул ноги на пуфик.

Флойд спросил Робина:

— Над чем ты работаешь?

— *Я не работаю. Просто играю в географию.*

— Что это за игра?

— *Он ее придумал.* — Робин указал на меня большим пальцем. — *Он много знает, но иногда все делает неправильно.*

Флойд расспрашивал его об учебе, и Робин отвечал. Если штат намеревался проверить его учебную программу, результат получался достойный. Чарис Сайлер наблюдала за потоком вопросов и ответов. Через некоторое время она наклонилась ближе к Робби и спросила:

— Ты ушиб голову? — И все встало на свои места. Она поднялась и пересекла комнату, чтобы осмотреть синяк, который выступал над его правой бровью, как синий карбункул. — Как это произошло?

Робби замялся, не желая рассказывать незна-

комцам о том, что сделало его животное «я». Он бросил на меня взгляд. Я кивнул. Сайлер и Флойд видели это, не сомневаюсь.

— *Ударился.*

Слово прозвучало неуверенно, почти как вопрос.

Сайлер двумя пальцами откинула волосы Робби со лба. Я хотел сказать ей, чтобы она убрала руки от моего сына.

— Что именно случилось?

Робин больше не мог скрывать правду.

— *Я сам ударился головой о стену.*

Его честность была губительна.

— Как, милый? — спросила Сайлер тоном школьной медсестры.

Робби бросил на меня еще один робкий взгляд. Наши посетители перехватили его. Мой сын потрогал свой синяк и опустил взгляд.

— *Я должен еще что-то сказать?*

Все трое повернулись ко мне.

— Все в порядке, Робби. Ты можешь сказать им всё.

Он поднял голову, на пять секунд сделался дерзким. Затем опять скис.

— *Я был зол.*

— По поводу чего? — спросила Чарис Сайлер.

— *По поводу коров. А вы разве не злитесь?*

Она осеклась на полуслове. На мгновение мне показалось, что ей стало стыдно. Но мельчайшие мускулы на ее лице выдавали недоумение. Она не знала, каких коров он имел в виду.

Все катилось под откос. Я поймал взгляд Робина и кивнул в сторону входной двери.

— Может, проверишь, как там сова?

Он пожал плечами, пораженный глупостью взрослых. Пробормотал «до свидания» гостям и выскользнул из дома. Дверь за ним закрылась, и я повернулся к своим обвинителям. Их маски профессионального нейтралитета приводили меня в ярость.

— Я никогда и пальцем не трогал своего ребенка в гневе. Вы что себе позволяете?

— Мы получили наводку, — сказал Флойд. — Не бывает, чтобы нам звонили с тревожным сообщением, не имея на то оснований.

— Он был напуган. Очень, очень расстроен из-за вирусной энцефалопатии крупного рогатого скота. Он чувствителен к живым существам. — Я не добавил того, что должен был добавить: нам всем полагается быть в ужасе. Страх Робби все еще казался детским.

Марк Флойд полез в свой портфель и достал

папку. Положил на кофейный столик, открыл. Она была заполнена бумагами и заметками за два года, начиная с первого отстранения Робби в третьем классе и заканчивая моим арестом в Вашингтоне за публичный инцидент, в котором я использовал своего сына.

— Что это? Собрали на нас досье? У вас есть досье на всех проблемных детей в округе?

Чарис Сайлер нахмурилась, глядя на меня.

— Да, есть. Это же наша работа.

— Ну, а моя работа состоит в том, чтобы заботиться о своем сыне наилучшим из известных мне способов. Так я и поступаю.

Не помню, что произошло потом. Химические вещества, наводнившие мой мозг, мешали слышать многое из того, что говорили соцработники. Но суть была ясна: Робин представлял интерес для системы, и система наблюдала за мной. Еще один случай предположительного злоупотребления или ненадлежащего ухода — и государство вмешается.

Мне удалось пробудить в себе достаточный уровень раскаяния, чтобы проводить их до двери без лишней драмы. Стоя на крыльце и наблюдая, как отъезжает машина, я увидел Робби, который замер в конце квартала верхом на велосипеде,

ожидая момента, когда можно будет спокойно вернуться домой. Я помахал ему рукой, приглашая. Он вскочил в седло и изо всех сил нажал на педали, а потом спрыгнул на ходу, бросив велосипед на лужайке. Он подбежал ко мне и обнял за талию. Мне пришлось оттащить его, прежде чем он заговорил. Первыми словами, слетевшими с его губ, были:

— *Папа. Я разрушаю твою жизнь.*

Река форм длинная. И среди миллиардов вариаций, которые она пока что предложила, люди и коровы — близкие родственники. Неудивительно, что нечто лишь в некоторой степени живое — цепочка РНК, в которой закодировано всего двенадцать белков, — после небольшой подгонки с радостью попытало счастья с новым хозяином.

Лос-Анджелес, Сан-Диего, Сан-Франциско, Денвер: ни один из них не соответствовал плотности «населения» промышленной откормочной площадки для скота. Но человеческая мобильность и неустанная торговля с лихвой компенсировали недостаток. И все же тогда, в феврале, никто особо не волновался. Вирус, охвативший мясную индустрию, отошел на задний план, уступив место событиям, связанным с президентом.

Неделя за неделей он продолжал откладывать перенесенные выборы, утверждая, что цифровая безопасность в нескольких штатах еще недостаточна и что различные враги по-прежнему готовы вмешаться.

Потом наступил третий вторник марта, и вся усталая страна удивилась, когда избирательные участки наконец-то открылись. Но лишь половину из нас потрясло, когда очередную волну нарушений объявили незначительной, а президента провозгласили победителем.

Сигнал поступил с Ксении, маленькой планеты в скромной звездной системе, расположенной недалеко от кончика спирального рукава Вертушки. Там в начале ночи, которая длилась несколько земных лет, нечто вроде ребенка подняло нечто вроде фонарика к тому, что совсем не было похоже на ночное небо Земли.

Рядом с ребенком стояло существо, наиболее близкое к тому, чтобы считаться его родителем. На Ксении весь вид разумных созданий выделял толику зародышевой плазмы для рождения каждого нового потомка. Однако один ксениец взращивал одно дитя. На Ксении все были друг другу родителями и детьми, старшими сестрами и младшими братьями одновременно. Когда

умирал один индивид, умирали все и никто. На Ксении страх, желание, голод, усталость, печаль и прочие преходящие чувства растворились в общей благодати, как отдельные звезды теряются в сиянии солнца днем.

— Вон там, — сказал почти-отец своему почти-ребенку, и это было нечто, отдаленно напоминающее речь. — Чуть выше. Прямо там, наверху.

Малыш лежал на спине, дрейфуя на живом плоту из родичей над разумной почвой. Он почувствовал, как его почти-руку направили посредством процесса, для которого никто с Земли не придумал бы названия.

— Там? — спросило юное существо. — Прямо там? Почему же они нам не ответили?

Существо постарше отреагировало не звуком или светом, а изменениями в окружающем воздухе.

— Мы поливали их сигналами на протяжении тысяч поколений обитателей той планеты. Мы перепробовали все, что только могли придумать. Нам так и не удалось привлечь их внимание.

Последовательность химических веществ, выделяемых юным созданием, оказалась не совсем смехом. На самом деле это был целый вердикт, астробиологическая теория.

— Они, вероятно, были очень заняты.

Дни удлинялись. Солнечный свет вернулся. А мой сын — нет. Он был уверен, что подвел меня, что подвел всех существ, которых ему пришлось пережить. Он сидел, свернувшись калачиком, в кресле-яйце Али, или горбился за обеденным столом, уставившись на свою домашнюю работу. Мог пройти целый час, а он оставался скрюченным и неподвижным. Однажды я мельком увидел, как он держит ладони перед лицом, озадаченный тем, как жизнь просачивается сквозь пальцы.

Я мог ему помочь. Время опасений и принципов прошло. Все, что мне нужно было сделать, это принять будущие риски, и я мог бы облегчить его нынешнюю боль. Он нуждался в лекарстве.

Однажды вечером, после душа, Робби надолго задержался в ванной, и мне пришлось проверить, как он там. Сын стоял с полотенцем, обернутым вокруг хрупкого мальчишеского тела, и смотрел в зеркало.

— *Все исчезло, папа. Я даже не могу вспомнить то, чего не могу вспомнить.*

Вот о чем я больше всего тоскую. Даже когда внутри него погас свет, он продолжал глядеть на мир во все глаза.

До моих весенних каникул оставались счита-

ные дни. Я готовился втайне. Я подбросил ему идею.

— Как насчет грандиозной охоты за сокровищами? — Его плечи опустились. Он покончил с открытиями. — Нет, Робби. Я серьезно.

Мой сын подозрительно посмотрел на меня.

— *В смысле?*

— Надень пижаму и встретимся в моем кабинете.

Он повиновался, слишком любопытный, чтобы отказаться. Когда Робин появился рядом с моим столом, я протянул ему лист бумаги, заполненный названиями, всего две дюжины. Клейтония виргинская. Печеночница остродольчатая. Эпигея ползучая. Мителла двулистная. Смолевка виргинская. Шесть видов триллиумов.

— Знаешь, что это такое? — Если он и не знал, когда начал кивать, то понял это к тому времени, когда кивок был завершен. — Сколько ты сможешь найти и нарисовать?

У него затряслись руки. Он зарычал в отчаянии.

— *Папа!*

Я взял его за запястье, чтобы успокоить.

— Я имею в виду по-настоящему. С натуры.

Удивление помешало ему сорваться. Он взмах-

нул рукой, умоляя меня быть благоразумным.

— *Как? Где?*

Как будто тому, кто пал так низко, уже не суждено увидеть цветы.

— Как насчет Дымчатых гор?

Он покачал головой, отказываясь верить.

— *Ты серьезно?*

— Абсолютно серьезно, Робби.

— *Когда?*

— Как насчет следующей недели?

Он вгляделся в мое лицо, чтобы понять, не лгу ли я. Впервые за несколько недель в нем промелькнула надежда.

— *Можем ли мы снова остановиться в той же хижине? Спать на открытом воздухе? Пойти к той реке с порогами, куда вы с мамой ходили?* — Затем весь экзистенциальный ужас снова нахлынул на него. Он поднял список названий полевых цветов на уровень глаз и застонал. — *Как я выучу все это за неделю?*

Я поклялся: вернемся из леса — запишу его на прием к врачу, чтобы тот назначил таблетки.

Из-за поездки он начал сильно беспокоиться. Даже простейшие идеи теперь требовали бесконечного подтверждения. Он постоянно спрашивал о прошлом. Пока мы ехали через

большую часть Иллинойса, всю Индиану и Кентукки, Робин говорил об Али. Хотел знать, где она выросла, чему училась в школе. Расспрашивал, как мы познакомились, сколько времени нам потребовалось, чтобы пожениться, и обо всех местах, которые мы посетили до того, как он появился на свет. Сын хотел знать все, что мы делали вместе во время нашего медового месяца в Дымчатых горах и что Алиссе больше всего там понравилось.

Когда Робби не допрашивал меня, то изучал книгу «Полевые цветы Аппалачей», которую я ему подарил, проиндексированную по цвету и упорядоченную по времени цветения.

— *Что такое «эфемеры»?*

Я исправил ударение и объяснил.

— *Почему они отмирают так быстро?*

— Потому что живут внизу, в тени, на лесной подстилке. Они должны прорасти, распуститься, зацвести, дать плоды и семя до того, как на деревьях распустится листва, ведь это для них конец игры.

— *Какой у мамы был любимый весенний полевой цветок?*

Должно быть, я когда-то знал.

— Не помню.

— Какое у нее было любимое дерево? Ее любимое дерево ты тоже не помнишь?

Я хотел, чтобы он перестал спрашивать, пока я не забыл то немногое, что знал.

— Я могу назвать тебе ее любимую птицу.

Робби начал кричать на меня. Это было долгое путешествие.

Мне удалось снять ту же самую хижину, в которой мы останавливались так давно — с открытой лесу и звездам террасой вокруг всего дома. Мы с хрустом проехали по крутой гравийной дорожке, гоняясь за тенями деревьев. Робин выскочил из машины и взбежал по ступенькам крыльца, перепрыгивая по две зараз. Я последовал за ним с сумками. Внутри на всех выключателях по-прежнему красовались наклейки — «Прихожая», «Веранда», «Кухня», «Верхний этаж» — и шкафы по-прежнему были снабжены теми же цветными инструкциями.

Робби ворвался в гостиную и бросился на диван, украшенный вереницами медведей, лосей и каноэ. Через три минуты сын заснул. Его дыхание было таким спокойным, что я оставил его там спать на всю ночь. Он проснулся только на рассвете.

В то утро мы отправились в путь. Я нашел неда-

леко от границы парка подъем, который был обращен к южному солнцу и одновременно уводил под промозглый выступ скалы. Каждые двадцать ярдов мы натыкались на очередное сочащееся влагой обнажение породы, заселенное бóльшим количеством видов, чем какой-нибудь безумный террариум. Можно было вырезать кусок, загрузить его в отсек межзвездного космического корабля и использовать для терраформирования далекой суперземли.

Робин сжал в кулаке свой список. Он находил новые цветы повсюду, однако утратил способность называть вещи своими именами.

— *Это печальная анемона, папа?*

Он нашел поросшую цветами кочку, идентичную изображению в полевом справочнике.

— Я не знаю. Как ты думаешь?

— *Ну, лепестки не совсем совпадают. А маленькие штуковины посередине намного длиннее.*

Я посмотрел на иллюстрацию, а потом на него. Он потерял уверенность в себе. Четыре месяца назад он бы поспорил с книгой.

— Доверяй себе, Робби.

Он разволновался и замахал руками.

— *Папа. Просто скажи, и все.*

Я подтвердил догадку. Робби сделал набросок:

неуклюжий маленький кустик анемонов. Он продолжал поиски, а потом перепутал истинную купену с ложной. В итоге нарисовал и ту и другую.

Только рисование его немного успокаивало. Присев на какое-нибудь бревно, держа в руке заточенный карандаш, он был почти в порядке. Но ему потребовалась целая вечность, чтобы воссоздать призрачные фиолетовые полосы внутри цветка клейтонии виргинской. Он вспылил из-за того, что не смог как следует изобразить кандык американский. И, честно говоря, его мастерство рисовальщика немного пострадало в сравнении с воздушностью и смелостью, которые я видел месяц назад.

Список сокращался. Робби отыскал десять, затем двенадцать разновидностей эфемеров в цвету быстрее, чем кто-нибудь мог бы предположить. Каждая новая находка наполняла его упорным удовлетворением. Мы и полмили вверх по хребту не прошли, как сын нашел все виды растений, которые я включил в свое задание. Он оглянулся на скалистую стену, влажную и озаренную солнцем, покрытую сотрудничающими экспериментами.

— Весна будет возвращаться, что бы ни случилось. Верно, папа?

Вообще-то это утверждение нетрудно было опровергнуть. Земля бывала разной, от ада до снежка. Марс потерял свою атмосферу и превратился в холодную пустыню, в то время как Венера погрузилась в безжалостные ветры и поверхность ее раскалилась сильнее, чем заводская плавильная печь. Жизнь может потерпеть поражение и погибнуть почти в одночасье. Мои модели говорили об этом, как и камни нашей планеты. Обиталище людей быстро становилось чем-то новым. Прогнозы оказались недостоверными из-за выборки, ограниченной до единицы.

— Да, — сказал я Робби. — Можешь рассчитывать на весну.

Он кивнул и без единого слова направился вверх по склону. После резкого поворота тропы перед нами открылся ровный участок. Лес с каждым шагом становился все прозрачнее. Пышный лавровый подлесок уступил место дубам и соснам, растущим на некотором расстоянии друг от друга. Мой телефон звякнул. Я изумился тому, что даже здесь, на такой высоте, есть сигнал. Но были люди, чья работа заключалась в том, чтобы на Земле не осталось ни единого клочка территории, где не ловит мобильник.

Я проверил почту. Не удержался. Смахнул

экран блокировки — Али и Робби в его седьмой день рождения, с лицами, разрисованными под тигров. Меня ждали семнадцать сообщений в шести разных текстовых цепочках. Я поднял глаза и увидел, как Робби идет по тропе, его походка снова казалась легкой. Я украдкой взглянул на сообщения, опасаясь худшего. Но к таким новостям воображение не сумело меня подготовить.

Телескоп «Следующее поколение» был мертв. Тридцать лет планов и изобретений, двенадцать миллиардов долларов, труд тысяч умнейших людей из двадцати двух стран, надежда всей астрономии и наш первый реальный шанс увидеть очертания других планет. Недавно переизбранный президент убил его с ликованием:

КРУПНЕЙШЕЕ МОШЕННИЧЕСТВО, СОВЕРШЕННОЕ
В ОТНОШЕНИИ ЛЕГКОВЕРНЫХ, ПОСЛЕ ПОПЫТКИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА!!!

Мои коллеги копошились в развалинах, изливая ярость, горе и отрицание. Я что-то напечатал, пять слов машинальной солидарности. Сообщение не ушло.

Дальше по тропе Робби опустился на колени

возле болиголова, уставившись на что-то на земле. Я убрал телефон и направился к нему. Он встал, когда я подошел.

— *Мама когда-нибудь ходила по этой тропе?*

Ибо крепка, как смерть, любовь.

— На что ты смотрел?

Он устремил взгляд на какое-то место в отдаленной части ущелья, заросшего рододендронами.

— *Ходила или нет?*

— Я так не думаю. А что?

— *Тогда не могли бы мы просто пойти к реке? Той, которая ей нравилась?*

— Еще рано, дружище. Я думал, спустимся после обеда. Разобьем лагерь вечером.

— *Не могли бы мы просто пойти туда прямо сейчас? Пожалуйста…*

Мы направились обратно через хребет, вдоль выступающих камней и скоплений цветов, похожих на букеты. Робби торопился. Я попытался его успокоить.

— Посмотри на смолевки. Они едва приоткрылись, когда мы шли в ту сторону. Всего час прошел, и такие перемены — невероятно, да?

Он посмотрел и даже удивился. Но мыслями был в другом месте.

Мы вышли к подножию горы и опять сели в

машину. Я поехал к началу другой тропы — той, по которой мы ходили полтора года назад. Той самой, по которой мы с женой путешествовали во время нашего медового месяца десять лет назад. По пути я соблазнял ее рассказами о тысячах экзопланет, которые впервые за всю историю человечества возникали повсюду.

— *Сколько времени пройдет, прежде чем ты найдешь маленьких зеленых человечков?*

— Очень мало, — сказал я ей. — Вероятно, это будут не человечки. И, наверное, даже не зеленые. Но мы оба доживем до того, чтобы увидеть их.

Увы, с нами такого не случится.

Робин что-то почувствовал, когда мы достали из машины каркасные рюкзаки. Он подождал, пока мы не окажемся на первом повороте, в четверти мили от начала тропы. Потом остановился под кустом цветущей ирги и искоса посмотрел на меня.

— *Тебя что-то беспокоит.*

Какая-то первобытная часть моего мозга воображала, что если я никогда не произнесу этот факт вслух, то все еще может обернуться иначе.

— Ерунда. Я просто задумался.

— *Из-за меня?*

— Робби. Ну что за чушь!

— Из-за того, что я раскричался, у нас возникли проблемы со службой опеки. Они хотят забрать меня у тебя?

Трудно обнимать кого-то вдвое ниже тебя ростом, когда вы оба носите каркасные рюкзаки. Моя попытка только подтвердила его подозрения. Он оттолкнулся и двинулся прочь по тропе. Затем остановился, повернулся и предупредил меня, вскинув палец.

— Не пытайся защитить меня от правды.

— Я не пытаюсь. — Моя рука поднялась и начертила в воздухе закорючку три на два дюйма. Это означало «Прости меня, я совершаю много ошибок». Его голова опустилась на миллиметр. Это означало «Я тоже».

— Робби, прости. Плохие новости из Вашингтона.

— Они убили «Искателя»?

— Хуже. Они убили «Следующее поколение».

Он зажал уши ладонями и тихо вскрикнул, как сбитая в полете птица.

— Это безумие. Столько лет. Столько трудов и денег. Разве они не слышали твое выступление?

Я проглотил горький смешок.

— А как насчет «Искателя»?

— Даже не мечтай.

— *Может, позже?*

— Я столько не проживу.

Робби не мог перестать качать головой.

— *Постой. Это неправильно.*

Он нахмурился, прикидывая в уме. Годы, которые потребовались, чтобы задумать, спроектировать и построить «Следующее поколение». Годы, ушедшие на планирование «Искателя» и потраченные впустую. Годы, которые должны были пройти, прежде чем кто-нибудь осмелится снова предложить проект космического телескопа. И годы, оставшиеся мне. Математика не была самым сильным предметом Робина. Но знаний ему хватало.

— *Что они собираются с ним делать?*

Этот вопрос наверняка погубил сон астрономов и десятилетних детей всего мира. Устройство стоимостью двенадцать миллиардов долларов, предназначенное для того, чтобы удалиться от Земли в пятьдесят тысяч раз дальше, чем «Хаббл», выстроить свои восемнадцать шестиугольных зеркал в массив с погрешностью менее одной десятитысячной миллиметра и заглянуть на край Вселенной, предположительно, будет разобрано и утилизировано.

Самое дорогое кораблекрушение в истории

человечества.

— *Папа. Все деградирует.*

Он был прав. И я понятия не имел почему.

Тропа сузилась до колеи и нырнула в длинный туннель из рододендронов. Я наблюдал за Робином, а он сражался с тяжестью рюкзака и осознанием. Мы поднялись на вершину холма и начали спуск длиной в милю, к воде. Робби резко остановился, и я чуть не сбил его с ног.

— *Все эти цивилизации там, в космосе. Они будут удивляться, почему так и не получили от нас вестей.*

Мы добрались до места у излучины. Робин сбросил громоздкий рюкзак и снова превратился в мальчика.

— *Можем сначала посидеть у воды, прежде чем ставить палатку?*

День был свежим и ясным, оставалось несколько часов до темноты, и не было никаких признаков дождя.

— Можем сидеть у реки столько, сколько потребуется.

— *Потребуется для чего?*

— Чтобы разобраться с человеками.

Он потащил меня на дюжину ярдов дальше, к берегу. Ручей пах свежестью и зеленью. Каждый

из нас отыскал на берегу камень, на котором можно было посидеть. Робби опустил руку в стремительный поток и поморщился от холода.

— *Можно опустить в воду ноги?*

«Следующее поколение» мертв. «Искатель» тоже. Мои модели никогда не будут проверены. Мои научные теории убиты наповал. Воздух вокруг нас трепетал от неукротимости и свободы белопенных каскадов.

— Давай попробуем.

Я снял ботинки и толстые походные носки, погрузил ноющие ноги в водоворот. Ледяная вода размыла грань между облегчением страданий и собственно страданиями. Только вытащив ноги из ледяного потока, я понял, что они онемели. Робби дрожал, болтая ступнями на мелководье, чтобы согреть их.

— На сегодня достаточно, хорошо?

Он вытащил свои окоченевшие конечности из потока. От середины икры и ниже они были кирпично-красными.

— *Красноногая олуша!*

Он с мучительной гримасой схватился за пальцы ног и попытался их разморозить. Его смех скорее походил на всхлип от боли. А потом Робин принялся что-то искать в воде. Я боялся спросить,

что именно. Другой мальчик — другого возраста, в другом мире — однажды сказал мне, что его мать стала саламандрой. Вместе с сыном я посмотрел вниз по течению, надеясь увидеть хоть что-нибудь, способное искупить этот день.

Робин заметил первым.

— Цапля!

Я и не думал, что в нем сохранилось былое спокойствие. Птица замерла посреди течения, погрузившись в воду на фут. Робин тоже замер — надолго, словно его загипнотизировали. Они пристально смотрели друг на друга: глаза моего сына, обращенные вперед; глаза птицы, обращенные вбок. ДекНеф больше не помогал Робину, однако навык подключения к переменчивой обратной связи остался. Когда-нибудь мы снова поймем, как настраивать собственный мозг по шаблону этого места, полного жизни; и тогда неподвижность уподобится полету.

Высокая птица медленно двигалась. Каждые пять минут — полшага. Цапля походила на кусок стоячего плавника. Даже рыба рядом с ней погрузилась в блаженное забытье. Когда цапля наконец нанесла удар, Робин взвизгнул. Клюв преодолел дистанцию в два метра, а птица как будто не наклонилась. Она выпрямилась, сжимая

поразительных размеров добычу. Рыба казалась слишком большой, чтобы проскользнуть в глотку. Но мешковатый пищевод открылся, и миг спустя даже выпуклость не выдавала того, что случилось.

Робин завопил от восторга, и от звука цапля взлетела. Наклонилась, оттолкнулась, захлопала огромными крыльями. Она выглядела еще сильнее похожей на птеродактиля, когда поднималась, и хриплые крики, которые она издавала при взлете, были старше самих эмоций. Неуклюжий отрыв от земли превратился в изящный полет. Робин не сводил с нее глаз, пока цапля не исчезла в зарослях. Он продолжал смотреть на то место, где в последний раз мелькнуло грандиозное создание. Потом повернулся ко мне и сказал:

— *Мама здесь.*

Мы снова надели обувь, повернули вверх по течению и прошли сотню ярдов по каменистому берегу к тому месту, где когда-то плавала вся моя семья, пусть и не одновременно. Когда мы подошли к порогам, я выругался вслух. Робин побледнел.

— *Что, папа? Что?*

Он не понимал, пока я не объяснил. Весь видимый участок ручья покрывали штабели из

плоских камней. Нагромождения возвышались повсюду, на обоих берегах и на валунах посреди русла. Каждое напоминало то ли монумент эпохи неолита, то ли головоломку «Ханойская башня».

Робин вопросительно смотрел на меня, все еще не понимая.

— *Что с ними не так, папа?*

— Это был худший кошмар твоей матери. Туристы разрушают дома всех обитателей реки. Представь себе, что существа из другого мира снова и снова материализуются в околоземном пространстве, чтобы уничтожить наше жилье.

Его глаза заметались, выискивая голавля, нотрописа, форель, саламандр, водоросли, речных раков, личинок, обитающих в воде, а также находящихся под угрозой исчезновения нотурусов и аллеганских скрытожаберников — всех живых существ, принесенных в жертву этому стремлению пометить территорию.

— *Мы должны их разобрать.*

Я чувствовал себя таким усталым. Если бы я мог сбросить свою жизнь у воды и оставить ее там… Вместо этого мы принялись за работу. Мы разрушили башни в пределах досягаемости. Я сбивал свои. Робин разбирал по камешку, вглядываясь в прозрачную воду в поисках лучшего места для

каждого. Когда мы закончили со штабелями на нашем берегу, сын посмотрел на те, что высились посреди ручья.

— *Давай возьмемся за остальные.*

Две тысячи пятьсот миль рек, усеянных камнями, протекали через эти горы. Человеческая деятельность затронула каждую. Мы с сыном могли бы разбирать пирамиды каждый день, все лето и осень, но следующей весной они поднялись бы вновь.

— Они слишком далеко. Течение слишком сильное. И ты уже знаешь, как здесь холодно.

В глазах каждого десятилетнего ребенка бывает такое выражение, первый намек на грядущую долгую войну. Робин колебался на пороге того, чтобы бросить мне вызов — дескать, попробуй остановить меня. Затем сел на камень, покрытый тысячелетним лишайником.

— *Мама бы это сделала.*

Его мать, саламандра.

— Не сегодня, Робби. Эта вода — чистый тающий снег. Давай вернемся в июле. Пирамиды из камней по-прежнему будут повсюду. Гарантирую.

Он посмотрел на окаймленный зеленью канал, который шел через лес и спускался с горы.

Песня бурого короткоклювого дрозда, казалось, успокоила его. Дыхание Робби стало глубже и замедлилось. Стая мошек роилась над порогами, и компания ранних голубовато-белых желтушек собралась вокруг лужи у его ног. В этом месте любому человеку, даже моему сыну, было трудно гневаться долго. Он повернулся ко мне, слишком быстро воскресив нашу дружбу.

— Что готовим на ужин? А можно я буду стоять у плиты?

В лагере никто не мог нас тронуть. Мы поставили палатку поближе к реке и расстелили спальники. Устроили кухню на почерневшем от огня месте для костра, и Робби приготовил чечевицу с помидорами, цветной капустой и луком. После еды он был готов простить мне все.

Мы повесили наши рюкзаки на тех же старых платанах, у воды. Небо, просвечивающее сквозь кроны лириодендронов и гикори, было таким ясным, что мы снова рискнули и сняли с палатки тент. Вскоре стемнело. Мы лежали бок о бок, на спине, под прозрачной сеткой, глядя в иссиня-черное море, где звезды, обитатели ночи, жили каждая по своим, особым правилам.

Робби толкнул меня плечом.

— Значит, в Млечном Пути миллиарды звезд?

Этот мальчик заставлял меня относиться к миру по-доброму.

— Сотни миллиардов.

— *А сколько галактик во Вселенной?*

Я толкнул его плечом в ответ.

— Забавно, что ты спрашиваешь. Британская команда только что опубликовала статью, в которой говорится, что их может быть два триллиона. В десять раз больше, чем мы думали!

Он кивнул в темноте. Помахал рукой в сторону неба, будто подчеркивая свой вопрос.

— *Значит, звезды повсюду. Их больше, чем мы можем сосчитать. Так почему же ночное небо не сияет?*

От его медленных и печальных слов волоски на моем теле встали дыбом. Мой сын заново открыл парадокс Ольберса. Али, которая так долго отсутствовала, прикоснулась губами к моему уху: «*Он — нечто особенное. Ты же знаешь это, не так ли?*»

Я изложил ему суть как можно понятнее. Если бы Вселенная была устойчивой и вечной, если бы она не имела начала и конца во времени, от света бесчисленных солнц, распространяющегося во все стороны, ночь стала бы такой же яркой, как день. Но нашей было всего четырнадцать

миллиардов лет, и звезды удалялись от нас с возрастающей скоростью. Это место было слишком молодым и расширялось слишком быстро, чтобы звезды могли стереть ночь.

Лежа так близко к Робби, я чувствовал, как его мысли устремляются наружу, в темноту. Взгляд сына скользил по небу от звезды к звезде. Он рисовал картины, творил собственные созвездия. Когда же заговорил, его голос звучал тихо, но мудро.

— *Тебе не следует грустить. Я имею в виду, из-за телескопа.*

Он напугал меня.

— Почему?

— *Как думаешь, что больше? Космос снаружи…* он прикоснулся пальцами к моему черепу, — *…или внутри?*

Слова из «Создателя звезд» Стэплдона, библии моей юности, вспыхнули в отдаленном уголке мозга. Я не вспоминал об этой книге десятилетиями. «Космос, в сравнении с бытием вообще, бесконечно мал… безграничность бытия лежит в основе каждой частички космоса»[22].

— Внутри, — сказал я. — Определенно, внутри.

---

[22] Сноски: 22
Перевод О. Колесникова.

— Ладненько. Из этого следует, что, возможно, миллионам планет, которые никогда не запустят такой телескоп, так же повезло, как и миллионам планет, которые это сделают.

— Может быть, — сказал я и отвернулся.

— Вот эта, вон там. — Он ткнул пальцем. *— Что происходит на ней?*

Я поведал ему.

— Там люди могут разделиться пополам и снова вырасти как два отдельных человека, сохранив все свои воспоминания нетронутыми. Но только один раз в жизни.

Его рука взметнулась к дальней стороне неба.

— А эта? Как насчет нее?

— Там хроматофоры по всей коже человека всегда выдают его истинные чувства.

— Круто. Я бы хотел там жить.

Мы долго летали по Вселенной. Мы забрались так далеко, что растущая луна — два дня после полнолуния — поднялась над краем гор и затмила звезды. Он указал на один из последних оставшихся ярких огней. Юпитер.

— А вон там? Воспоминания никогда не ослабевают и не исчезают.

— Ой. Сломанная кость? Драка с кем-нибудь?

— Запах маминой кожи. Та цапля, которую мы

сегодня увидели.

Я посмотрел туда, куда указывал его палец. Свет тускнел в лунном сиянии.

— Хочешь отправиться туда?

Его плечи приподнялись внутри спальника.

— *Я не знаю.*

Что-то крикнуло в лесу. Это была не птица и не млекопитающее, о котором я когда-либо слышал. Крик пронзил темноту и повис над ревущей рекой. Он мог выражать боль или радость, скорбь или торжество. Робби дернулся и схватил меня за руку. Попросил меня молчать, хотя я не издал ни звука. Крик раздался снова, уже дальше. Еще один возглас вызвал отклик, сменившийся неистовыми трелями.

Потом все прекратилось, и ночь наполнилась другой музыкой. Робин повернулся и схватил меня крепче, его лицо освещала луна. Каждое живое существо ощущало все, что было ему предначертано.

— *Прислушайся,* — сказал мой сын. А затем прозвучали слова, которые никогда не потускнеют и не сотрутся из моей памяти. — *Ты веришь, что мы взаправду тут?*

В темноте нашей уютной палатки, в десяти дюймах от моего лица, Алисса прошептала:

— Почему это столь важно?

Мы шли пешком восемь часов, пока у меня ноги не начали кровоточить. Мы вместе плавали в неистовых каскадах. Я так изнемог, что с трудом разжег походную плиту и приготовил ужин. Не помню, что мы ели. Помню только, как она просила добавки.

Мне хотелось рухнуть лицом вниз на надувную подушку и умереть на неделю. Она же хотела не спать всю ночь и поговорить о философии.

— Имеет ли вообще какое-то значение, зародилась ли жизнь где-нибудь еще? Она зародилась — здесь. Это самое главное, да?

Мозг отказывался повиноваться. Я с трудом совместил подлежащее со сказуемым.

— Один раз — случайность. Два раза — неизбежность.

Она прижалась к моей груди.

— Нравится мне эта штука под названием «брак».

В сказанном прозвучало удивление, как будто она сама не ожидала от себя открытия, отвечающего на все вопросы.

— Если найдем где-то признаки брака, поймем, что цель мироздания — жизнь.

Как же она смеялась…

— О, мистер, мироздание и впрямь желает жизни. — Али забралась на меня сверху, моя собственная маленькая Вселенная. — *Причем желает ее прямо сейчас.*

На минуту мы стали всем. А потом исчезли. Наверное, я заснул, потому что снова проснулся от потустороннего звука. В темноте кто-то пел. Сначала я подумал, что это Али. Три плавные, зацикленные ноты: кратчайшая из мелодий, которую кто-то пробовал играть на бесконечной клавиатуре пианино. Я посмотрел на свою жену. Ее глаза в темноте распахнулись так, как будто мечтательную песенку из трех нот играл сам Бетховен. Она схватила меня за руку в притворной панике.

— Милый! Они приземлились. Они здесь!

Она знала, что это за птица. Но я не спросил, и теперь никогда не узнаю. Она слушала, пока пение не стихло. Тишина тотчас же наполнилась гулом других существ, сетью, распространяющейся во всех направлениях через шесть различных видов леса, окружающего нас. Али замерла в простом экстазе, которому ненадолго научится наш сын.

— Такова жизнь, — сказала она. — *Если бы я могла сохранить это чувство при себе навсегда…*

До чего невелика разница между «навсегда» и «однажды».

Я задремал, сам того не осознавая. Сон разорвал звук открывающейся молнии. Я не мог взять в толк, как ему удалось одеться и почти выйти из палатки, не потревожив меня.

— Робби?

– *Ш-ш!* — сказал он. Я не понимал почему.

— Ты в порядке?

— *Я в порядке, папа. Все супер.*

— Куда ты?

— *Зов природы, папа. Скоро вернусь.*

В лунном свете он покрутил рукой, словно сжимая невидимый шар: старый сигнал «все хорошо». Я положил голову на надувную подушку, натянул край зимнего спальника на шею и снова заснул.

Тишина разбудила меня. Я мгновенно понял две вещи. Во-первых, я проспал дольше, чем хотел. Во-вторых, Робина в палатке не было.

Я оделся и вышел. Трава, на которой мы разбили лагерь, была влажной от росы. Ботинки и носки Робина лежали у входа. Фонарик тоже: он был не нужен. Луна в ясном небе превратила окружающий пейзаж в серо-голубую акватинту. Ориентироваться по корням и камням стало так

же легко, как идти при свете уличного фонаря.

Я крикнул, но ничего не услышал в ответ из-за шума порогов. Обогнув площадку для кемпинга, я закричал громче.

— Робин? Робби! Дружище?

Приглушенный стон донесся из ручья в нескольких футах от меня.

Я добрался до воды за считаные секунды. В серебристом свете пороги казались нагромождением осколков. Однажды сын мне кое-что сказал: «*Чем темнее становится, тем лучше я вижу краем глаза*». Я окинул реку взглядом, следуя за течением. Робби свернулся калачиком на валуне посреди потока, обнимая какой-то выступ.

Через пять футов в потоке я наступил на что-то скользкое. Камень вывернулся из-под ноги, я упал. Ударился правым коленом и левым локтем, оцарапал то и другое. Ледяная волна утащила меня на десять ярдов вниз по течению, прежде чем я ухватился за другой крупный камень. Я пополз обратно вверх по течению, перебираясь на четвереньках от одного валуна к другому. Каждый шаг, казалось, занимал минуты. Приблизившись к валуну, я все понял. Робби разбирал пирамиды. Снова превращал реку в безопасный дом для живых существ.

Он промок по ключицы. Все его тело тряслось. Он попытался протянуть руку, но она безвольно повисла. Изо рта вырывались невнятные звуки, совсем не похожие на слова. Он дрожал, как испуганный зверь. Ему было так холодно.

Ход времени нарушился. Я не мог решить, что делать. Пульс Робби был таким слабым, что я боялся поднять моего мальчика на руки. Если ползти с ним обратно через каскады, то придется погрузить его в ледяную воду так надолго, что он не выдержит. Я поднял его, собираясь отнести на берег. На втором шаге потерял равновесие и окунул Робби в воду. Из его груди вырывались ужасные звуки. Никто не смог бы пересечь эти мокрые камни в вертикальном положении, с грузом в руках.

Я положил сына обратно на крошечный островок и придерживал, пока забирался рядом. Снял с него штаны и рубашку — потребовалась целая вечность, чтобы отделить мокрую одежду от кожи. Футболка легла кучкой ткани на узкий валун; крошечные джинсы соскользнули, их унесло течением. Дрожь усилилась. Я попытался высушить его, но лишь ускорил испарение и усилил холод.

Я изо всех сил старался сохранять спокойствие

и сосредоточенность. Мне нужно было завернуть Робби во что-нибудь теплое, но моя собственная одежда была мокрой после падения в реку. Его дыхание было неглубоким, затрудненным. Я подтянул его колени к груди, снял промокшую рубашку и прижался к нему всем телом. Но моя кожа была такой же холодной и влажной, как у него.

Я поднял голову. Нас окружал серебристый, неподвижный мир. Даже река текла слишком медленно, чтобы быть реальной. Мы находились в нескольких милях от начала тропы. Горы блокировали сотовую связь. Ближайший человек находился по ту сторону хребта. И все равно я закричал. Мой крик потревожил Робина, и его стоны стали еще сильнее. Даже если бы кто-то каким-то чудом услышал меня, то никогда бы не нашел нас вовремя.

Я гладил и тормошил его, звал по имени. Похлопывания перешли в пощечины. Он перестал стонать, перестал реагировать. Воля к жизни его покидала. Невзирая на трение, кожа посинела. Я снова прижался, чтобы заключить его в свои мокрые объятия, но это было бесполезно. Мне нужен был какой-то другой способ согреть его. Еще несколько минут на холодном весеннем воздухе

без одежды, и Робби умрет.

Я поднял глаза. Палатка с сухим и теплым спальным мешком стояла прямо на берегу, всего-то в двадцати футах. Я свернулся калачиком вокруг Робби и попытался запечатать слой воздуха вокруг его туловища. Дрожь продолжалась, но я не слышал сердцебиения.

Голос сказал: «Попробуй». Я оставил его на валуне и, спотыкаясь, побрел через пороги. Вскарабкался на каменистый, поросший деревьями берег. Молния палатки порвалась от моих усилий. Я схватил спальный мешок и побежал обратно к реке. На берегу я обернул мешок вокруг шеи и умудрился не упасть, пока пробирался обратно к валуну. Я накинул на Робина мешок и застегнул. Затем укрыл его своим телом. Укрывал его, как мог, пытаясь различить звук дыхания в шуме текущей воды.

Прошло много времени, прежде чем я смирился с тем, что больше ему не нужен.

Жила-была планета, которая не могла понять, куда все подевались. Она умерла от одиночества. Такое случилось миллиарды раз только в нашей галактике.

В университете мне из сострадания дали отпуск.

После похорон, после долгих дней с родственниками Робби и всеми, кто считал нас друзьями, я больше не чувствовал необходимости ни с кем разговаривать. Мне хотелось только сидеть дома, читать его записные книжки, просматривать его рисунки и записывать все, что я мог вспомнить о времени, проведенном вместе с ним.

Люди приносили еду. Чем меньше я ел, тем больше они приносили. Я не мог заставить себя оплатить счет, подстричь траву, помыть посуду или посмотреть новости. Два миллиона человек в Шанхае потеряли свои дома. В Финиксе закончилась вода. Вирусная коровья энцефалопатия перешла на людей. Прошли недели, прежде чем это заметили. Я спал днем и не спал ночью, читая стихи в комнате, полной живых существ, которые были повсюду, но не здесь.

Я не отвечал на звонки. Время от времени просматривал голосовые сообщения и почту. Ничто не требовало ответа. В любом случае у меня ответов не было.

И вот однажды пришло сообщение от Карриера.

«Если хочешь побыть с Робби, я это устрою».

— Хорошо, — говорит мужчина, к которому я больше не испытываю ненависти. — Расслабься и

не шевелись. Следи за точкой в середине экрана. Теперь пусть точка переместится вправо.

Я не знаю, как это сделать. Он говорит, что в целом мире нет ничего проще. Надо подождать, пока она не начнет двигаться сама. Затем остаться в этом состоянии ума.

Он многим рискует ради меня, нарушая закон. Мы все нарушим его довольно скоро. Но Мартин — не просто преступник. Он тратит бюджет, которого у него нет, питая эти машины энергией, которую скоро будет трудно достать любой ценой. Он сам управляет сканером, уволив всех сотрудников. Его лаборатория, как и многие другие, сворачивается.

Я лежу в трубе и настраиваюсь на шаблон мозга Робби. Тот, который они записали в августе прошлого года, когда мой сын был на пике формы. Нахождение в этом пространстве само по себе помогает мне дышать. Я учусь перемещать точку, увеличивать ее, уменьшать и менять ее цвет. Два часа пролетают незаметно. Карриер говорит:

— Хочешь вернуться завтра?

Я понимаю, почему он мне помогает. Это больше, чем жалость. Как и многие ученые, он жаждет искупления. И по какой-то причине глубоко заинтересован в моем прогрессе. Чтобы это объяс-

нить, нужно гораздо больше знаний о мозге, чем у него. На самом деле тут кроется что-то из области астробиологии. Планеты в зоне обитаемости могут превратить дождь, лаву и толику энергии в нечто самостоятельное и целеустремленное. Естественный отбор может превратить эгоизм в его противоположность.

Я прихожу снова и снова. Учусь повышать и понижать тональность кларнета, замедлять и ускорять его, превращать в скрипку, и это очень просто: надо лишь позволить своим чувствам совпасть с чувствами сына. Меня направляет обратная связь, и все это время мой мозг учится быть похожим на то, что любит.

И вот однажды сын оказывается в моей голове — он живее всех живых. Алисса по-прежнему внутри него. То, что они чувствовали тогда, я чувствую сейчас. Что больше, внешний космос или внутренний?

Робби ничего не говорит. Ему и не нужно. Я знаю, чего он от меня хочет. Всего лишь посмотреть, что там, снаружи. Свет распространяется со скоростью триста тысяч километров в секунду. Требуется девяносто три миллиарда лет, чтобы пересечь космос из конца в конец, мимо черных дыр, пульсаров и квазаров, нейтронных,

преонных и кварковых звезд, металлических и голубых уникумов, двойных и тройных звездных систем, шаровых и гиперкомпактных скоплений, галактических приливов, корон и гало, отражательных туманностей и плерионов, звездных, межзвездных и межгалактических дисков, темной материи и энергии, космической пыли, галактических нитей и пустот, и все это существует благодаря законам, проистекающим из вибраций, что измеряются в величинах куда меньших, чем самые маленькие единицы, для которых у нас есть названия. Вселенная — живое существо, и Робин хочет взять меня с собой на обзорную экскурсию, пока не истекло наше время.

Мы вместе поднимаемся на орбиту высоко над тем местом, которое посетили. Мысль приходит ему в голову, и я ее слышу.

— Ты веришь, что мы взаправду тут побывали?

О, эта планета была хороша. И мы тоже были хороши — так же хороши, как тепло солнечных лучей, колкий дождь, запах живой почвы, всеобъемлющая песня бесконечного разнообразия, наполняющая воздух переменчивого мира, которого, по всем расчетам, никогда не должно было существовать.